

..... Любовь .....
Ульянова

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОЛИЦИЯ
И ЛИБЕРАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

..... 1880–1905 .....

Любовь Ульянова

**Политическая полиция и
либеральное движение в
Российской империи: власть
игры, игра властью. 1880-1905**

«Алетейя»

2020

УДК 94(47)"1880/1905"
ББК 63.3(2)5-4

Ульянова Л. В.

Политическая полиция и либеральное движение в
Российской империи: власть игры, игра властью. 1880-1905 /
Л. В. Ульянова — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-156-7

Политическая полиция Российской империи приобрела в обществе и у большинства историков репутацию «реакционно-охранительного» карательного ведомства. В предлагаемой книге это представление подвергается пересмотру. Опираясь на делопроизводственную переписку органов политического сыска за период с 1880 по 1905 гг., автор анализирует трактовки его чинами понятия «либерализм», выявляет три социально-профессиональных типа служащих, отличавшихся идейным обликом, особенностями восприятия либерализма и исходящих от него угроз: сотрудники губернских жандармских управлений, охранных отделений и Департамента полиции.

УДК 94(47)"1880/1905"
ББК 63.3(2)5-4

ISBN 978-5-00165-156-7

© Ульянова Л. В., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Введение	5
Глава I	32
1.1. Структурно-нормативные контексты: функции и компетенция	33
1.2. Социально-профессиональные контексты: групповые «портреты» служащих	39
1.3. Индивидуальные контексты: межличностные отношения	51
Глава II	59
2.1. «Либерализм» позитивный и деструктивный	60
2.2. «Революционные» истоки «либерализма»	66
2.3. Организационные параметры: институты, социальные и профессиональные группы (статика)	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Любовь Ульянова

Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905

Введение

В 2008 году в заключении к диссертации «Политическая полиция и либеральное движение, 1880–1905 гг.» автор этих строк осторожно, как и положено в диссертациях, сформулировала вывод исследования, во многом противоречащий историографическому канону изучения власти и общества в Российской империи рубежа веков. Этот канон, сложившийся еще с дореволюционных времен, состоит в том, чтобы рассматривать власть в целом, тем более такую ее часть, как политический сыск, в качестве инстанции, противостоящей и противоположной обществу.

При переработке диссертации в текст монографии показалось уместным, дабы не томить читателя, сформулировать вывод исследования сразу же: чины политического сыска и «либералы» были не противостоящими друг другу сторонами, а участниками единого процесса дискуссий о путях и принципах развития страны, идейной полемики, наиболее активно шедшей в образованном обществе в период после Великих реформ. Этот процесс в литературе комплексно не изучен, в данном исследовании он реконструируется на, в общем-то частном, но важном примере – на основе анализа делопроизводственной переписки чинов политического сыска о «либералах» на хронологическом промежутке с 1880 г. – момента создания Департамента полиции – по октябрь 1905 г., когда был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка».

Как представители одного образованного общества, служащие политической полиции и «либералы» находились внутри одного коммуникативного и языкового пространства. Причем даже идеологически (а не только институционально) отношение первых ко вторым не укладывается в рамки дихотомии «охранительство» («консерватизм») – «либерализм»; скорее, уместно говорить о разных позициях внутри самого политического сыска, от традиционализма и охранительства до умеренного либерального консерватизма. Опять же вопреки историографической традиции рассматривать политический сыск как некое институциональное и мировоззренческое единство охранительного толка («охранение самодержавия»), в данном исследовании доказывается, что внутри этого ведомства существовало два основных политических мировоззрения.

Одно из них действительно можно определить как охранительство, и его носителями были в первую очередь жандармы – служащие губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ), местных подразделений политического сыска. Однако идейно-политические предпочтения руководящих чинов политической полиции, периодически проявлявшиеся в их документах, были, скорее всего, умеренно-консервативно-либеральными, «неославянофильскими». В научной литературе тема идейного (и дискурсивного) влияния славянофильства на высшую российскую бюрократию последней четверти XIX в. практически не исследована¹, поэтому сюжет о симпатиях руководства политического сыска к славянофильству, подробно

---

¹ Обзор состояния исследований по этому сюжету см.: *Межуев Б.В., Ульянова Л.В.* Русский консерватизм и народное представительство // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 167–177.

разбираемый в 3-й главе настоящей работы², ведется как будто в безвоздушном пространстве. Вместе с тем можно предполагать, что подобные симпатии были типичными для российской бюрократии указанного периода в целом.

Наряду с Департаментом полиции и ГЖУ, третья важная структура политической полиции – охранные отделения – хотя и была укомплектована во многом теми же жандармами, что служили в ГЖУ, в идейном плане находилась ближе к Департаменту полиции.

В итоге «либерализм», который должен был располагаться на противоположном от деятелей политического сыска идеологическом полюсе, в действительности находился рядом с ними. Констатация этой близости будет доказываться на протяжении монографии в первую очередь в отношении руководителей этого ведомства, от которых зависели как конкретные решения по разным ситуациям, так и общее стратегическое видение.

Названные выводы стали возможны благодаря нестандартному совмещению определенных историографических и методологических подходов, которые рассматриваются ниже в качестве проблемных узлов. Традиционный обзор историографии, построенный по хронологическому принципу, можно найти в моей диссертации³, так же как и в большом количестве научных работ⁴.

Первый проблемный узел связан с нижней хронологической границей исследования – 1880 г. К 1880 г. – году создания Департамента полиции – и в публичном общественном пространстве (в первую очередь в периодической печати, но и в художественной литературе⁵), и в непубличной делопроизводственной переписке служащих разных государственных инстанций, и в частной жизни (от которой остались переписка, дневники и т.п. источники личного происхождения), уже сложился идейно-идеологический дискурс, разделявший представителей образованного общества на «консерваторов», «охранителей» и «реакционеров», «либералов» и «конституционалистов», «народников» и т.д.

Получается, что чины политического сыска после 1880 г. работали со сложившейся уже во многом палитрой и находились под ее влиянием, в том числе используя, по сути, обществен-

² Также см. мою более подробную статью об этом: Ульянова Л.В. Департамент полиции и славянофильский политический дискурс // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 123–136.

³ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880–1905 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 2009. С. 3–27.

⁴ Историографические обзоры изучения дореволюционной политической полиции: Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 7–20; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи, 1880–1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5–7; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX – начале XX в.: по материалам Нижегородской губернии. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2003. С. 5–11; Чудакова М.С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880–1917. Ярославль, 2003. С. 3–19; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881– февраль 1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Кемерово, 2005. С. 4–17; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. 1902 – февраль 1917 г. на примере Саратовской губернии. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 6–14; и др. Историографические обзоры по российскому либерализму: Корнев В.В. Советская историография о кадетском конституционализме в годы Первой русской революции // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977; Спириш Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 59–100; Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 1–28; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 15–18; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий периода Первой русской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7; Они же. История политических партий России в 1907–1914 гг. в советской историографии // Вопросы истории. 1989. № 4; Волобуев О.В., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные вопросы // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989; Либерализм в России. М., 1996. С. 11–20; Нарский И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте (историографический парадокс) // История национальных политических партий России. М., 1997; Зайцева Е.С. Проблема взаимоотношения кадетов и власти в 1905–1907 гг.: историографический анализ // Власть и общество. СПб., 2000. С. 97–104; Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 23–37; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 2000; Они же. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17; Егоров А.Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007; и др.

⁵ Например, в произведениях «Обрыв» И.А. Гончарова, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и др.

ные градации и общественный язык. Отдельный вопрос, насколько они наделяли этот язык своим пониманием. Так или иначе, при обозначенной таким образом нижней хронологической границе исследования рассмотреть истоки образа «либерального» из перспективы политического сыска не получится. Тем не менее хронологическое отстраивание от создания Департамента полиции в 1880 г. имеет смысл, т.к. появление этого учреждения отразило принципиально новый подход к данной сфере государственного управления.

Про кризис III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, неспособного справиться с народовольческим террором, написано немало литературы⁶, но сейчас речь не столько об этом кризисе, сколько о процессе профессионализации государственных служащих, появлении рациональной бюрократии (в смысле социологической категории, предложенной для описания модерного государственного аппарата, как известно, М. Вебером). С точки зрения американского историка Р. Уортмана, этот процесс в Российской империи в целом вышел на финишную стадию в ходе Великих реформ, и одной из важных его черт было распространение юридического образования и, следом, правового сознания как в верхах российской властной элиты, так и в целом в государственном аппарате⁷. III отделение оставалось не затронутым этим процессом, и его существование во всё более современном государственном аппарате к рубежу 1870–1880-х гг. стало явным анахронизмом. Департамент же полиции изначально был вписан в рационализированную, по сути, высшую бюрократическую систему как ее неотъемлемая часть. Это кардинально поменяло общий облик политического сыска, его методы работы и отношение к тому, с чем нужно «бороться».

Другое дело, что, на мой взгляд, процесс превращения политической полиции в целом в модерную структуру, т.е. в спецслужбы как таковые, оказался незавершенным вплоть до 1917 г. В основном по причине того, что на местах политическим сыском с момента создания III отделения и до падения монархии занимались жандармы – чины Отдельного корпуса жандармов, которые, по идее, должны были быть, скорее, военизированной полицией, как это было в Европе в XIX в.⁸ Однако в Российской империи в разное время в разных сочетаниях жандармы занимались и дознаниями (т.е. следствиями), и наблюдением за настроениями населения и секретной агентурой (т.е. политическим сыском), и решением проблемы коррупции в среде бюрократии, и борьбой с «нравственной неблагонадежностью» (т.е. своего рода нравственная полиция), и т.п.

Так или иначе, 1880 г. знаменовал качественно новый этап в развитии системы политической полиции, внутри которой был заложен серьезный потенциал для ее превращения в спецслужбу в современном понимании этого слова.

Верхняя хронологическая граница – Манифест 17 октября 1905 г. – также во многом связана с проблематикой превращения традиционного (самодержавного) государства в государство модерное (политическое). Изначально, при постановке проблематики исследования еще в аспирантуре, 1905 г. был выбран моим научным руководителем Л.Г. Захаровой во многом интуитивно и в то же время с опорой на историографическую традицию – это и год начала Первой русской революции, и время институционализации общественного движения в рамках политических партий (что существенно сказалось на работе политической полиции), и старт крупных реформ самого политического розыска⁹. В ходе анализа источников произошло

⁶ Орджеховский И.В. Самодержавие против революционной России. (1826–1880). М., 1982; Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. М., 1993. С. 82; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. М., 1998. С. 83; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 21; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 29–38.

⁷ См. подробнее: Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России М., 2004. Введение.

⁸ См. о соответствующих планах в проектах А.Х. Бенкендорфа: Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 147–155.

⁹ Об этих реформах наиболее подробно пишет в своих работах З.И. Перегудова (Перегудова З.И. Политический сыск России). В.А. Ефремов также предлагает считать 1905 г. рубежом в истории политической полиции по причине внутренних

уточнение верхней хронологической границы, ею стал октябрь 1905 г., а именно – издание Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Манифест оказался рубежом для служащих политической полиции, причем не столько для их восприятия общественно-политической проблематики (по факту они уже давно видели существование политики и легального политического пространства), сколько для их работы с этой проблематикой. Манифест изменил правила игры политического сыска и общественности¹⁰, и можно предположить, что, по крайней мере, в Департаменте полиции эти изменения были восприняты с облегчением, т. к. они легализовали то публичное политическое пространство, которое составляло их головную боль в предшествующий период.

После Манифеста изменился и идейный язык делопроизводственной переписки – идеологический понятийный аппарат, в котором термин «либерализм» занимал доминирующее положение¹¹, с конца 1905 г. заметно трансформируется; теперь в нем доминирует термин «левый» в отношении тех явлений (и конкретных людей), которые ранее обозначались через понятия «либералы», «оппозиция», «радикалы», «конституционалисты» и т.п., в том числе применительно к деятелям Конституционно-демократической партии. Можно предположить, что это изменение делопроизводственного дискурса политического сыска вписывалось в общую замену в образованном обществе идеологических маркеров маркерами партийно-политическими, речь идет о формировании право-левой дихотомии. Не случайно на том месте, где до 1905 г. был «консерватизм», возникают «правые»¹², но на текущий момент эта трансформация в литературе также не изучена, и ее анализ выходит за рамки данной работы.

Таким образом, я исследую внутренне единый период – и с точки зрения институциональной истории, истории государственного управления, и с точки зрения происходивших в то время общественно-политических процессов, касавшихся в том числе и мировоззрения бюрократии. Моя работа охватывает тот период, когда политическая полиция начала трансформироваться в рационализированную государственную структуру. Проблематика же исследования сосредоточена, по сути, на реконструировании важных составляющих подспудного процесса движения к современному и обществу, и государству, в которых политика является важным фактором. В центре анализа – реконструкция восприятия этого процесса чинами политического сыска, с одной стороны, а с другой – реконструкция их собственного участия (в том числе, но не исключительно, – в форме сопротивления) в этом движении к политическому модерну.

Второй проблемный узел связан с тем, что под политической полицией Российской империи указанного периода можно понимать различные инстанции. В первую очередь речь идет о своего рода историографической конкуренции между Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов за «руководство» политическим сыском как таковым. Начну с той точки зрения, которую не разделяю и которая появилась не столь давно, в ряде кандидатских дис-

---

преобразований системы политического сыска (*Ефремов В.А.* Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 14). Дж. Дейли, один из наиболее серьезных исследователей системы российской политической полиции конца XIX – начала XX вв. в западной историографии, также разделил две свои монографии 1905 годом: *Daly J.W.* Autocracy under Siege. Security Police and opposition in Russia, 1866–1905, Illinois, 1998; *Ibid.* The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. Dekalb, 2004.

¹⁰ Об изменении целей и задач политической полиции после октября 1905 г. писал, скажем, один из директоров Департамента полиции в годы Первой мировой войны К.Д. Кафафов: *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 104.

¹¹ Термин «консерватизм» в делопроизводственной переписке встречается на порядок реже, и думается, дело не столько в том, что он относился к политически благонадежной сфере, сколько в том, что консервативная самоидентификация присутствовала только у жандармов – мне не встретилось ни одного документа за подписью чинов Департамента полиции и охранных отделений с этим термином.

¹² О соотношении терминов «правые», «черносотенцы» и «консерватизм» см. мою работу: *Бибикова (Ульянова) Л.В., Дёмин В.А.* Трудные вопросы истории России: характер общественного движения XIX – начала XX вв. в истории России. Учебное пособие. М., 2018.

сертификатов последних лет – в частности, в диссертации А.М. Лавреновой и монографии В.В. Хутарева-Гарнишевского¹³. В их работах главенство Корпуса жандармов констатируется как само собой разумеющееся и не требующее отдельных пояснений. Однако при этом непонятно, почему в таком случае исследование Лавреновой, посвященное отношению в русском обществе к Отдельному корпусу жандармов, начинается с 1880 г. – т.е. с даты создания Департамента полиции, а во введении к монографии Хутарева-Гарнишевского, посвященном жандармам и спецслужбам в целом в годы Первой мировой войны, дается подробная характеристика внутренней структуры Департамента полиции, а не Отдельного корпуса жандармов, при этом их взаимоотношения не проясняются.

Автор этих строк разделяет точку зрения З.И. Перегудовой, выраженную в ее работах, которые являются базовыми исследованиями по политической полиции России с 1880 по 1917 г. – руководство политическим сыском осуществлял Департамент полиции, жандармерия же и институционально, и функционально лишь соприкасалась с этой сферой деятельности¹⁴. В наследство Департаменту полиции от III отделения достались в качестве основных местных подразделений губернские жандармские управления (ГЖУ). Созданные в 1866 г., они подчинялись командиру Корпуса жандармов, который до 1880 г. одновременно являлся и начальником III отделения в должности шефа жандармов. При этом у корпуса была военизированная структура, и по строевой части он подчинялся Военному министерству. В 1880 г. шефом жандармов стал товарищ министра внутренних дел, заведывающий полицией, – вновь введенная должность, – которому подчинялся и Департамент полиции, находившийся отныне в составе Министерства внутренних дел на правах одного из департаментов.

Таким образом, Департамент полиции в отличие от III отделения не имел в прямом подчинении Отдельный корпус жандармов, соединение в одном лице руководителя III отделения и шефа жандармов осталось в прошлом. Однако ГЖУ были подчинены по своей деятельности в области «предупреждения и пресечения государственных преступлений» Департаменту полиции. В подчинении некоторых ГЖУ, в свою очередь, было много других жандармских структур – крепостные, портовые, конные жандармские команды, пограничные и наблюдательные пункты, жандармские кавалерийские дивизионы¹⁵, которые не имели отношения к политической полиции и деятельность которых курировалась как раз Отдельным корпусом жандармов. При этом с 1871 г. ГЖУ совместно с прокуратурой занимались проведением дознаний «по делам о государственных преступлениях» – т.е. осуществляли следственную деятельность, также напрямую не связанную с политическим розыском. В довершение всего в структуре Отдельного корпуса жандармов существовали жандармско-полицейские управления железных дорог – самое массовое подразделение в составе ОКЖ в начале XX в.¹⁶, подчинявшееся шефу

¹³ Перегудов А.В. Русский жандарм начала XX в.: Особенности восприятия (По воспоминаниям офицеров Отдельного корпуса жандармов) // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 50–55; Бакут Д.А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881–1917 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). С. 50–55; Лавренова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 2018; Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020.

¹⁴ Департамент полиции рассматривается как руководящая структура политического сыска и в других работах: Руд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16; Головкин Г.З. Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры. М., 1994; Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы; Романов В.В. На страже российской монархии: политическая полиция Поволжья в 1905–1907 гг. Ульяновск, 1999; Перегудова З.И. Политический сыск России; Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2001. Т. 2. С. 63–75; Галвази С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; Реев Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в. (1900–1917). М., 2002; Чудакова М.С. Противостояние; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. М., 2004; Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). СПб., 2001; Перегудова З.И. Деятельность Заграничной агентуры. 1883–1917 / Жандармы России. М., 2002. С. 314–332; и др.

¹⁵ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 130–131.

жандармов (т.е. после упразднения III отделения – товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией) и выполнявшие функции общей полиции в районах железных дорог. Очевидно, их деятельность также не имела отношения к политическому сыску.

Итак, получается, что Отдельный корпус жандармов руководил не политическим сыском, а различными и многообразными жандармскими структурами, из которых только одна – ГЖУ – имела отношение к политической полиции, и то это была лишь часть их более обширного функционала, и в этой своей деятельности ГЖУ подчинялись не ОКЖ, а Департаменту полиции.

Правомерность выше сказанного подтверждается материалами моего исследования: единственный тип делопроизводственной переписки по вопросам политического сыска, в котором участвовал Отдельный корпус жандармов, – это назначение чинов губернских жандармских управлений, присвоение им званий, выплата наград, т.е. строевая компетенция, как и утверждается в монографии З.И. Перегудовой. Товарищи же министра внутренних дел, заведывающие полицией (шефы жандармов), в деятельности формально подчиненного им Департамента полиции участия практически не принимали. Скажем, мне ни разу не встретились ни в ходе моего исследования, ни в других работах какие-либо упоминания документов за подписью В.В. фон-Валя (шеф жандармов в 1902–1904 гг.) или К.Н. Рыздзевского (шеф жандармов в 1904–1905 гг.).

Эта констатация нужна не столько для того, чтобы опровергнуть или опорочить точку зрения о главенстве Отдельного корпуса жандармов в политическом сыске над Департаментом полиции, сколько для подтверждения одного из тезисов, важных для данного исследования, – о незавершенности и противоречивости процесса превращения политической полиции Российской империи в систему спецслужб. А это, в общем-то, ставит вопрос о применимости самого термина «спецслужбы» к дореволюционному политическому сыску в целом.

Однако откуда взялись эти две разные точки зрения? Видимо, дело в наследовании двум разным историографическим традициям, идущим из советской эпохи, когда, начиная с 1960-х гг., историки стали обращаться к изучению дореволюционного политического сыска. Это изучение шло либо в рамках истории бюрократии¹⁷, либо как часть истории полиции¹⁸. Причем некоторые важные моменты функционирования политического сыска были изучены именно в рамках истории бюрократии. Так, П.А. Зайончковский – единственный историк, который подробно занимался таким базовым для данной темы и для данного периода документом, как Положение 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Именно из его работ можно сделать вывод, что «Положение» было временным и продлялось постановлением Комитета министров каждые три года, хотя ни в заглавии Положения, ни в его содержании нет даже намек на то, что это временный правовой акт¹⁹, с тех пор в историографии временный характер данного Положения подчеркивается как аксиома, не нуждающаяся в проблематизации и дополнительном исследовании. Представляется, что именно из изучения бюрократии и выросло исследование политического сыска через институт Департамента полиции – как учреждения, вписанного в высшую бюрократическую систему. К этой же историографической традиции стоит отнести ряд современных

---

¹⁷ *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1966; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970; *Он же.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984.

¹⁸ *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961; *Мулукаев Р.С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1974; *Шинджелишвили Д.И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973; *Хохлов А.В.* Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905–1907. М., 1975; *Федоров К.И.* История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.

¹⁹ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 153–154.

работ, посвященных представлениям правящей бюрократии о государственном строе и курсу государственников²⁰.

Второе направление исследований политического сыска можно условно назвать «полицейско-розыскным», отчасти оно имеет корни еще в дореволюционной историографии²¹, здесь уделяется внимание взаимодействию Департамента полиции с Отдельным корпусом жандармов²² и различными структурами общей полиции²³.

Авторы, исследующие политический сыск как часть обще-полицейской системы, в первую очередь обращают внимание на «оперативные», «розыскные» мероприятия, «следственные действия», и не случайно в рамках этих исследований именно жандармы получают пальму первенства в глазах исследователей – ведь именно они (а не Департамент полиции) занимались следственно-розыскной деятельностью. Здесь важно отметить, что жандармы служили не только в ГЖУ или жандармско-полицейских управлениях железных дорог, но и в охранных отделениях – т. е. структурах, занимавшихся в первую очередь политическим сыском как таковым (вербовка секретных агентов, филёрская слежка). Однако до 1902 г. существовавшие охранные отделения входили в структуру градоначальств или обер-полицмейстерств, т.е. они подчинялись шефу жандармов (и, соответственно, Отдельному корпусу жандармов) еще более опосредованно, чем жандармы, служившие в ГЖУ; с 1902 г. же было установлено прямое подчинение охранных отделений Департаменту полиции.

Таким образом, в этих исследованиях в первую очередь анализируются ГЖУ и охранные отделения как оперативно-розыскные учреждения²⁴, однако важно понимать, что первопричиной для их объединения в один объект изучения является не схожесть их функционала и не подчиненность их одному учреждению (не важно – Департамент ли это полиции или же Отдельный корпус Жандармов), а сугубо принцип их комплектования. Естественно, что Департамент полиции при таком подходе оказывается на периферии исследовательского интереса, однако, как представляется, это заметно искажает реалии деятельности дореволюционного политического сыска.

Для данной работы это историографическое направление не имеет особого значения, т.к. идейно-политический дискурс не был уделом ни обычных полицейских, ни даже жандармов, проводивших дознания и пользовавшихся при этом формально-следственным деломпро-

²⁰ Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004; Кротошкин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 г. // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.

²¹ Андреевский И.Е. Лекции по истории полицейского права и земских учреждений России. СПб., 1883; Янжул Й.И. Полицейское право. СПб., 1888; Тарасов И.Т. Очерк истории науки полицейского права. М., 1897; Министерство внутренних дел. 1802–1902. СПб., 1901; Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская полиция и градоначальство. СПб., 1903; Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб., 1903; Белявский Н.И. Полицейское право. Юрьев, 1904; Белецкий С. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913; и др.

²² Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. С. 48–82; Жандармы России. Политический розыск XV–XX вв. М., 2002. С. 251–288; и др.

²³ Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипильев А.Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. Полиция Российской империи XIX – нач. XX вв. М., 1992; Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). Нижний Новгород, 1993. С. 41–44; Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995; Ефремов В.А. Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 135–137; Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1997; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России; Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи; Перегудов А.В. Русский жандарм начала XX в.; Бакиит Д.А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881–1917 гг.).

²⁴ Овченко Ю.Ф. Московское охранный отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 1989; Коллакиди А.И. К вопросу о взаимодействии российских спецслужб в дооктябрьской России / Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 84–89; Овченко Ю.Ф. С.В. Зубатов // Вопросы истории. 2005. № 8; Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) Дисс. на соискание уч. степ. докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010; Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века Российской полиции. М., 2016.

изводственным языком. Однако те же жандармы при взаимодействии с Департаментом полиции в вопросах политического сыска и в ГЖУ, и в охранных отделениях активно оперировали идейно-идеологическими терминами, поэтому их делопроизводственная документация стала важным источником для моего исследования.

Стоит в паре слов отметить и достижения предшествующей историографии по отдельным темам, важным в контексте заявленной проблематики. Таким сюжетом является изучение кадрового состава российской бюрократии²⁵ – в частности, образовательного уровня чиновничества²⁶. Выявленные Д.И. Раскиным и рядом других исследователей принципы комплектования руководящего состава министерств позволяют определить некоторые черты социокультурного и профессионального облика чинов Департамента полиции, а также его отличия от чиновничества в целом. Любопытно изучение нравов политической полиции²⁷, исходящее из ее противопоставления обществу; в этих работах «противостоящие» стороны предстают как однотипные явления, во многом схожие по психологическому складу участников и методам работы²⁸.

Важными для исследования являются также биографические работы о значимых фигурах политического сыска (А.М. Гартинг²⁹, П.Н. Дурново³⁰, С.В. Зубатов³¹, А.А. Лопухин³², Е.П. Медников³³, Л.А. Ратаев³⁴, П.И. Рачковский³⁵ и др.) и руководителях Министерства внутренних дел³⁶.

²⁵ Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 15–16; *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999; *Шилов Д.Н.* Министры дореволюционной России: историко-социологическое исследование // Вестник РГНФ. 1999. № 3.

²⁶ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 67, 77, 87, 214; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 57, 77, 85; *Дубенцов Б.Б.* Высшее чиновничество России в конце XIX – начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX в. Сб. науч. тр. М., 1988. С. 46–55; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 26–28, 323; *Он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; *Раскин Д.И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – нач. XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 35; *Он же.* Империя столоначальников // Родина. 2003. № 1. С. 63–64; *Гарбуз Г.В.* Кадровый состав административного аппарата Министерства внутренних дел в Поволжье в начале XX в. // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Сб. науч. ст. Вып. 2. Пенза, 2004. С. 17–28.

²⁷ *Гредескул Н.А.* Террор и охрана. СПб., 1912. С. 29; *Жилинский В.Б.* Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 250; *Шинджихаивили Д.И.* Сыскальная полиция царской России. С. 47; *Макаричев М.В.* Политический и уголовный сыск России. С. 80; *Гладышева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 172.

²⁸ *Головков Г., Буриш С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 53, 57; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология: (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2016.

²⁹ *Пережудова З.И.* Политический сыск России. С. 145–154; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи. С. 107–108.

³⁰ *Бородин А.П.* Дурново П.Н.: Портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48–69; *Он же.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013; *Акунов В.* Грозное небо Петра Дурново // Рейтар: военно-исторический журнал. 2005. № 20 (8).

³¹ *Пережудова З.И.* Политический сыск России. С. 69–78; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи. С. 109–113; *Новиков С.В.* Революционеры, охранка, провокация. 1887–1917. Психологические зарисовки из истории политического террора. Омск, 2002; *Жандармы России.* М., 2004. С. 426–437; *Овченко Ю.Ф.* С.В. Зубатов // Вопросы истории. 2005. № 8; *Копонова О.А.* «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV; *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018.

³² *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 200–217; *Островский А.В.* Родственные связи А.А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 197–209; *Миндлин А.* «Чужие среди своих»: А.А. Лопухин и С.Д. Урусов против государственного антисемитизма. М., 1997; *Жандармы России.* М., 2004. С. 437–446.

³³ *Пережудова З.И.* Главный филер царской России // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998; *Она же.* Политический сыск России. С. 184–193.

³⁴ *Сватиков С.* Заграничная агентура Департамента полиции. С. 5–15; *Пережудова З.И.* Политический сыск России. С. 63–69; *Брачев В.С.* Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). СПб., 2001. С. 46–70; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи. С. 107.

³⁵ *Карьера П.И. Рачковского* // Былое. 1918. № 2. С. 78–87; *Сватиков С.* Заграничная агентура Департамента полиции. С.

Историография политической полиции Российской империи часто подспудно отстраивается от вопроса, почему этот государственный институт не смог предотвратить революцию, т. е. а была ли его деятельность эффективной. В советской литературе ответ сводился к разным вариациям на тему «загнивающего самодержавия» в целом³⁷. В современной историографии одни отмечают, что период с момента создания Департамента полиции был самым эффективным в истории политического сыска, несмотря на определенные противоречия в его внутренней структуре и управленческих принципах³⁸, другие же считают, что политическая полиция не являлась в достаточной степени эффективной структурой для предотвращения революции³⁹. В целом литература о политическом сыске «списывает» «вину» за революцию на правительство, не имевшее последовательного курса, а не на Департамент полиции⁴⁰.

Вообще, революционное движение нередко рассматривается как отправная точка для развития системы политического сыска. Так, Особый отдел в 1898 г. и охранные отделения в 1902 г. появились вследствие нарастания революционных настроений⁴¹, З.И. Перегудова, например, пишет о создании Особого отдела: «Подавляющее большинство документов, поступающих в отдел... было связано с выступлением студентов, созданием и деятельностью социал-демократической партии и партии социал-революционеров, нарастающим рабочим движением»⁴².

Именно в отношении революционного движения лучше всего исследованы карательные возможности политического сыска⁴³, которые естественным образом в первую очередь изучались в советской литературе, из них наибольшее значение, пожалуй, для моей темы имеют работы Н.А. Троицкого, в которых содержится подробный количественный анализ так называ-

---

5–15; Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 123–136; Брачев В.С. Мастер политического сыска П.И. Рачковский // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 291–324; Он же. Заграничная агентура. С. 20–36; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 141–147; Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи С. 105–107; Бибикова Л.В. (Ульянова) С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // Российская история. 2018. № 5. С. 141–157.

³⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 379–473; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия; Российские консерваторы. М., 1997; Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб., 2001; Чукарев А.Г. Тонкий и беспринципный деятель: (Подробности из личной и политической жизни В.К. Плеве) // Российский исторический журнал. 2003. № 2; Шилов Я. Князь П.Д. Святополк-Мирский в Северо-Западном крае накануне правительственной «весны» (малоизвестные страницы) // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». Сб. ст. М., 2003; Крылова Е.Н. Власть и общество осенью 1904 г.: П.Д. Святополк-Мирский и земский съезд 6–9 ноября 1904 г. // Общество и власть. Мат. Всероссийской науч. конф. СПб., 2005; и др.

³⁷ См., например: Шинджеликишвили Д.И. Сыскная полиция царской России.

³⁸ Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 383; Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи. С. 95; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 118, 167.

³⁹ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 368; Ерофеев Н.Д. З.И. Перегудова. Политический сыск России (1880–1917) // Отечественная история. 2001. № 6. С. 159; Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России. С. 47.

⁴⁰ Ансимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 125; Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). Нижний Новгород. 1993. С. 38; Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 383; Ефремов В.А. Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 14; Перегудова З.И. Политический сыск в России. С. 166, 193, 368; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 167; Новиков С.В. Революционеры, охранка, провокация. 1887–1917. Психологические зарисовки из истории политического террора. Омск, 2002. С. 88; Чудакова М.С. Противостояние. С. 3; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 41, 109, 113.

⁴¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 120–123; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 60–61, 118, 173, 177, 185; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 35; Чудакова М.С. Противостояние. С. 71; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 114.

⁴² Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 64.

⁴³ Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 165–171; Тоттошник Л.И. Состояние политического сыска в России в 60–70 гг. XIX в. Кризис III отделения // Государственные учреждения и общественные организации СССР: история и современность. М., 1985; Перегудова З.И. Источник изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 9. С. 88–100; Тот Ю.В. Административная высылка и полицейский надзор (некоторые аспекты правительственной политики 50–70-х гг. XIX в.) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 176–180; и др.

емых «политических дел»⁴⁴. Подробно исследованы способы получения информации о революционерах – наружное наблюдение⁴⁵, перлюстрация⁴⁶, секретная агентура (их имена, биографии, взгляды, численность и затраты на них политической полиции)⁴⁷. Вызывает удивление, когда в таком шепетильном вопросе как секретная агентура авторы не подтверждают свое мнение ссылкой на источники⁴⁸, что иногда компенсируется ссылкой на литературу⁴⁹. Практически не вызывает разногласий в историографии оценка секретной агентуры как основного оружия политической полиции в «борьбе» с революционерами⁵⁰.

Помимо приоритетного внимания к революционерам в литературе о политической полиции, стоит отметить, что существует и определенный хронологический дисбаланс: исследовательский интерес сосредоточен на событиях с 1902 и особенно с 1905–1907 гг. Причина этого заключается в том, что в 1902 г., а затем, начиная с 1906 г., в политической полиции были проведены крупные реформы, формировавшие системные начала в ее деятельности⁵¹. При этом сами авторы распространяют свои изыскания на весь период существования Департамента полиции (1880–1917). Эта черта наиболее свойственна постреволюционным работам, в которых вообще не обращалось внимания на хронологию, хотя в подавляющем большинстве случаев речь шла о времени, непосредственно предшествовавшем 1917 г.⁵² Подобный хронологический дисбаланс свойственен и некоторым советским и постсоветским исследова-

⁴⁴ *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871—1880 гг.). Саратов, 1976; *Он же.* Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. М., 1978; *Он же.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979.

⁴⁵ *Гладьшева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 85–98, 117–138; *Фомишкин А.* Страницы истории филерской службы политической полиции. 1880–1917 // *Жандармы России.* М., 2004. С. 355–394; и др.

⁴⁶ *Жилинский В.Г.* Организация и жизнь охранных отделений. С. 301; *Осоргин М.А.* Охранное отделение и его секреты. М., 1917. С. 5–6; Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // *Былое.* 1918. Вып. 2 (30). С. 190–222; Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 год // *Красный архив.* 1928. Т. 2 (27); 1928. Т. 3 (28); *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилов А.Е.* История полиции России. Вып. 2. С. 48; *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 116; *Ефремов В.А.* Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 116–121; *Жаров С. Н.* Интеллигенция и жандармы: взаимные отношения (по материалам Челябинского уезда) // Тезисы к научно-практической конференции «Интеллигент в провинции». Екатеринбург, 1997. С. 49–51; *Он же.* Мифы о перлюстрации в царской охранке // Актуальные проблемы теории и практики юридического образования на пороге XX столетия: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию юридического факультета ХГАЭП. Хабаровск, 1999; *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 88–94; *Извозчик В.С.* Из истории «черных кабинетов» в России // Исторические чтения на Лубянке. М., 1999. С. 44–47; *Он же.* Черные кабинеты в России. XVIII – нач. XX вв. // *Жандармы России.* М., 2004. С. 333–355; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 275–285; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. С. 56; *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 119–120; *Гладьшева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 138–147.

⁴⁷ *Волков А.* Петроградское охранное отделение. Пг., 1917. С. 4; *Агафонов В.К.* Заграничная охранка (составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента Полиции). Пг., 1918; *Павлов П.* Агенты. Жандармы, палачи. По документам. Пг., 1922. С. 10–13; *Покровский Ф.* Расходы на «известное его императорскому величеству употребление (1906–1913) // *Былое.* 1924. № 26; *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004; *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 4–6, 87; *Головков Г., Бурин С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 43–44; *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 70, 119; *Романов В.В.* На страже российской монархии; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 224–238; *Брачев В.С.* Заграничная агентура; *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 138–152.

⁴⁸ См., например: *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 98.

⁴⁹ Например: *Чудакова М.С.* Противостояние. С. 73.

⁵⁰ *Цявловский М.А.* Секретные сотрудники московской охранки 1880-х гг. // *Голос минувшего.* 1917. № 7/8. С. 183; *Мулукаев Р.С.* Полиция в России. С. 60; *Головков Г., Бурин С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 45; *Перегудова З.И.* Департамент полиции и секретная агентура (1902–1917 гг.) / Исторические чтения на Лубянке. М., 1999. С. 55–57; *Галвазиш С.Н.* Охранные структуры Российской империи. С. 127; и др.

⁵¹ Именно в это время появились документы, регламентирующие различные аспекты тайной деятельности политической полиции: Положение о начальниках розыскных отделений (1902), Свод правил для начальников охранных отделений (1902), Инструкция филерам розыскных и охранных отделений (1902), Временное положение об охранных отделениях (1904); Инструкция по ведению наружного наблюдения (1906) и Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения (1907).

⁵² *Жилинский В.Г.* Организация и жизнь охранных отделений во времена царской власти. С. 251–301; *Осоргин М.А.* Охранное отделение и его секреты; *Зотов Л.* Саратовская охранка. Саратов, 1924; *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы.

ниям⁵³. Так, Д.И. Шинджикашвили утверждает, что «каждый сотрудник работал с определенным жандармским офицером... Кроме того, личность агента хорошо была известна начальникам охранных отделений. Третьим, кто знал секретного агента, был Департамент полиции»⁵⁴. В действительности, такая система существовала до 1907 г., до времени, когда был введен новый порядок: секретный агент был известен только ведущему сотруднику⁵⁵. Определенным историографическим исключением является книга З.И. Перегудовой, в которой развитие системы политического сыска во многом впервые четко соотносено с хронологией. Однако и ее исследовательский интерес сосредотачивается на периоде с 1902 г.⁵⁶

В данной работе была сделана попытка избежать хронологического дисбаланса, хотя это оказалось затруднительным по той причине, что в разные годы интерес к «либерализму» в политической полиции был различным (что хорошо видно по таблицам с терминологической динамикой, приведенным в 4-м параграфе 2-й главы).

Следующий проблемный узел, на котором стоит остановиться, – это терминологически-понятийный аппарат, используемый в литературе, и его применимость в данном исследовании. Парадоксальным образом традиционное, устоявшееся и кажущееся незаменимым словосочетание «политическая полиция» содержит в себе определенное противоречие, т.к., в логике языка бюрократии изучаемой эпохи, к названным выше государственным институтам (Департамент полиции, охранные отделения, губернские жандармские управления) сложно применить определение «политический». Полное название руководящей инстанции политического сыска – Департамент государственной полиции. Законодательно определенные полномочия – «пресечение и предупреждение государственных преступлений и поддержание общественного порядка и спокойствия». Дознания, проводившиеся чинами ГЖУ, назывались «дознаниями о государственных преступлениях». Особое совещание, созданное по «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», было направлено на «охранение» именно «государственного порядка и общественного спокойствия».

Говоря другими словами, ни в названии исследуемых структур, ни в официально стоявших перед ними задачах нет «политических слов». В «Уголовном уложении» термин «политические преступления» отсутствовал, речь шла о «государственных преступлениях». Единственный термин, который отсылает к политике, – это «политическая неблагонадежность», использовавшийся на уровне циркуляров еще в самом начале деятельности III отделения, однако стоит обратить внимание, что «неблагонадежность» делилась на «политическую» и «нравственную», и тем и другим занималось III отделение, а за ним – и Департамент полиции, причем нравственная неблагонадежность вызывала даже более пристальное внимание, чем политическая⁵⁷. Не вдаваясь сейчас в подробности данного сюжета, выходящего за пре-

⁵³ Тютюнишк Л.И. Состояние политического сыска в России в 60–70 гг. XIX в. Кризис III отделения // Государственные учреждения и общественные организации СССР: история и современность. М., 1985; Перегудова З.И. Источник изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 9. С. 88–100; Чукарев А.Г. Губернская жандармерия в последнее десятилетие царизма. М., 1998; Романов В.В. На страже российской монархии; Галвазиш С.Н. Охранные структуры Российской империи. С. 127; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 57, 63, 73–75; Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России. 1900–1917; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии. С. 35; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 116, 147; Акунов В. Грозное небо Петра Дурново.

⁵⁴ Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России. С. 34.

⁵⁵ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 201.

⁵⁶ См., например: Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992; Перегудова З.И. Департамент полиции и секретная агентура; Она же. Политический сыск России. С. 198, 200.

⁵⁷ Так, Особое совещание, рассматривавшее с 1881 г. дела о неблагонадежности, за 20 лет рассмотрело 3279 дел о нравственной неблагонадежности с количеством привлеченных 4424 человек и за это же время – 2971 дело по обвинению в политической неблагонадежности 4077 человек. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 302. Д. 702. Л. 153, 158–159; Исторический очерк организации и деятельности Департамента полиции: материалы к обзору деятельности

дела основной тематики исследования, стоит предположить, что, с формальной точки зрения, в самодержавном государстве, каким была Россия до октября 1905 г., вообще не предполагалось существование «политического» и деятельность власти описывалась не через «политику», а через «управление».

Представление о том, что Департамент полиции и подчиненные ему структуры боролись именно с политическими преступлениями, идет, судя по всему, из советской историографии, еще в 1920-е гг. термин «политические преступления» был введен в активный научный оборот, однако, как отмечается в статье К.П. Краковского, посвященной анализу соотношения терминов «государственное преступление» и «политическое преступление» в пореформенной России, это было искажением языка дореволюционного законодательства. В свою очередь, отмечу, что материал, приведенный в статье Краковского, позволяет утверждать: термин «политические преступления» начинает активно обсуждаться в России юристами после Первой русской революции, что подтверждает одно из моих наблюдений о появлении «политики» как таковой в публичном государственно-правовом дискурсе с момента издания Манифеста 17 октября 1905 г. В то же время это означает, что нет особых оснований применять термин «политические преступления» для описания деятельности политической полиции – до начала XX в. термин «политические преступления» использовался только в международном праве⁵⁸.

По мнению исследователя В.С. Измозика, понятие «политический сыск» является частью более общего понятия «политический контроль». Причем «если политический сыск (розыск) – дело определенного ведомства (прежде всего политической полиции), то политический контроль предполагает сотрудничество ряда государственных структур, в том числе политической полиции»⁵⁹. На мой взгляд, понятие «политический контроль» применимо к современным обществам, в которых политика является частью легального пространства, – соответственно, данный термин корректен по отношению к ситуации после октября 1905 г.

Вместе с тем в данной работе невозможно отказаться от использования термина «политическая полиция», т.к. он является неотъемлемой частью исследовательского лексикона. Возможно лишь оговорить определенную нерелевантность этого термина как повседневному бюрократическому дискурсу, так и юридической терминологии, языку законодательства изучаемой эпохи.

Также стоит отметить, что в данном исследовании в качестве взаимозаменяемых синонимов употребляются термины «политическая полиция» и «политический сыск» и совсем не используется термин «охранка», который часто можно встретить в качестве обобщающего понятия, – помимо того, что это понятие несет в себе явно выраженные негативные смысловые коннотации революционного языка, оно еще и исторически некорректно, т.к. охранные отделения были лишь частью отделений политической полиции, причем местного, а не центрального уровня.

Терминологический хаос во многом оказался следствием всплеска интереса к политической полиции Российской империи в 1990-е гг., который – всплеск – состоял в появлении большого количества некачественной литературы⁶⁰, ставшей впоследствии частью и научной

Министерства внутренних дел с 1802 по 1902 гг. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 153; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. С. 184; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 161. Подробнее см. 1-й параграф 1-й главы.

⁵⁸ *Краковский К.П.* Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 1. С. 27–33.

⁵⁹ *Измозик В.С.* Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 8.

⁶⁰ *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999; *Борисов А.Н.* Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб., 2001; *Джанибеков В.* Провокаторы: воспоминания, мысли и выводы. М., 2002; *Макаревич Э.Ф.* Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М., 2002; *Сысов Н.Г.* Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М., 2005; *Симбирцев И.* На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917.

историографии⁶¹. Так, отсутствие архивных материалов с соответствующим оформлением библиографии является чертой не только публицистических, но и ряда исследовательских работ⁶², которые при этом в наибольшей степени используют понятия «охранка» и сопутствующий ему термин «провокация». Стоит согласиться с констатацией еще начала 1990-х гг. авторов сборника «Полиция Российской империи XIX – нач. XX вв.»: «Все, что связано с охранными отделениями... запутано публицистикой последних десятилетий»⁶³.

Кроме того, я полагаю некорректным термин «спецслужбы» по отношению к изучаемым мной учреждениям в период до 1905 г., и его также игнорирую в своей работе.

Есть сложности и с корректным наименованием тех явлений, которые были объектами внимания со стороны политической полиции. Принципиально важным для моего исследования – и аутентичным делопроизводственной переписке – является термин «легальный», исследование которого в литературе о государственном аппарате рубежа XIX–XX вв., по большому счету, отсутствует. Речь идет о тех людях и институтах, которые действовали не в подполье, а легально, это в первую очередь касается самоуправления, периодической печати, общественных организаций, профессуры⁶⁴. Определение «легального» содержится в 3-й главе настоящего исследования, в целом же я использую в качестве обобщающего собственный термин «легальное пространство», что облегчает исследовательскую презентацию материала, несмотря на отсутствие подобного объединяющего термина в бюрократическом языке рубежа XIX–XX вв.

Историографическая традиция рассматривает «либералов» в качестве составной части так называемого общественного движения, однако что такое «общественное движение» в целом? В литературе о политической полиции этот вопрос не решен во многом по причине того, что не становился объектом целенаправленного исследовательского внимания.

Аутентичные же термины, которые пользовались большой популярностью в делопроизводственной переписке деятелей политической полиции, а затем – и в их воспоминаниях – это «противоправительственное движение» и «революционное и оппозиционное движения».

С революционным движением, его границами, участниками, методами борьбы с ним и т.д., всё более-менее понятно; это была приоритетная тема для советской историографии⁶⁵, сохраняется к ней интерес и в современных исследованиях⁶⁶.

М., 2006. Эти книги грешат многочисленными неточностями и откровенными ошибками. Так, И.Н. Кравцев утверждает, что Л.А. Ратаев в 1902–1905 гг. совмещал должность заведующего Особым отделом Департамента полиции и заведующего Заграничной агентуры (*Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. С. 55). И. Симбирцев дает эпиграф к одной из глав якобы цитатой из С.В. Зубатова, имеющей принципиальное значение для характеристики личности этого человека, не подтверждая её какой-либо ссылкой: «Если бы не нужда в пенсии – я бы много порассказал про этих господ», бывший начальник российской охранки С.В. Зубатов о своих бывших коллеггах» (*Симбирцев И.* На страже трона. С. 201). Таких примеров в названных работах удивительное множество.

⁶¹ Ансимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5; Руд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16; Головкин Г.З. Канцелярия непроницаемой тьмы; Политический сыск в России: история и современность; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы; Перегудова З.И. Политический сыск России; Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи; Карнишина Н.Г. Полиция и местная администрация: структура взаимодействия в пореформенный период // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Сб. науч. ст. Вып. 2. Пенза, 2004; и др.

⁶² Примером научной работы, в которой нет ссылок на архивные материалы, являются книги Ф.М. Лурье: *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы; *Лурье Ф.М.* Политический сыск в России. В последней работе есть одна сноска на архив (ГА РФ. Ф. 109), но не на фонд Департамента полиции.

⁶³ Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипчев А.Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2.

⁶⁴ В работе З.И. Перегудовой есть ряд сюжетов о наблюдении за легальным пространством: *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 295–310.

⁶⁵ Агафонов В.К. Заграничная охранка; Революционное и студенческое движение 1869 г. в оценке Третьего отделения // Каторга и ссылка. М., 1924. № 3 (10); Сватиков С. Заграничная агентура; Эренфельд Б.К. Дело Малиновского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 106–116; Он же. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12. С. 84–94; Он же. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983; Соловьева М.В. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции II Государственной Думы // Вопросы истории. 1966. № 8; Карелин А.П. Русский полицейский социализм // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 41–58; Он же. Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. 1973. Т. 92.

Общественное движение как объект внимания политической полиции выглядит размытым. М.А. Осоргин под общественным движением, видимо, понимал легальное партийное⁶⁷. О культурно-просветительских учреждениях и их деятельности как объектах внимания политического сыска писал Н.П. Ерошкин⁶⁸. В.Г. Дорохов в параграфе об общественно-политическом движении относит к нему студентов, учителей и социал-демократов⁶⁹. О политических партиях и общественных движениях упоминает Ю.А. Реент⁷⁰. Ч. Рууд и С. Степанов в период после 1905 г. включают в «либеральное движение» такие разнохарактерные явления, как профсоюзы, Союз союзов, организаторов банкетной кампании 1904 г. и масонов, уделяя приоритетное внимание последним (10-я глава их книги так и называется «Протоколы, масоны, либералы»). Рууд и Степанов критикуют политическую полицию за «активную деятельность против оппозиционного движения во главе с либералами» вместо того, чтобы предложить верховной власти «сотрудничать с либералами во имя политического переустройства Российской империи»⁷¹. Очевидная из этого утверждения значимость «либералов» как объекта внимания политической полиции противоречит содержанию самого исследования, сконцентрированного на политическом сыске и революционерах.

В литературе по политической полиции часто используется еще один термин – «оппозиционное движение»⁷², однако и его внятная дефиниция отсутствует. «Оппозиционное движение» мимоходом, без расшифровки упоминается во многих работах о политической полиции – Е.Е. Гладышевой, В.Г. Дорохова, Н.Д. Ерофеева, В.А. Ефремова, А.В. Островского, З.И. Перегудовой, Ю.А. Реента, М.С. Чудаковой и др.⁷³ Д.И. Шинджикашвили под «буржуазно-оппози-

---

С. 109–152; *Воробьева Ю.С.* Документы царского политического сыска о Пречистинских рабочих курсах // *Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР*. Сб. ст. М., 1983; *Кознов А.Л.* Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // *Вопросы истории КПСС*. 1986. № 12; *Революция и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в.* Новосибирск, 1986; *Самосудов В.М.* Большевики Сибири в борьбе против царизма (1894 – февраль 1917 г.). Иркутск, 1987; *Ансимов Н.Н.* Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917). Свердловск, 1989; *Павлов Б.Д.* Эсеры-максималисты в Первой русской революции. М., 1989; *Додонов Б.Ф., Кирьянов Ю.И.* Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России, 1895 – февраль 1917. М., 1990.

⁶⁶ Хорошей иллюстрацией к этому тезису служит ситуация с изучением секретной агентуры, которое строится на упоминании одних и тех же имен: Е. Азефа, Г. Гапона, З.Ф. Гренгросс-Жученко, С. Дегаева, Р. Малиновского, А.Е. Серебряковой и др. См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 250; *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 175–199; *Головков Г., Бурин С.* Канцелярия непроницаемой тьмы (глава 2); *Куканов А.В.* Гренгросс-Жученко З.Ф.: «Сотрудники есть и будут» // *Политический сыск в России: история и современность*. СПб., 1997. С. 95–97; *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы (главы 3–5); *Романов В.В.* На страже российской монархии; *Степанов С.А.* Проблемы двойных агентов в системе политического розыска начала XX в. // *Исторические чтения на Лубянке*. М., 1998; *Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 г.* М. – Великий Новгород, 1999. С. 61–68; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 196–199, 219; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи (глава 3); *Чудакова М.С.* Противостояние (главы 3, 4, 7); *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы (Щеголев пишет и о секретном сотруднике в либеральном движении, но он работал на политическую полицию в 1910-х гг.).

⁶⁷ *Осоргин М.А.* Охранное отделение и его секреты. С. 5–6.

⁶⁸ *Ерошкин Н.П.* Россия под надзором // *Преподавание истории в школе*. 1966. № 1. С. 88; *Он же.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 196.

⁶⁹ *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 139–158.

⁷⁰ *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX в. (глава 4, параграф 4).

⁷¹ *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 4, 270, 275, 381.

⁷² См., например: Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации. С. 190.

⁷³ *Чироква И.М.* Цензура исторической литературы в царской России. С. 179, 185; *Овченко Ю.Ф.* Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением. С. 3; *Ансимов Н.Н.* Охранные отделения и местная власть царской России. С. 121; *Островский А.В.* Элита российского общества XIX – нач. XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // *Из глубины времен*. Вып. 3. СПб., 1994. С. 16; *Ефремов В.А.* Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 117; *Нардова В.А.* Руководители российских органов городского самоуправления под неусыпным оком политической полиции // *Политический сыск в России: история и современность*. СПб., 1997. С. 136–141; *Перегудова З.И.* Департамент полиции и секретная агентура. С. 55–57; *Романов В.В.* На страже российской монархии. С. 144; *Ерофеев Н.Д.* З.И. Перегудова. Политический сыск России (1880–1917) // *Отечественная история*. 2001. № 6. С. 158; *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России. С. 208; *Чудакова М.С.* Противостояние. С. 3; *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 43; *Гладышева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 5.

ционными кругами» понимал масонов⁷⁴. В.Е. Коронкевич использует понятие «оппозиционное движение» как объединяющее все противоправительственные течения⁷⁵. З.И. Перегудова ставит знак равенства между общественным и оппозиционным движениями и включает в него профсоюзы, кооперативные организации, страховые кассы, легальные просветительские, благотворительные общества, библиотеки, образовательные курсы, публичные лекции, профессиональные съезды, а в социальном плане – «прогрессивную интеллигенцию» и земских служащих⁷⁶. Ю.А. Реент, в свою очередь, ставит знак равенства между «оппозиционным» и «либеральным», понимая под этим течение, «разделявшее крайние политические прослойки общества» и включавшее «в свои ряды либерально настроенную интеллигенцию и буржуазию» – деятелей конституционно-демократической, октябристской партий, партии правового порядка, прогрессистов и масонов. Более того, Реент объединяет эти организации понятиями «умеренности» и «либерального консерватизма»⁷⁷, что явно расходится с их оценкой в историографии дореволюционного российского либерализма (см. ниже). В.С. Брачев упоминает о роли «либералов» в развитии революционного движения в России, ссылаясь на записку заведующего Особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаева мая 1902 г.⁷⁸ Любопытно, что на те же записки Ратаева ссылается (и делает из них те же выводы) исследователь не политической полиции, а либерализма начала XX в. К.Ф. Шаццлло – так, он пишет о том, что под «оппозиционным» заведующий Особого отдела Департамента полиции Ратаев в 1902 г. имел в виду «либералов»⁷⁹. Однако Ратаев в своих записках этого периода⁸⁰ обычно оперировал понятием «оппозиционного движения», не упоминая «либералов» вообще (см. об этом во 2-й главе данного исследования).

Историография самого либерального движения имеет длительную историю и сложившиеся традиции – причем разные – описания того, что такое «либерализм» предреволюционной эпохи. На современное состояние этих традиций заметно повлияли 1990-е гг. с их поиском альтернатив развития России⁸¹ и теоретико-методологически-понятийным переосмыслением того, что такое российский либерализм⁸². Совокупность историографических образов «либе-

⁷⁴ Шинджихашвили Д.И. Сыскная полиция царской России. С. 44.

⁷⁵ Коронкевич В.Е. Политическая провокация как метод охранительной политики самодержавия // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 90–94.

⁷⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 295.

⁷⁷ Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России. С. 248 и далее.

⁷⁸ Брачев В.С. Заграничная агентура. С. 51.

⁷⁹ Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 36, 42–43, 48. Расширенная трактовка «либерализма» проявилась у Шаццлло в том, что он отнес к либеральному движению людей, близких к народникам: Н.К. Михайловского, Н.А. Рубакина, В.Г. Короленко, В.И. Семевского, Н.Ф. Анненского, В.Я. Мякотина (Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 47).

⁸⁰ См., например: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 316. 1898. Д. 2. Ч. 5. Т. 1. Л. 64.

⁸¹ Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса // Полис. 1994. № 3; Шелохаев В.В. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1994. № 6; 1995. № 1; Филиппова Т.А. Российское реформаторство второй половины XIX в.: проблема либерально-консервативного синтеза // Преподавание истории в школе. 1995. № 1; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Загородников А.Н. Западный и российский либерализм: традиции и современность // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 2000; Пантин И.К. Россия и мир: историческое самоузнавание. М., 2000; и др.

⁸² Валицкий А. Нравственность и право в работах русских либералов конца XIX – начала XX вв. // Вопросы философии. 1991. № 8; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идеальные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3; Пантин И.К. Драма противостояния демократия – либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3; Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994. № 5; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. История российского либерализма. М., 1995; Гаджиев К.С. Эпоха демократии // Вопросы философии. 1996. № 9; Кара-Мурза А.А. Либерально-консервативный синтез как объединительная идеология // Полис. 1997. № 3; Нарский И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте (историографический парадокс) // История национальных политических партий России. М., 1997; Он же. Взгляд на российский консервативный либерализм начала XX в. из историко-культурной перспективы // Либеральный консерватизм – история и современность. М., 2001; Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 2000; Сиземская И.Н. Новый либерализм: учение о правах человека и государствен-

рального» в данном исследовании имеет большое значение, т.к. именно с ними сравнивается соответствующий образ (точнее – образы) из делопроизводственной переписки политического сыска. Сразу же отмечу, что эти образы не совпадают – как в отношении содержательной части, идейного наполнения, так и в смысле персонального состава (то есть кто из деятелей общественного движения был «либералом»).

В историографии либерального движения присутствуют понятия «либерализм», «оппозиционность», «либеральная оппозиция»⁸³. Последний – как бы объединяющий – термин используется в различных контекстах и сочетаниях (либеральная дворянская оппозиция, либеральная земская оппозиция, либерально-оппозиционная интеллигенция, печать и т.п.)⁸⁴. Взаимоотношения этих терминов в разных работах различны – одни используют «либерализм» и «оппозиция» как синонимы⁸⁵, другие считают первое составной частью второго⁸⁶. В ряде работ 2000-х гг. было сформулировано предложение использовать понятия, аутентичные эпохе, а не возникшие в воспоминаниях, например, деятелей конституционно-демократической партии, которые назвали себя «либералами» постфактум, уже после 1917 г. Так, С.В. Куликов определил кадетов как «радикалов»⁸⁷, А.В. Гоголевский «леволиберальное направление» (кадетов) обозначил как «либерально-радикальное», а Ф.А. Селезнев вообще отметил склонность кадетов к социализму⁸⁸.

Отдельно стоит остановиться на историографических трактовках идейных течений внутри либерального движения – с тем, чтобы иметь возможность сравнить с оценкой этих же течений в политической полиции. Кратко суммирую достижения историографии в этом вопросе – и именно с этим *summary* в 3-й главе будут сопоставляться «следы» в делопроизводственной документации Департамента полиции, доказывающее его общеславянофильские настроения.

На протяжении 1880–1890-х гг. либералы с различной степенью интенсивности стремились к консолидации, первым результатом этих попыток стала «Беседа», кружок земских дея-

---

ной власти // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 2000; Либеральный консерватизм – история и современность. М., 2001; *Медушевский А.Н.* Стратегия конституционной революции в условиях социального кризиса (либерализм в канун Учредительного собрания) // Либеральный консерватизм – история и современность. М., 2001; *Щербина А.В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX в. // Там же; Либерализм и либералы в России XIX – начала XX вв. Сб. науч. ст. Омск, 2006; и др.

⁸³ *Гиндин И.Ф.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 3; *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; *Он же.* Столыпин и третья Дума. М., 1968; *Копин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Калинин, 1970; *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; *Спириш Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Булдаков В.П., Иванов А.Е., Иванова Н.А., Шелохаев В.В.* Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981; *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; *Он же.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; и др.

⁸⁴ *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. С. 14; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. С. 4, 5, 24, 32, 62.

⁸⁵ *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. С. 16; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. С. 87, 92; *Она же.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 14; *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции. С. 34.

⁸⁶ *Нарский И.В.* Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991. С. 51, 54 и др.; *Гоголевский А.В.* Либеральное общество и власть в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 277.

⁸⁷ *Куликов С.В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 283.

⁸⁸ *Гоголевский А.В.* Либеральное общество и власть в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 277; *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

телей, в котором доминировали умеренно-либеральные, славянофильские настроения⁸⁹. Но к началу XX в. попытки консолидации вылились в политическое и институциональное размежевание либерального движения. Первым оформился его крайне левый фланг – в 1902 г. возник подпольный Союз освобождения. Чуть позже (в 1903 г.) был создан Союз земцев-конституционалистов, объединивший более умеренных либеральных деятелей. Подробная история этих двух организаций изложена в книге К.Ф. Шацилло «Русский либерализм накануне революции» (М., 1985). И самый умеренный фланг либерализма, граничивший с консерватизмом, славянофильский (его идейным вдохновителем был Д.Н. Шипов) не пошел по пути создания нелегального объединения и до 1905 г. организационно оставался крайне рыхлым.

Дифференциация либерального движения сопровождалась попытками сплотиться на основе тех идей, которые могли быть сформулированы как общие. Отражением этих попыток стали нелегальные земские съезды (май 1902 г., апрель, май, июль, сентябрь 1905 г.)⁹⁰. Однако они только усилили внутренние разногласия в либеральном движении.

Одним из самых спорных в либеральной среде был вопрос об источниках и характере выборных учреждений, необходимость которых была общепризнана. Земцы-конституционалисты и освобожденцы были сторонниками народного представительства с законодательными прерогативами (это автоматически означало введение конституции и превращение самодержавия в конституционную монархию по западному образцу). При этом первые предлагали идти к всеобщему избирательному праву постепенно, в то время как вторые намеревались ввести его немедленно.

Д.Н. Шипов был крайне далек от идеи законодательного народного представительства, не говоря уже о всеобщем избирательном праве. Шиповцы демонстрировали доверие к верховной власти и отрицательно относились к конституции. Рассматривая введение выборных учреждений в качестве главного вопроса современности, они полагали, что их основой должно стать самоуправление, в первую очередь земское, а представительство, с точки зрения неославянофилов, – это не то же самое, что парламент. Соответственно, земству как залого будущего народного представительства присваивался особый статус⁹¹.

В ходе революции 1905–1907 гг. идейный раскол либералов был закреплен окончательно. Бывшие деятели Союза освобождения и левое крыло Союза земцев-конституционалистов стали базой Конституционно-демократической партии, оставшиеся земцы-конституционалисты – ядром «Союза 17 октября», а бывшие шиповцы – основоположниками ряда мелких партий (Партия правового порядка, Партия мирного обновления и др.).

В историографии с советских времен ведется дискуссия о том, как классифицировать вышеназванные составляющие либерализма. Н.М. Пирумова писала только о земском либерализме, распадающемся на умеренный (шиповский) и левый варианты⁹². Е.Д. Черменский считал Д.Н. Шипова славянофилом, а не либералом⁹³. При этом он не дифференцировал либеральные организации, считая Союз освобождения «только этапом в развитии земско-либерального движения»⁹⁴. К.Ф. Шацилло выделяет правых (шиповцы-неославянофилы), умеренных (земцы-конституционалисты) и левых (освобожденцы или демократическая интел-

⁸⁹ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009.

⁹⁰ Об этих съездах см.: Ульянова Л.В. Земско-городские съезды 1905 // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 337–340.

⁹¹ Об этом см.: Белокопский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 278–280; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918; Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 451; и др.

⁹² Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 24.

⁹³ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 20.

⁹⁴ Там же. С. 10, 27–32.

лигенция) либералов⁹⁵. В.В. Шелохаев говорит о четырех группах: шиповцах, земцах-конституционалистах, освобожденцах и либеральной интеллигенции⁹⁶. По мнению Пирумовой, «конституционализм... вообще не может быть отождествлен с либерализмом»⁹⁷. Однако В.В. Ведерников, В.А. Китаев, А.В. Луночкин полагают, что конституция являлась важным требованием одного из течений либерального движения⁹⁸. Применительно к 1860–1880-м гг. они выделяют умеренных либералов (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский), либералов-конституционалистов (В.А. Гольцев, редакция «Вестника Европы») и леволиберальное крыло земского движения (во главе с И.И. Петрункевичем)⁹⁹. Это во многом воспроизводит позицию Шаццлло, только в отношении более раннего периода. В одной из статей 2000-х гг. В.В. Шелохаев отнес Петрункевича, Ф.И. Родичева, Шипова к одной группе земских либералов, отделив их от более «левой» либеральной интеллигенции и нивелировав тем самым различия между Петрункевичем и Шиповым, которые подчеркивались всей предшествующей историографией¹⁰⁰.

В целом в литературе все-таки доминирует представление о трех вариантах либерального движения, и шиповцы – даже если и называть их неославянофилами – тоже являлись его частью.

Следующий важный проблемный узел возвращает к тезису, озвученному в самом начале введения, а именно – политическая полиция и «либералы» были участниками общего диалога о путях развития страны. Слово «диалог» подразумевает, очевидным образом, равномерное представление двух его сторон, однако в данной работе анализируется делопроизводственная переписка политического сыска, т.е. источниковая база исследования отражает только одну сторону диалога, да и то – заочную и тайную (другая сторона – «либералы» – об этой позиции попросту не знала).

И всё же почему можно говорить именно о диалоге? Во-первых, потому? что позиция одной из сторон диалога – а именно «либералов» – достаточно широко представлена в литературе о либерализме, которая, в свою очередь, опирается на воспоминания самих участников общественного движения. Более того, давно введены в научный оборот их представления не только о российской власти в целом, но и непосредственно о системе политического сыска, и парадоксальным образом эти представления, основанные на личных впечатлениях и ставшие следствием либо личных контактов (до 1917 г.), либо поспешной и некритичной выборки из документов после Февраля 1917 г., рассматриваются традиционно в разделе дореволюционной историографии политической полиции, хотя по большому счету – это источники. Речь идет о статьях В.А. Гольцева, И.П. Белоконского, Б.Б. Глинского¹⁰¹, более научнообразны работы К.К. Арсеньева, В.М. Гессена, Н.А. Гредескула, М.К. Лемке¹⁰², но и они представляют собой всё же публицистические произведения. Удивительно отнесение к научной историографии публици-

⁹⁵ Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции.

⁹⁶ См., например: Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии. С. 43–48.

⁹⁷ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 69. Также см.: Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 12.

⁹⁸ Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997.

⁹⁹ Там же. С. 12–34.

¹⁰⁰ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма. С. 12.

¹⁰¹ Гольцев В.А. Первый арест. Знакомство с Зубатовым // Русская мысль. 1906. № 11; Белоконский И.П. Гороховое пальто // Минувшие годы. 1908. Сент.; Глинский Б.Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е гг. // Исторический вестник. 1912. № 2. Т. 127. Эти работы оказали влияние, например, на позицию Д.И. Шинджикашвили и В.Р. Лейкиной-Свирской (Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России. С. 33; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 46).

¹⁰² Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904; Львов-Розаковский В. Печать и цензура. М, 1906; Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908; За кулисами охранного отделения. Берлин, 1910; Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912.

стики журнала «Былое»¹⁰³, который, в частности, публиковал разоблачения бывшего сотрудника Варшавского охранного отделения М.Е. Бакая, перешедшего после Первой русской революции на сторону революционеров¹⁰⁴. К работам этого же рода стоит отнести книгу бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина¹⁰⁵.

Именно в либеральной дореволюционной публицистике, претендовавшей на объективность собственной позиции¹⁰⁶, были заложены не только набор сюжетных линий будущей историографии политического сыска, но и их трактовка: правовые границы деятельности политической полиции (оцениваемые как чрезмерно широкие, безграничные, описываемые термином «произвол»), методы ее работы, точнее, «преследования» революционного движения, «борьбы» с ним (секретная агентура, понимаемая сугубо как «провокация», наружное наблюдение и пр.)¹⁰⁷.

Проблема состоит и в том, что некоторые современные исследования в той или иной мере построены на тех пореволюционных работах, которые создавались самими участниками общественного движения после открытия в 1917 г. доступа к секретной документации структур политической полиции. Влияние этих работ на развитие советской историографии политического сыска отмечено и рядом современных исследователей¹⁰⁸. Те, кто писал о политическом сыске на волне доступа к его материалам после Февральской революции 1917 г., в духе времени и собственных взглядов сосредоточивались на выявлении «провокаторов» и «создателях провокации», включая погромы, затратах на секретную агентуру, вообще карательно-репрессивной деятельности и не сопровождалась научным оформлением цитат из документов¹⁰⁹.

Отдельно стоит сказать о том, что этот комплекс работ не только отражал «либеральные» представления о политической полиции, но и в некоторых случаях стал основой для выстраивания ошибочных гипотез. Самым масштабным примером является так называемая «полицейская версия» происхождения «Протоколов сионских мудрецов», ненамеренно созданная «разоблачителями тайн дореволюционной охранки» в эмиграции в 1920–1930-е гг. – нерелевантность их аргументации опровергает автор этих строк в своей статье в журнале «Российская история»¹¹⁰, также можно упомянуть и мое исследование многочисленных произвольных

¹⁰³ См., например, мой историографический обзор в диссертации, опирающийся на традиционный историографический взгляд: Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение. С. 5.

¹⁰⁴ Из записок М.Е. Бакая // Былое. 1909. № 9–10; Из воспоминаний М.Е. Бакая. Еще о провокации и провокаторах // Былое. 1909. № 11–12; и др.

¹⁰⁵ Лопухин А.А. Настоящее и будущее российской полиции. М., 1907. О «либерализме» А.А. Лопухина см. ниже: 3-й параграф 1-й главы.

¹⁰⁶ См., например: Гессен В.М. Исключительное положение. С. 170.

¹⁰⁷ Так, А.А. Лопухин уделял много внимания проблеме репрессивности, карательности, произвола в деятельности политической полиции, которая, по его мнению, к тому же отличалась отсутствием заботы об интересах населения. См., например: Докладная записка директора Департамента полиции А.А. Лопухина, рассмотренная в комитете министров... января 1905 г. Женева, 1905; Лопухин А.А. Настоящее и будущее российской полиции. М., 1907. С. 1–6; Гессен В.М. Исключительное положение. С. 1–2.

¹⁰⁸ Дейли Дж. Положение об охране 14 августа 1881 г. и репрессивная политика императорской России // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 74; Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в.

¹⁰⁹ Богучарский В. В 1878 г. Всеподданнейшее донесение шефа жандармов // Голос минувшего. 1917. № 7–8, № 9–10; Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9–10; Осоргин М.А. Декабрьское восстание 1905 г. в Москве в описании жандарма // Голос минувшего. 1917. № 7–8; Он же. Охранное отделение и его секреты; Пильский П. Охрана и провокация. Пг., 1917; Агафонов В.К. Заграничная охранка; Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. С приложением списков сотрудников, опубликованных Комиссией. М., 1919; Павлов П. Агенты. Жандармы, палачи. По документам. Пг., 1922; Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924; Зотов Л. Саратовская охранка. Опись и содержание дел и документов Саратовского губернского жандармского управления. 1838–1874; Сватиков С. Заграничная агентура Департамента полиции; и др. Также см. переиздание работ П.Е. Щеголева: Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.

¹¹⁰ Бибикова (Ульянова) Л.В. С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // Российская история.

построений о дореволюционном политическом сыске более широкого круга эмигрантов-«разоблачителей»¹¹¹. Очевидно, что писавшееся «разоблачителями тайн охранки» является важным источником по истории русской эмиграции, по истории общественного движения, но не может рассматриваться как научно-корректная часть историографии, основываясь на которой можно писать обзорные научные монографии, скажем, о Заграничной агентуре¹¹².

Таким образом, «либералы» как сторона диалога о путях развития страны широко представлена в публицистике и в историографии, причем как либерального движения, так и политического сыска, поэтому вполне логична задача данного исследования – представить другую сторону диалога, т.е. бюрократию в лице деятелей политической полиции.

Второе соображение, оправдывающее трактовку делопроизводственной переписки политического сыска как своего рода диалога, состоит в том, что сами авторы документов писали их с позиции людей, находящихся в пространстве коммуникации с наблюдаемыми объектами. В делопроизводственной переписке фиксировались «мнения», «позиции», «взгляды» «либералов» (почерпнутые из печати, журналов земских собраний, перлюстрированных писем, «слухов» и т.д., см. 4-ю главу), сопровождавшиеся комментариями по их поводу. Вообще, один из постоянных рефренов в документах чинов полиции – это как вести диалог власти с обществом, что этому препятствует в самом обществе и во власти. Кроме того, в этой же переписке есть «следы» обширной личной коммуникации служащих политического сыска и «либералов» (см. 4-ю главу), в рамках которой, очевидно, диалог был прямым, а также письменных обращений общественных деятелей в политическую полицию, что также можно считать своего рода прямым взаимодействием, инициировавшимся уже другой стороной диалога.

Здесь нужно остановиться на специфике источниковой базы исследования, критериях ее отбора и принципах анализа. На первый взгляд, речь идет о формализованном письменном источнике, который отражал не всю картину мира авторов документов, а в первую очередь, их профессиональные задачи, однако проведенный анализ показал, что делопроизводственная переписка между чинами структур охранительного ведомства в действительности может многое рассказать о их мировоззрении и их собственных общественно-политических представлениях.

При заявленном подходе законодательные источники – нормативно-правовые документы, определявшие деятельность политической полиции и извлеченные из Полного собрания законов Российской империи, Свода законов Российской империи, – имеют второстепенное значение, создавая лишь общий контекст (структура органов политического сыска, штатное расписание, функциональные обязанности и др.)¹¹³. Так же как и опубликованные делопроизводственные материалы политической полиции¹¹⁴ дают представление о нормативно-правовом понятийном аппарате ее служащих, но не о «либерализме».

2018. № 5. С. 141–157. В печати сейчас находится моя статья, доказывающая происхождение «Протоколов сионских мудрецов» из кругов русских крайне правых деятелей черносотенного толка.

¹¹¹ Библикова (Ульянова) Л.В. Русская леволиберальная эмиграция и «полицейская версия» происхождения «Протоколов сионских мудрецов» (1920– 1930-е гг.) // Власть и общество в России: кризисы и пути взаимодействия. Конец XIX – начало XXI в. М., 2019. С. 218–245.

¹¹² Примером такой работы является монография американского исследователя Фр. Цукермана: *Zuckerman Fr.S. The Tsarist Secret Police Abroad: Policing Europe in a Modernising World*. N.Y., 2003.

¹¹³ Положение о корпусе жандармов. 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 13. Отд. 2. № 44956; О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений. Закон 19 мая 1871 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 1. Сд. 593; О соединении Департамента государственной полиции и Полиции исполнительной в одно учреждение – Департамент государственной полиции. 1880 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. С. 692. № 61550; Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. 1881. СПб., 1885. С. 261–265; Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией. 16 июля 1882 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т.2. № 1022; Циркуляр об организации при жандармских управлениях агентурно-наблюдательных пунктов. 1902 г. // ПСЗ. Собр. 2. 1863. Отд. 2. № 37289; Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903; Инструкция 1904 г. об обязанностях губернских жандармских управлений // ПСЗ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. № 44071.

¹¹⁴ Инструкция полицейским надзирателям при отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве.

Поиск «либералов» в делопроизводственной переписке не был простым исследовательским процессом. Фонд Департамента полиции состоит из дел, комплектовавшихся в самом Департаменте по мере необходимости, в названиях дел нет никаких «либералов» – описи, имеющие дореволюционную порядковую нумерацию, дают либо ФИО, либо название института, которому посвящено дело (земство той или иной губернии, орган периодической печати, наименование общественной организации и т.п.). Такие дела состоят из разнородного по своему характеру материала: справок, перлюстрированных писем, донесений секретных агентов, вырезок из газет, уставов обществ, программ их мероприятий, переписки между инстанциями по отдельным вопросам деятельности конкретных людей и организаций и т.п. Первоначально отбор дел для просмотра происходил в соответствии с историографическими представлениями о «либерализме» – персоналиях, институциональных составляющих, социальных группах. Однако этого оказалось недостаточно, т.к. странным образом в этих делах далеко не всегда встречалось слово «либерал» или однокоренные с ним, а если встречалось – то в одном или двух документах, в то время как остальные документы этого же дела были терминологически «сухими» либо содержали какие-то другие термины. Поэтому список просматриваемых дел был расширен за счет дел, где потенциально могло встретиться слово «либерал» (при просмотре описей они отфильтровывались посредством исключения дел с названиями «о крестьянах», «о рабочих», «о студентах», «о типографии» и т.п.).

Отдельную категорию дел составили «сообщения» (донесения и доклады) из охранных отделений и Заграничной агентуры Департамента полиции. Помимо этого, один из самых массовых источников – это ежегодные политические обзоры по всем губерниям, составлявшиеся в ГЖУ¹¹⁵, именно в них содержится большая часть информации о региональных «либеральных деятелях». И еще одна немногочисленная категория дел, имеющая при этом особую ценность, – аналитические записки сотрудников Департамента полиции.

подавляющее большинство названных дел хранится в 3-м делопроизводстве и в Особом отделе фонда Департамента полиции, эпизодически использовались материалы 1-го (личные дела служащих политической полиции) и 7-го делопроизводств (дела о дознаниях по государственным преступлениям); а также 249-ая (всеподданнейшие доклады), 250-ая (доклады 3-го делопроизводства), 252-ая (обзоры важнейших дознаний), 253-ая (обзоры революционных партий), 255-ая (еженедельные записки), 295-ая (списки личного состава Департамента полиции, ГЖУ и охранных отделений) и 316-ая (списки секретных сотрудников) описи того же фонда. При этом дела со всеподданнейшими докладами, обзорами революционных партий, обзорами важнейших дознаний и еженедельными записками – т.е. документы, выходящие за пределы Департамента полиции в вышестоящие инстанции, – оказались самыми мало-

---

М., 1897; Систематический указатель приказов по военному ведомству, циркуляров Главного штаба, приказов по Отдельному корпусу жандармов и циркуляров штаба сего корпуса, объявленных для сведения и руководства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям. Составил ротмистр Добряков. СПб., 1897; Докладная записка директора Департамента полиции А.А. Лопухина, рассмотренная в комитете министров... января 1905 г. Женева, 1905; Санкт-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. Труд чиновника отделения П. Статковского // Былое. 1921. № 16; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Редакция П.Е. Щеголева. В 7 т. М.; Л., 1926; Инструкция состоящему в управлении Санкт-Петербургского градоначальника отделению по охране общественной безопасности и порядка в столице. 23 мая 1887. Извлечение // История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов по истории государства и права. М., 1981; Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – н. XX вв.) Сб. док. и мат. М., 2000; Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сб. док. 1880–1917. М.–СПб., 2006; Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006.

¹¹⁵ По циркуляру Департамента полиции от 1887 г., политический обзор состоял из 8 пунктов: краткий очерк общего настроения населения; случаи вредного направления или неправильных действий городских, крестьянских и земских учреждений; замеченные случаи предосудительного поведения расположенных войск; результаты наблюдения за учебными заведениями; случаи волнения среди крестьян, фабричных и заводских рабочих; сведения о публичных лекциях и чтениях для народа; влияние местных органов печати; сведения о лицах, ни к какому классу не принадлежащих, замеченных в политической неблагонадежности. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1890. Д. 47. Ч. 21. Л. 1.

информативными для исследования, и дело не только в приоритетном внимании этой части делопроизводственной документации к революционерам, но и в исключительной формализованности ее языка. Поиск секретных сотрудников среди «либералов» был проведен с использованием фонда 4888 (Архив архива), а поверхностное изучение фондов других структур политической полиции ГА РФ (Ф. 58. Московское ГЖУ; Ф. 63. Московское охранное отделение; Ф. 93. Петербургское ГЖУ; Ф. 111. Санкт-Петербургское охранное отделение; Ф. 505. Заведующий Заграничной агентурной на Балканах, и др.) показало, что информация в них в основном дублирует содержание дел 102-го фонда¹¹⁶.

Исследовательская реконструкция образов «либерального» в делопроизводственной переписке политической полиции опирается на электронную базу данных, составленную в программе Microsoft Access. Общий объем базы данных – 4261 позиция информации, из них 674 позиции информации – о физических лицах (из них примерно 150 человек – видные представители дореволюционного либерализма); около 500 позиций информации – об организациях (из них примерно 270 – институционально оформленные, такие как общества, редакции газет и т.п., а остальные представляют собой неформальные объединения, такие как «кружки», «вечеринки», «группы» и пр.); отдельным блоком в базе данных собраны высказывания служащих политической полиции о самоуправлении, различных группах населения, представителях власти и государственных структурах. Процедура выборки из базы данных позволяет найти все высказывания разных авторов о конкретном лице, организации, земстве конкретной губернии, либо же выявить их перекрестные «связи», либо отобрать все высказывания одного автора по разным поводам. Благодаря такой систематизации оказалось возможным реконструировать индивидуальные образы и коллективные представления о внутреннем содержании «либерализма», его конкретных носителях и его внешних границах, а также разнообразные стратегии, которые практиковались в политическом сыске применительно к «либеральному» и пограничным с ним явлениям.

Было любопытным сопоставить полученные образы и характеристики с личной перепиской¹¹⁷, дневниками¹¹⁸, воспоминаниями чинов политической полиции¹¹⁹, государственных деятелей¹²⁰ и участников общественного движения¹²¹. Однако эти источники оказались мало-

¹¹⁶ См., например: ГА РФ. Ф. 63. 1886. Оп. 6. Д. 200; 1903. Оп. 23. Д. 8; 1904. Оп. 24. Д. 5; 1904. Оп. 24. Д. 31; 1905. Оп. 25. Д. 50.

¹¹⁷ *Ратаев Л.* Письма С.В. Зубатову. 1900–1903 // *Голос Минувшего.* 1922. № 1. Июнь; Письма К.П. Победоносцева к Александру III // *Красный архив.* 1923. Т. 4; Письма К.П. Победоносцева к графу Н.П. Игнатьеву // *Былое.* 1924. № 27–28; Письма Е.П. Медникова А.И. Спиридовичу // *Красный архив.* 1926. № 4 (17); *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.–Л., 1928.

¹¹⁸ *Боголепов Н.П.* Страница из жизни Московского университета. Из записок. М., 1911; *Куропаткин А.Н.* Дневник // *Красный архив.* 1922. № 2; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 199

¹¹⁹ Департамент полиции в 1892–1908 гг. (из воспоминаний чиновника) // *Былое.* 1917. № 5–6 (27–28); *Новицкий В.Д.* Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // *Былое.* 1917. № 5–6; *Он же.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991; *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.–Пг., 1923; *Градский В.* На переломе жизни. Воспоминания 1905 г. // *Былое.* 1924. № 27–28; *Меньшиков Л.П.* Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. В 3 ч. М., 1926–1932.; *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1930; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // *Охранка.* Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2; *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // *Там же.* Т. 1; *Он же.* Жандармы и революционеры // *Там же.* Т. 2; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // *Там же.* Т. 1; *Поляков А.* Записки жандармского офицера // *Жандармы России.* М., 2004; *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // *Вопросы истории.* 2005. № 2, 3, 5.

¹²⁰ *Мещерский А.В.* Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. М., 1901; *Урусов С.Д.* Записки губернатора. Кишинев, 1903–1904 г.; *Он же.* Не переоцените моих сил и способностей. Из воспоминаний князя С.Д. Урусова о 1905 г. // *Исторический архив.* 2004. № 1; *Любимов Д.Н.* Отрывки из воспоминаний (1902–1904 гг.) // *Исторический архив.* 1962. № 6; Воспоминания В.Б. Лопухина // *Вопросы истории.* 1966. №№ 9, 10; *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Кн. 1. М., 1992; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000; *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2001; *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 г. М., 2006; и др.

¹²¹ *Крашхельд В. В.Я.* Яковлев-Богучарский (по материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения

информативными в сравнении с фондом Департамента полиции в целом, к тому же мемуары, как известно, грешат более поздними и не всегда аутентичными оценками (а в данном случае – и, возможно, искаженной последующими событиями терминологией), хотя стоит отметить интересное обстоятельство: бывшие служащие политического сыска в качестве устойчивой объединяющей формулировки в воспоминаниях употребляют словосочетание «революционное и оппозиционное движение»¹²², что, видимо, повлияло и на терминологию историографии политической полиции.

Представление о диалоге – результат авторской интерпретации комплекса документов охранительного ведомства, условный, как и любая интерпретация прошлого. Ограничения, и так присущие процессу получения исторического знания, здесь удваиваются, т.к. нарисованная мной картина представлений чинов политической полиции – это своего рода конструкция конструкции, это описание описания. В тексте исследования активно используются кавычки, чтобы хотя бы частично отделить собственный язык от дискурса деятелей политического сыска: заковычены многие термины, включая и главное в проведенном анализе слово – «либерал» – и однокоренные с ним. Также заковычены и многие устоявшиеся историографические термины («борьба», «репрессии», «провокация», «преследования» и т.п.), которые, на мой взгляд, имеют оценочную окраску и чужды моему взгляду на исследуемую проблему¹²³.

В то же время под рассмотрение делопроизводственной переписки политического сыска о либералах как составной части более общего диалога по линии «власть – общество» вполне возможно подвести и методологическое обоснование.

Обычно историография, и советская¹²⁴, и постсоветская¹²⁵, исходит из противопоставления одного другому, тем более когда речь идет конкретно о либералах, которые называются «оппозиционерами самодержавия»¹²⁶, а позиция власти характеризуется через термины «произвол», «репрессии», «запреты»¹²⁷.

и по личным воспоминаниям) // Былое. 1917. № 1 (23); *Шитов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом; *Горев В.И.* Леонид Меньшиков. Из истории политической полиции и провокации (По личным воспоминаниям) // Каторга и ссылка. 1924. Кн. 3 (10); *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // Былое. 1926. № 1. (35); *Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. № 7 (68); *Мандельштам М.Л.* 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. М., 1991; *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Т. 21–22; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997; и др.

¹²² *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. С. 411, 413, 436; *Он же.* Жандармы и революционеры. С. 37, 47; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 98; и др.

¹²³ Подробнее об ограничениях исторического познания см.: *Уайт Х.* Метаистория. Екатеринбург, 2002. С. 11–12.

¹²⁴ *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия. С. 158, 191–197, 205–207, 216–221, 240, 259–262 и др.; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 204–215, 262–280; *Лаврычев В.Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967; *Он же.* Царизм и рабочий вопрос в России. 1861–1917. М., 1972; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; *Степанский А.Д.* Советская историография внутренней политики царизма в 1905–07 гг. // Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. М., 1978. С. 256–282; *Он же.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982; Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. М.–Л., 1984; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия, дворянство, 1907–1911. Л., 1978.

¹²⁵ Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994; Власть и общество. СПб., 2000; Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004.

¹²⁶ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. С. 4; *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции. С. 9, 11; *Аврех А.Я.* Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6; История политических партий России. М., 1994. С. 133; *Щербина А.В.* Имперское сознание и либеральное движение в России; *Медушевский А.Н.* Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 2000; *Соболев А.В.* О двух типах либерализма в России в начале XX в. // Либерализм в России. М., 1996. С. 300; *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (к вопросу о демократической традиции в России). В 2 ч. Челябинск, 1995. Ч. 2. С. 169; *Гайда Ф.А.* Либералы на внутреннем фронте. Вопрос о революции в постановке парламентской оппозиции (1914 – февраль 1917 г.) // Свободная мысль. 2001. № 5. С. 78; и др.

¹²⁷ Эта традиция вполне естественно восходит к дореволюционной публицистике и сопровождалась в советское время обильными ссылками на В.И. Ленина. См., например; *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции. С. 29.

Однако парадоксальным образом само по себе использование в историографии таких терминов, как «борьба», «конфликт», «противостояние», означает наличие взаимодействия двух сторон. Социолог и философ С.Б. Переслегин отмечает некорректность распространенной точки зрения о том, что «чем идентичности сильнее различаются, тем хуже и опаснее». Напротив, «конфликт идентичностей тем сильнее, чем уже возможный канал их актуализации... Если... идентичности различаются во всех вопросах... отношения, скорее всего, будут совершенно бесконфликтными... "чужой" с совершенно иной системой ценностей, постановкой вопросов и их решениями воспринимается как "ребенок", "сумасшедший" и т.п.». А тот, кто «рассуждает в ваших терминах, но на один из важных для вас ценностных вопросов дает противоположный ответ», воспринимается как бросающий вызов, что и создает основу для конфликта, делает необходимым для сохранения собственной идентичности «демонстрировать враждебную реакцию в ответ»¹²⁸.

В данном случае диалог (или же «борьба») шел в едином коммуникативном пространстве, его участники отличались общностью мышления, оперировали одними и теми же категориями, разговаривали на одном языке, осмыслили единый спектр проблем. При этом обе стороны репрезентировали свои оценки проблем как единственно верные¹²⁹ и стремились говорить от имени более широких общностей (собственно, они сами так себя и ощущали): служащие политической полиции – от имени «власти», а «либералы» – от имени «общества». Однако целью этой конкуренции, ключевым моментом игры было получение легитимного в глазах другого игрока права интерпретации «нужд» и «интересов» «народа».

Понимание того, что перед нами – реконструированная игра, шедшая в рамках одного коммуникативного пространства, позволяет использовать в качестве общей методологической рамки социологические наработки П. Бурдые – в частности, его концепцию поля игры как социального пространства, в котором осуществляется взаимодействие участников коммуникации, а также его понятия символического капитала (см. 3-ю главу) и габитуса (см. 4-ю главу)¹³⁰.

В завершение стоит отметить, какие историографические наработки были всё же использованы автором в данной работе, при общем понимании, что в целом историографический задел по теме незначителен.

В первую очередь это монографии 1970–1980-х гг. Н.М. Пирумовой и К.Ф. Шацилло. Исследование Пирумовой о земском либерализме ценно как выборочным использованием документации ГЖУ по отдельным годам, губерниям и темам (например, создание института земских начальников)¹³¹ и сообщений из Заграничной агентуры Департамента полиции¹³², а также созданной автором с опорой на документы из среды «либералов» карты распространения либерализма по губерниям¹³³. Шацилло реконструировал историю двух либеральных организаций – Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов, активно обращаясь к архиву Департамента полиции. По его собственному признанию, «в некоторых случаях (сведения о банкетной кампании, об их месте и числе участников, о недовольстве, высказываемом на иных легальных собраниях и т.п.) архив Департамента полиции дает не только достоверные, но и наиболее полные сведения, чем пресса или другие какие-либо источники. Определенный

¹²⁸ Переслегин С.Б. Социальная термодинамика и идентичность // Локальные истории: научные, художественные, образовательные аспекты. Сб. ст. Норильск, 2006.

¹²⁹ Так, один жандарм оценивал поведение «либералов» термином «своеволие», говоря тут же о такой претензии «либералов» к власти, как ее «своекорыстие», критиковал «либералов» за их претензию быть олицетворением гуманизма и тут же называл «гуманной» деятельность правительства: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 89. Ч. 12. Л. 1, 2.

¹³⁰ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2005. С. 64–87; *Он же*. Физическое и социальное пространства // Там же. С. 49.

¹³¹ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 47–48, 84–85, 92, 113–114, 121–124.

¹³² Там же. С. 215–217.

¹³³ Там же. С. 92.

интерес представляют в этом фонде и “аналитические исследования” чиновников полиции и черновая их работа, оставившая след в виде перлюстрированных писем, агентурных донесений и т.д.»¹³⁴. Книга Шацилло содержит ряд важных зарисовок отношения политической полиции к организационному строительству либералов.

Важной является историографическая трактовка социальной базы либерализма. По мнению Е.Д. Черменского, «либеральная оппозиция возникла и развивалась до революции 1905 г. преимущественно в русле земских учреждений», которые были в основном дворянскими¹³⁵. Н.М. Пирумова и К.Ф. Шацилло считают, что наряду с дворянством существенную роль в развитии либерального движения, в том числе земского, сыграла «буржуазно-либеральная интеллигенция»¹³⁶. Обсуждается в литературе и тема участия в либеральном движении земских служащих – 3-го элемента. Дореволюционные исследователи И.П. Белоконский, Л.Д. Брюхатов, Н.И. Иорданский и др. вписывали 3-й элемент в общее либерально-оппозиционное движение¹³⁷. Б.Б. Веселовский же говорил о «демократизме» 3-го элемента и «либерализме» земских гласных¹³⁸, и это разделение в советской историографии поддержала Пирумова¹³⁹.

В ряде постсоветских работ рассматривается отношение политической полиции к предварительной цензуре¹⁴⁰, к отдельным участникам либерального движения¹⁴¹, либеральной печати¹⁴² и самоуправлению, либеральным обществам¹⁴³, контактам революционеров, либералов и власти¹⁴⁴. «Либерально настроенная интеллигенция» как один из объектов внимания политической полиции упоминается в коллективной работе «МВД. Исторический очерк. 1902–2002»¹⁴⁵. В исследовании Ю.А. Реента подчеркивается, что политический сыск не мог справиться с представителями высшего общества, уверенных в своей «безнаказанности» в силу

¹³⁴ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 16.

¹³⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 14.

¹³⁶ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 24; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции. С. 44–57.

¹³⁷ Голубев В.С. Роль земства в общественном движении. Ростов-на-Дону. 1905; Иорданский Н.И. Земский либерализм. М., 1905; Ачадов (Данилов Ф.А.) Третий элемент, его значение и организация. М., 1906; Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910. С. 61; Брюхатов И.П. Значение третьего элемента в жизни земства // Юбилейный земский сборник. 1864–1914. СПб., 1914. С. 192.

¹³⁸ Веселовский Б.Б. История земства. СПб., 1911. Т. 4. С. 218.

¹³⁹ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 113.

¹⁴⁰ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. С. 18.

¹⁴¹ Никольская Т.К., Попов А.А. Михаил Яковлевич Герценштейн // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 86–93; Никольская Т.К. Григорий Борисович Иоллос (1859–1907) // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997; Российские либералы. М., 2001; Карнишин В.Ю. Провинциальный либерал на фоне трансформации позднеимперской России начала XX в. (пензенский кадет Н.Ф. Езерский) // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Сб. науч. ст. Вып. 2. Пенза, 2004; Из истории либерализма на Ярославской земле. М.–Ярославль. 2007; Иванова И.И. Князь В.В. Бярятинский и общественное движение в России конца XIX – начала XX вв. // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997; Нардова В.А. Руководители российских органов городского самоуправления под неусыпным оком политической полиции; Перегудова З.И. Департамент полиции и П.Н. Милюков // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 416–421; и др.

¹⁴² Чирокова И.М. Цензура исторической литературы в царской России (1881–1904 гг.) // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977; Чернышевский В.Д. Карательная политика царизма. 1881–1894. Саратов, 1990; Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М., 1972; Он же. Либеральная мысль в России. Саратов, 2004; Мохначева М.П. К изучению общественно-политических и социологических воззрений публицистов-демократов 60–70-х гг. XIX в. // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977; Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике; Иванова И.И. Князь В.В. Бярятинский и общественное движение.

¹⁴³ Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции С. 43–54.

¹⁴⁴ Редакция и сотрудники «Русской мысли» // Былое. 1917. № 4. С. 100–107; Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992.

¹⁴⁵ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. С. 22.

близости ко двору¹⁴⁶. Н.Г. Карнишина называет «либеральные настроения» в провинции в качестве важного для политического сыска фактора, отмечая, что общественное мнение во многом определяло деятельность властных инстанций, и это наблюдение подтверждается проведенным мной анализом¹⁴⁷.

Учреждения политической полиции представлены в разных главах настоящей работы неравномерно. Первые две главы носят, скорее, описательный характер, а примеры приводятся в основном из документов, авторами которых были чины ГЖУ либо охранных отделений. Так как Департамент полиции был точкой сборки для информационных потоков внутри политического сыска, его сотрудники нередко фиксировали информацию из местных структур и складировали ее «до поры до времени»; соответственно, в фонде Департамента полиции документов авторства его служащих просто физически меньше в сравнении с документами из охранных отделений и особенно из ГЖУ, писавших в Департамент из каждой губернии (либо области) Российской империи. В третьей главе формулируется объяснительная модель изложенного в предыдущих главах материала, и позиция служащих Департамента проявлена здесь в большей степени. Четвертая глава, в которой анализируется методика работы политического сыска, основана преимущественно на документах Департамента полиции как структуры, определявшей логику и содержание деятельности всей системы политической полиции.

Завершая введение, хотела бы выразить благодарность всем, кто помогал мне в работе над монографией. В первую очередь – это научный руководитель моей кандидатской диссертации д.и.н., заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Г. Захарова. Именно благодаря ей я занялась изучением темы, которая интересна мне до сих пор и которой посвящено данное исследование. Также хочу отметить научного руководителя моей дипломной работы д.и.н., профессора Южно-Уральского государственного университета И.В. Нарского, который еще на стадии подготовки диплома предложил мне проанализировать представления друг о друге носителей власти и тех, кого они считали либералами.

Так получилось, что моя кандидатская диссертация отразила влияние двух научных подходов – школы П.А. Зайончковского, ведущей свою историю еще от В.О. Ключевского и сформировавшей целое направление изучения дореволюционной государственности, и челябинской исторической школы, созданной на рубеже XX–XXI вв. руководителем моей дипломной работы на основе достижений европейской культурной истории. Я попробовала совместить оба этих подхода в кандидатской диссертации. Переработка диссертации в монографию растянулась на 10 лет, текст книги за это время испытал влияние еще ряда факторов. Среди них – обсуждение с к.и.н. Г.Н. Бибиковым особенностей организации политической полиции в Российской империи и русской государственности XIX в. в целом; совместная работа с к.ф.н. Б.В. Межуевым на сайте Русская Idea, в том числе – по организации дискуссий о путях развития страны на рубеже XIX–XX вв.

Кроме того, мне хотелось бы поблагодарить всех, с кем я так или иначе обсуждала свое исследование, кто читал мой текст, высказывал критические замечания или поддерживал мои идеи. Это оппоненты на защите моей кандидатской диссертации – д.и.н. З.И. Перегудова и д.и.н. В.В. Шелохаев; рецензенты диссертации, выступавшие при ее обсуждении на кафедре истории России XIX – начала XX вв. исторического факультета МГУ – к.и.н. О.Р. Айрапетов и к.и.н. Д.А. Андреев. Это ученики Ларисы Георгиевны Захаровой: представители старшего поколения (д.и.н. Ф.А. Гайда, д.и.н. А.Ю. Полунов, д.и.н. И.А. Христофоров, к.и.н. А.В. Мамонов, к.и.н. М.М. Шевченко) и поколения младшего (к.и.н. П.В. Краснов, к.и.н. С.В. Медведев, к.и.н. В.В. Хутарев-Гарнишевский).

---

¹⁴⁶ *Реемт Ю.А.* Общая и политическая полиция России. С. 233–240.

¹⁴⁷ *Карнишина Н.Г.* Полиция и местная администрация. С. 12, 13, 14.

Также мне хотелось бы поблагодарить мою маму В.В. Ульянову – ее усилиями 2-ая глава моего исследования оказалась украшена диаграммами. Не могу не вспомнить и сотрудников Государственного архива Российской Федерации – научного руководителя ГАРФ, заведующего кафедрой истории России XIX – начала XX вв. исторического факультета МГУ С.В. Мироненко, благодаря содействию которого я получила возможность знакомиться с частью архивных дел в подлинниках, а также заведующую читальным залом Н.И. Абдулаеву, профессионализм и доброжелательность которой сильно способствовали моему пониманию того, как устроен архив Департамента полиции.

Глава I

Политическая полиция: структура, полномочия, люди

Реконструкцию образов «либерального» в делопроизводственной переписке политического сыска стоит предварить институциональным и нормативно-правовым обзором, а также небольшим экскурсом о самих деятелях политической полиции – их образовании, карьерных путях, межличностных отношениях, которые напрямую (через дружеские или, наоборот, неприятельские отношения) или опосредованно (через разные взгляды и, соответственно, восприятие окружающего) влияли на общность (или, напротив, разногласия) при описании общественно-политических процессов. Структурно-организационный контекст также необходим для более корректного понимания языка и специфики письменного общения, свойственных разным учреждениям политического сыска Российской империи. Показателен в этом смысле пример с П.И. Рачковским. Будучи заведующим Заграничной агентуры Департамента полиции на протяжении почти двадцати лет (1884–1902), он писал о «либералах», «конституционалистах», «эмигрантах-народовольцах», «плехановцах», «террористах», «революционерах», «анархистах», не исключая и просторечивых выражений («предатели», «гниды»). Документы за подписью того же Рачковского, но уже на посту вице-директора Департамента полиции в 1905 г., содержали одно-единственное определение – «противоправительственный»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ См.: ГА РФ. 3 делопроизводство. 1886. Д. 93. Л. 280–281; 1894. Д. 1. Л. 268–273; Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 13. Ч. 3. Л. 3; и др.

1.1. Структурно-нормативные контексты: функции и компетенция

Политическую полицию Российской империи сложно назвать государственной инстанцией, в которой центральные и местные учреждения были унифицированы, а система в целом являлась единой и централизованной. В данном исследовании речь идет о таких структурах, как Департамент полиции, губернские жандармские управления и охранные отделения, именно они занимались политическим сыском¹⁴⁹.

Департамент полиции – центральный орган политической полиции – входил в состав Министерства внутренних дел Российской империи. В 1881 г. в Департаменте работали 125 человек (включая внештатных), к концу XIX в. – 174¹⁵⁰. Его возглавлял директор, у которого было от 2 до 5 заместителей (вице-директоров). Департамент полиции делился на делопроизводства, количество которых в разное время варьировалось от 3 до 9. У каждого из делопроизводителей имелось по 3 старших и 3 младших помощника¹⁵¹.

Департамент полиции отвечал за «предупреждение и пресечение государственных преступлений и охрану общественной безопасности и порядка»¹⁵², именно эту сферу деятельности в литературе принято называть «политической полицией». Ведущее место в Департаменте занимало 3-е делопроизводство (а с 1898 г. – Особый отдел)¹⁵³. В 3-е делопроизводство поступали запросы о «политической и нравственной благонадежности» лиц, желавших поступить на государственную службу, издавать газеты, журналы, читать публичные лекции и пр.; здесь же велась переписка по политическим обзорам, поступающим из ГЖУ; осуществлялся сбор негласных сведений о корреспонденциях в газетах и журналах, «останавливающих на себе внимание правительства» и др.¹⁵⁴ С выделением из 3-го делопроизводства в 1898 г. Особого отдела в самостоятельное подразделение эти функции перешли к нему, также Особый отдел заведовал внутренней и заграничной агентурой, вел «негласное наблюдение» за политическими настроениями учащейся молодежи и перепиской частных лиц (т.е. отвечал за перлюстрацию) и т.д.¹⁵⁵

Кроме 3-го делопроизводства и Особого отдела, непосредственно к деятельности по «охране государственного порядка и общественного спокойствия» имели отношение 4-е (с 1902 г. – 7-е) и 5-е делопроизводства¹⁵⁶: 4-е наблюдало за производством дознаний по государственным преступлениям (в литературе опять же это называется «политическими дознаниями»), 5-е отвечало за административную высылку и гласный надзор.

В течение длительного времени единственными местными отделениями политической полиции являлись ГЖУ. Их создание началось в 1867 г. после реформы Отдельного корпуса

---

¹⁴⁹ Как уже отмечалось во введении, за пределами анализа остались жандармско-полицейские управления железных дорог и другие жандармские структуры, не связанные с задачами политического сыска.

¹⁵⁰ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 163; *Руд Ч.А., Степанов С.А.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 90; *Лурье Ф.М., Перегудова З.И.* Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 53; *Резит Ю.А.* Полиция Российской империи начала XX в. (1900–1917). М., 2002. С. 79.

¹⁵¹ Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И.О. Велио, В.К. фон Плеве, П.Н. Дурново и Н.И. Петрова // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 130; *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 103.

¹⁵² Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. Изд. 1906. С. 362.

¹⁵³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 63.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 14–14 об. Цит. по: *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи, 1880–1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 29.

¹⁵⁵ *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 60; *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 36–38.

¹⁵⁶ *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 33.

жандармов¹⁵⁷. В строевом отношении чины ГЖУ подчинялись штабу Корпуса. Это означало, что присвоение жандармам офицерских званий, их продвижение по службе, перемещение по губерниям, размер жалованья, увольнения зависели от штаба Корпуса, а не от Департамента полиции¹⁵⁸. Последний же определял круг деятельности офицеров ГЖУ. Двойная подчиненность ГЖУ провоцировала постоянные конфликты между Департаментом и Корпусом жандармов¹⁵⁹. Последний начальник Московского охранного отделения полковник А.П. Мартынов в своих воспоминаниях писал о том, что руководители Корпуса не просто проводили независимую от Департамента кадровую политику, но часто действовали в пику его предложениям и просьбам¹⁶⁰. Не спасало от раздоров подчинение Департамента и Корпуса одному лицу – товарищу министра, заведующему полицией¹⁶¹. Тем более что эта должность нередко оставалась вакантной¹⁶².

Коллизии, однако, не исчерпывались на уровне Департамента полиции и Корпуса жандармов. Правовое положение ГЖУ вносило ряд сложностей в их отношения с местной администрацией: губернатору, ответственному за безопасность и спокойствие в губернии, подчинялась вся местная полиция, за исключением ГЖУ¹⁶³.

В 1880 г. общая численность ГЖУ составляла 328 офицеров и 2290 унтер-офицеров, незначительно увеличившись в последующие десятилетия¹⁶⁴. Служащие ГЖУ в донесениях Департаменту полиции постоянно жаловались на нехватку личного состава. Так, начальник Нижегородского управления писал в 1902 г.: «На всю губернию штатом определен всего лишь 31 жандарм... из 11 уездов только в двух имеются жандармские пункты, остальные же 9 состоят в ведении управления и наблюдение в них ведется только путем временных командировок жандармских чинов... частое командирование в уезды невозможно при той массе серьезного наблюдательного материала, который дает Нижний Новгород с заводами, находящимися в нем»¹⁶⁵. В самом крупном ГЖУ Поволжья – Саратовском – в 1907 г. состояло 8 офицеров, 7

¹⁵⁷ *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 110.

¹⁵⁸ *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 91.

¹⁵⁹ Там же. *Гладьшева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. (1902 – февраль 1917 г.) на примере Саратовской губернии. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Саратов, 2006.

¹⁶⁰ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // *Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска.* М., 2004. Т. 1. С. 174–176, 206–207, 340, 343. Также см.: *Лопухин А.А.* Настоящее и будущее российской полиции. М., 1907. С. 17–19; *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1991. С. 37; *Полиция и милиция России: страницы истории.* М., 1995. С. 47; *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // *Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска.* М., 2004. Т. 2. С. 31.

¹⁶¹ Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией. 16 июля 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. № 1022. О должности товарища министра, заведующего полицией, подробно см.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. М.–Л., 1926. Т. 5. Допрос И.М. Золотарева; *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 65–67, 83–84, 111.

¹⁶² *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скриплев А.Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. Полиция Российской империи XIX – нач. XX вв. М., 1992. С. 38; *Рееит Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX в. (1900–1917). М., 2002. С. 72.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1791. Л. 15; *Шинджелишвили Д.И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. С. 28; *Ефремов В.А.* Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 69; *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скриплев А.Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. С. 39; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 110; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. М., 2004. С. 48; *Гладьшева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 30.

¹⁶⁴ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970. С. 163. Другие цифры приводит М.С. Чудакова: 200 офицеров и 1200 вахмистров и унтер-офицеров (*Чудакова М.С.* Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль, 2003. С. 37).

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1902. Д. 1. Ч. 58. Лит. А. Л. 16–18; *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 85; *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 41–44.

вахмистров и 46 унтер-офицеров при численности населения Саратовской губернии в 2,6 млн человек¹⁶⁶.

В анализируемый период ГЖУ занимались дознаниями по делам о государственных преступлениях и политическим розыском¹⁶⁷. Дознание – «осмотр, обыск, освидетельствование, задержание, допрос подозреваемых, пострадавших и свидетелей» – имело «целью зафиксировать следы преступления»¹⁶⁸. Дознания жандармы проводили под наблюдением прокуратуры¹⁶⁹, а по «Положению о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия» 14 августа 1881 г.¹⁷⁰ – и без ее участия в тех губерниях, которые были объявлены на положении охраны. После завершения дознаний дела передавались в суд, тем же порядком, что и уголовные дела после окончания предварительного следствия.

Политический розыск подразумевал ведение наружного наблюдения (слежка) и наблюдения внутреннего (секретная агентура). Однако работа с секретными сотрудниками осуществлялась в ГЖУ произвольно, и хотя в 1902 г. при ГЖУ появились агентурно-наблюдательные пункты¹⁷¹, их деятельность была малозаметной.

Регламентация внутреннего и наружного наблюдений произошла только в начале XX в. и не в связи с ГЖУ, а в связи с формированием сети охранных отделений, к которым и перешли функции политического розыска. В то же время в тех губерниях, где охранные отделения не были созданы, эти функции по-прежнему выполняли ГЖУ.

Первое охранное отделение появилось практически одновременно с ГЖУ – в 1866 г. в Санкт-Петербурге (Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице). Но это не привело к формированию сети охранных отделений наподобие ГЖУ¹⁷². В течение последующих 45 лет охранные отделения возникли только в Москве (в 1880 г., Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера) и в Варшаве (в 1900 г., Отделение по охранению порядка и общественной безопасности). Эти отделения были включены в структуру градоначальств (в Москве до 1905 г. – в состав обер-полицмейстерства). Штаты отделений изначально не были утверждены. «Лица, занимавшиеся в оных, не пользовались правами государственной службы» до 23 ноября 1887 г. в Санкт-Петербургском градоначальстве и до 4 апреля 1889 г. в московском обер-полицмейстерстве¹⁷³.

В начале XX в. Департамент полиции инициировал создание охранных отделений в наиболее крупных центрах развития противоположительного движения (Вильно, Екатеринбург, Казань, Киев, Нижний Новгород, Одесса, Пермь, Саратов, Симферополь, Тифлис, Харьков)¹⁷⁴. Кроме усовершенствования политического сыска, одной из причин создания охранных отделений стало стремление Департамента подчинить себе розыск. В 1902 г. уже существовавшие и вновь созданные отделения были напрямую подчинены Департаменту полиции, хотя возглавившие их жандармы по-прежнему числились по Отдельному корпусу жандар-

¹⁶⁶ Романов В.В. На страже российской монархии: политическая полиция Поволжья в 1905–1907 гг. Ульяновск, 1999. С. 21; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 80–82.

¹⁶⁷ Инструкция 1904 г. об обязанностях губернских жандармских управлений // ПСЗ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. № 44071.

¹⁶⁸ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 27. СПб., 1898. С. 23.

¹⁶⁹ Положение «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» 19 мая 1871 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 42. № 44956.

¹⁷⁰ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. 1881. СПб., 1885. С. 261–265.

¹⁷¹ Циркуляр об организации при жандармских управлениях агентурно-наблюдательных пунктов. 1902 г. // ПСЗ. Собр. 2. 1863. Отд. 2. № 37289.

¹⁷² Одна из причин – убийство в 1883 г. успешного борца с народовольцами Г.П. Судейкина, который рассматривался как претендент на должность руководителя этой системы (Переудова З.И. Политический сыск России. С. 116–118).

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 112.

¹⁷⁴ Переудова З.И. Политический сыск России. С. 118.

мов. Руководитель Таврического, а потом Киевского охранных отделений, известный деятель политической полиции А.И. Спиридович писал в воспоминаниях, что начальники охранных отделений «зависели только от директора... впервые Департамент полиции взял в свои руки все нити политического розыска в стране и стал фактически и деловито руководить им»¹⁷⁵.

Самыми крупными отделениями были Санкт-Петербургское (изначально – 12 человек, 15 служащих в 1903 г.) и Московское (при формировании в него входило 6 человек)¹⁷⁶.

Компетенция охранных отделений была определена Положением о начальниках розыскных отделений (12 августа 1902 г.), Сводом правил для начальников охранных отделений (1902), инструкцией филерам розыскных и охранных отделений (1902), Временным положением об охранных отделениях (1904)¹⁷⁷.

На охранные отделения возлагались наружное наблюдение, вербовка и руководство секретными сотрудниками¹⁷⁸. При этом вплоть до 1906–1907 гг. инструкции по организации секретной агентуры и ведению наружного наблюдения существовали только в столичных охранных отделениях¹⁷⁹, и лишь в ходе Первой русской революции были разработаны для всех охранных отделений. Информация охранных отделений могла служить материалом для дознаний, проводившихся ГЖУ¹⁸⁰.

Соответственно основным направлениям деятельности, охранные отделения состояли из отделов наружного (филёрского) и внутреннего (агентурного) наблюдения. Агентурный отдел комплектовался в губернских городах из 2–3 человек¹⁸¹. В отделе наружного наблюдения работали заведующий, участковые квартальные надзиратели, вокзальные надзиратели и филёры¹⁸². С 1894 г. в Московском охранном отделении существовал так называемый «Летучий отряд» филёров под руководством Е.П. Медникова, в разное время включавший от 30 до 70 человек¹⁸³ и выполнявший филёрские функции по всей России. З.И. Перегудова приводит такую численность филёров в охранных отделениях: в Вильнюсовском охранном отделении – 15, Иркутском – 30, Нижегородском – 12, Одесском – 15, Пермском – 12, Саратовском – 15, Тифлисском – 30, Томском – 20, Финляндском – 20¹⁸⁴. Наличие, например, 20 филеров в отделении позволяло вести одновременное наблюдение за 8–9 лицами¹⁸⁵.

Во многом схожий с охранными отделениями функционал был у Заграничной агентуры Департамента полиции, базировавшейся во Франции и наблюдавшей за революционной эмиграцией.

Дознания из ГЖУ могли быть переданы в суд, значительная же часть сведений, собранных охранными отделениями, Заграничной агентурой и самим Департаментом полиции, стано-

¹⁷⁵ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 119, 120. См. также: ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 20. Л. 2; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 145; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 52.

¹⁷⁶ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 163; Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976. С. 69; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. М., 2004. С. 52.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 2–5.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 259. Д. 2. Л. 5. Положение о начальниках розыскных отделений. 12 августа 1902 г.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 63. 1882. Д. 602. Л. 11–12; Ефремов В.А. Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 62.

¹⁸⁰ Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипильев А.Е. История полиции России (1718–1917 гг.). С. 42. О взаимоотношениях ГЖУ и охранных отделений и их конфликтах см.: Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 119–120.

¹⁸¹ Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 98.

¹⁸² О способах формирования штата филеров см.: Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. С. 116–117; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 85–88.

¹⁸³ Реев Ю.А. Общая и политическая полиция России. Рязань, 2001. С. 207.

¹⁸⁴ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 168, 171–172, 177.

¹⁸⁵ Заварзин П.П. Работа тайной полиции // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 431; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 88.

вилась основой для рассмотрения дел о государственных преступлениях в административном порядке. Этот порядок регламентировался «Положением о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия» 14 августа 1881 г., «Положением о полицейском надзоре» 12 марта 1882 г. и секретным «Положением о негласном полицейском надзоре» 1 марта 1882 г.

Согласно 34-й статье «Положения о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия», при министре внутренних дел учреждалось Особое совещание¹⁸⁶. В него входили два представителя от Министерства внутренних дел (председатель совещания – товарищ министра, а также директор Департамента полиции) и два представителя от Министерства юстиции. Решения совещания утверждались министром внутренних дел. Таким способом власть стремилась придать законность рассмотрению дел в административном порядке, то есть тех дел, в которых обвинение основывалось на уликах, не являвшихся доказательствами для суда (сведения секретных агентов, данные перлюстрации и т.п.). В литературе внесудебные способы борьбы с государственными преступлениями, закрепленные Положением 14 августа 1881 г., давно стали символом административного произвола и бесконтрольности репрессивных прав власти в отношении политически активной части общества в Российской империи¹⁸⁷. Однако в литературе есть и другая точка зрения. Так, американский исследователь Дж. Дейли, сопоставив Положение с рядом законов конца 1870-х гг., пришел к обратному выводу: «Положение об охране 14 августа 1881 г. в отличие от предыдущих исключительных положений строго ограничивало сроки заключения и ссылки, введенная в десяти губерниях усиленная охрана разрешала губернаторам только издавать обязательные постановления для охранения государственного порядка и общественного спокойствия и воспрещать пребывание в их губерниях отдельных лиц, а чрезвычайная охрана впервые вступила в действие только в конце 1905 г.»¹⁸⁸ Сами чины политической полиции, в частности директор Департамента полиции П.Н. Дурново, отмечали, что «суды... расправлялись бы строже», система же административных наказаний позволила сохранить множество «талантливых людей»¹⁸⁹.

Кроме того, количество лиц, привлеченных к ответственности через Особое совещание, не позволяет говорить о массовости применения административных наказаний. За 23 года (1881–1904) Особое совещание рассмотрело 2971 дело по обвинению в политической неблагонадежности 4077 человек¹⁹⁰. Это составляло около 40 % общего объема дел, рассмотренных Особым совещанием за эти же годы, при этом самой массовой категорией были дела о «порочном поведении» (всего 3279 с количеством привлеченных 4424 человек)¹⁹¹.

Административный порядок рассмотрения дел предполагал и соответствующий характер наказания: административная высылка (сроком от 1 года до 6 лет), запрет на жительство в определенных районах, подчинение гласному надзору.

Гласный надзор, согласно «Положению о полицейском надзоре», создавал ряд ограничений для поднадзорного: он должен был получать у губернатора разрешение на избранный им

¹⁸⁶ Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 77, 85–86; Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 30; Жандармы России. М., 2004. С. 274.

¹⁸⁷ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 165–166; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М., 1923. С. 118; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. С. 97; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России. С. 78; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии. С. 31–32, 54–56.

¹⁸⁸ Дейли Дж. Положение об охране 14 августа 1881 г. и репрессивная политика императорской России // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 71.

¹⁸⁹ Иванчин-Писарев А.И. Воспоминания о П.Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. № 7 (68). С. 57.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 702. Л. 153, 158–159.

¹⁹¹ Исторический очерк организации и деятельности Департамента полиции: материалы к обзору деятельности Министерства внутренних дел с 1802 по 1902 гг. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 153; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 184; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 161.

вид деятельности, не имел права находиться на государственной службе, заниматься педагогической и публичной деятельностью и пр.¹⁹²

Наряду с гласным надзором, который выступал как мера наказания, существовал и негласный надзор. Последний, согласно Положению от 1 марта 1882 г., рассматривался как «одна из мер предупреждения государственных преступлений посредством наблюдений за лицами сомнительной политической благонадежности». В отличие от гласноподнадзорного человек, состоящий под негласным надзором, не мог быть стеснен «в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий и т.п.»¹⁹³ В 1889 г. срок негласного надзора был ограничен двумя годами¹⁹⁴, по истечении которых принималось решение либо о его продлении, либо о его снятии. В 1904 г. Положение о негласном надзоре было отменено министром внутренних дел В.К. Плеве. В качестве причины циркуляр об отмене Положения указывал на учреждение в основных революционных центрах охранных и розыскных отделений, которые должны были добывать информацию о противоправительственном движении посредством внутреннего агентурного и наружного наблюдений. Также одним из мотивов отмены Положения стало некачественное осуществление негласного надзора чинами общей полиции¹⁹⁵, которые критиковались в политическом сыске и за низкое качество гласного надзора¹⁹⁶.

Нормативно-правовая база деятельности политического сыска в целом сложилась в 1870–1880-е гг., давая ей в первую очередь серьезные полномочия в борьбе с террором – именно такие дела рассматривались порядком, во многом аналогичным уголовным делам: через дознание, предварительное следствие и суд. Второй же способ – административный – состоял в привлечении к ответственности через Особое совещание Министерства внутренних дел и был направлен прежде всего на ограничение доступа в публичное пространство политически неблагонадежных или лиц, «сомнительной политической благонадежности». Именно второй способ будет подробно описан ниже, так как он касался либеральных деятелей несравненно больше, чем судебный.

Продолжая одну из гипотез, озвученных во введении, стоит отметить, что только «административные наказания» вводили в публичное поле термин «политика» – ведь именно они накладывались в основном на политически неблагонадежных, в то время как судебные наказания касались, исходя из официального правового дискурса той эпохи, государственных преступлений. Из этой перспективы регламентация административных наказаний в начале 1880-х гг., описанная в этом параграфе, и введение их в регулярное нормативно-правовое поле парадоксальным образом могло быть шагом в сторону не «полицейского произвола», а в сторону появления «политики» во властном дискурсе.

¹⁹² Мулукаев Р.С. Полиция в России. С. 37; Ефремов В.А. Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 59; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России. С. 75.

¹⁹³ Ефремов В.А. Сыск в политической полиции самодержавной России. С. 60; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии. С. 123; Карнишина Н.Г. Полиция и местная администрация: структура взаимодействия в пореформенный период // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Сб. науч. ст. Вып. 2. Пенза, 2004. С. 10–11.

¹⁹⁴ Добряков. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов ГЖУ по наблюдению за местным населением и производством дознаний. СПб., 1903. С. 92. Цит. по: Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 63.

¹⁹⁵ Циркуляр министра внутренних дел В.К. Плеве губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам об отмене Положения о негласном надзоре. 10 января 1904 г. // Политическая полиция и политический терроризм. Сб. док. М., 2000. С. 193. Сопроводительные циркуляры, следовавшие в разъяснение циркуляра 10 января 1904 г.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1904. Д. 6. Л. 2–19; Особый отдел. 1904. Д. 125. Л. 31.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 41. Л. 1, 3, 4; Особый Отдел. 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 20. Л. 2; Докладная записка директора Департамента полиции А.А. Лопухина, рассмотренная в комитете министров... января 1905 г. Женева, 1905. Л. 6; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 66.

1.2. Социально-профессиональные контексты: групповые «портреты» служащих

Как общепризнано в социологии, мировоззрение людей во многом определяется особенностями их социализации в обществе, спецификой воспитания, образования, жизненным опытом и пр.¹⁹⁷ В данном исследовании показалось оправданным говорить не об индивидуальных особенностях в мировоззрении чинов политического сыска – по причине неподъемности такой темы, а о доминирующих социально-профессиональных типажах, совпадающих с институциональным разделением. Ведь каждая из трех структур – Департамент полиции, ГЖУ и охранные отделения – отличались друг от друга не только компетенцией и правовым положением в государственной системе, но и принципами комплектования. Основные критерии, по которым ниже рассматриваются чины трех названных институций, – это образование и карьерная социализация, без внимания к социальной стратификации, которая, как представляется, в конце XIX – начале XX вв. уже не оказывала существенного влияния на формирование взглядов бюрократии¹⁹⁸.

Этот сюжет выходит за пределы традиционного для историографии анализа отношений субординации между сотрудниками политической полиции. Стоит отметить, что постановка «этических» проблем в исследованиях о данном государственном институте обычно ограничивается анализом «участия» политического сыска в терактах¹⁹⁹. Не покрывают этот сюжет и биографии ряда наиболее крупных чинов политического сыска, таких как В.К. Плеве²⁰⁰, П.Н. Дурново²⁰¹, С.В. Зубатов²⁰², а в тех работах, в которых, по идее, можно было бы рассказать и о людях-полицейских, господствует формально-юридический подход²⁰³. В итоге подробное исследование социально-профессиональных типажей деятелей политической полиции отсутствует, и ниже приведены лишь самые общие наблюдения по данному вопросу.

Кадровый состав Департамента полиции, несмотря на очевидность сюжета, по-разному оценивается в историографии. Ф.М. Лурье почему-то утверждает, что в Департаменте и в первую очередь в «3-ем делопроизводстве служили жандармские офицеры и редко штатские чиновники»²⁰⁴. В действительности, как пишет З.И. Перегудова, «при комплектовании руководящего состава Департамента Министерство внутренних дел вплоть до 1902 г. стремилось

¹⁹⁷ См., например: *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 3.

¹⁹⁸ Н.Б. Лебина отмечает, что «ментальные установки личности, ее поведенческие стереотипы в значительной мере формируются под влиянием повседневности» (*Лебина Н.Б.* Политический сыск и российская повседневность / Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 27).

¹⁹⁹ См., например: *Резин Ю.А.* Общая и политическая полиция России. С. 53–68.

²⁰⁰ *Judge E.H.* V.K. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia. 1902–1904. Syracuse – N.Y., 1983; *Симонова М.С.* Плеве В.К. // Российские консерваторы. М., 1997.

²⁰¹ *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.

²⁰² *Овченко Ю.Ф.* С.В. Зубатов // Вопросы истории. 2005. № 8; *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018.

²⁰³ См., например, из недавних работ: *Сучков Е.Н.* Система управления политическим сыском Российской империи в период 1898–1905 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. Сентябрь 2008. Вып. № 16. С. 1–7; *Плужников С.Ю.* Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. № 5 (73). С. 340–347; *Опилкин А.С.* Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX в. глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов // Государственное управление. Электронный вестник. Апрель 2012. Вып. № 31. С. 1–16; *Свечников Н.И., Кадомцева А.С.* Некоторые особенности деятельности охранных отделений Российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 64–69; *Бродникова М.Н.* К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 37–42; и др.

²⁰⁴ *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 85.

брать в штат преимущественно лиц с юридической подготовкой. Директора Департамента полиции, вице-директора, чиновники особых поручений, прикомандированные к Департаменту, руководители структур (делопроизводств), как правило, имели высшее юридическое образование»²⁰⁵. Итак, те чиновники Департамента, которые задавали основные трактовки общественно-политических процессов, были юристами. Идея наполнить центральную структуру политического сыска юристами была сформулирована еще в 1880 г. руководителем Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликовым, который стоял у истоков создания Департамента полиции в составе Министерства внутренних дел взамен упраздненного III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии²⁰⁶.

За период с 1881 по 1905 г. Департамент полиции возглавляли 10 человек: В.К. Плеве (1881–1884), П.Н. Дурново (1884–1893), Н.И. Петров (1893–1895), Н.Н. Сабуров (1895–1896), С.Э. Зволянский (1896, 1897–1902), А.Ф. Добржинский (1896), А.А. Лопухин (1902–1905), С.Г. Коваленский (1905), Н.П. Гарин (1905), Э.И. Вуич (1905–1906). Из них имел не юридическое, а военное образование только Петров, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба²⁰⁷. Зволянский, Коваленский и Гарин получили образование в Императорском училище правоведения. Юридические факультеты Московского или Санкт-Петербургского университетов «со степенью кандидата» окончили Плеве, Сабуров, Лопухин, Вуич. Добржинский отучился на юридическом факультете Киевского университета, а Дурново – в Военно-юридической академии²⁰⁸.

Юридическое образование, как правило, дополнялось солидным юридическим стажем. Большинство директоров Департамента к моменту назначения на эту должность имели длительный опыт работы в судебном ведомстве, достигавший 25–30 лет. Их карьеры были довольно однотипными: будущие руководители политической полиции прошли все карьерные ступени – от секретаря суда или помощника следователя до прокурора окружного суда или судебной палаты. Этот факт отмечал в 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии руководитель Департамента в 1912–1914 гг. С.П. Белецкий: «Я был единственным директором Департамента из административных, а ведь до меня были все директора – прокуроры судебных палат»²⁰⁹.

При этом сотрудники Департамента полиции (не только его руководители) по своей предшествующей службе в прокуратуре часто специализировались на дознаниях по государственным преступлениям, сотрудничая рука об руку с ГЖУ. Иначе говоря, это были люди, знакомые с системой политического сыска еще до попадания в ее «святая святых»²¹⁰. Сравнительно недолго в судебном ведомстве прослужил только С.Э. Зволянский (с 1877 по 1881 г.). Но он большую часть своей карьеры состоял в самом Департаменте (1881–1902), начав с должности младшего помощника делопроизводителя²¹¹. Кроме Зволянского, карьерную лестницу внутри Департамента полиции прошли директора П.Н. Дурново и Н.Н. Сабуров.

²⁰⁵ *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 337. Об этом же см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 7; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. С. 197; *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 56.

²⁰⁶ *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия. С. 245; *Перегудова З.И.* «Охранка» глазами охранников // *Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска.* М., 2004. Т. 1. С. 5; *Жандармы России.* М., 2004. С. 280.

²⁰⁷ Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И.О. Велио, В.К. фон Плеве, П.Н. Дурново и Н.И. Петрова // *Из глубины времен.* Вып. 4. СПб., 1995. С. 167.

²⁰⁸ См.: Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И.О. Велио, В.К. фон Плеве, П.Н. Дурново, Н.И. Петрова, Н.Н. Сабурова, А.Ф. Добржинского, С.Э. Зволянского, А.А. Лопухина, С.Г. Коваленского, П.И. Рачковского, Н.П. Гарина, Э.И. Вуича, М.И. Трусевича, Н.П. Зуева // *Из глубины времен.* Вып. 4–8. СПб., 1995–1997.

²⁰⁹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. М.–Л., 1926. Т. 3. Допрос С.П. Белецкого. С. 273.

²¹⁰ *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // *Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска.* М., 2004. Т. 1. С. 413; *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // *Вопросы истории.* 2005. № 3. С. 103.

²¹¹ Во главе Департамента полиции (формулярные списки Н.Н. Сабурова, А.Ф. Добржинского и С.Э. Зволянского) // *Из*

Заведующие отделениями Департамента также имели юридическое образование и определенный юридический стаж²¹². Так, Н.П. Зуев окончил Императорское училище правоведения, работал в Московской судебной палате, Рязанском окружном суде и 1-м уголовном отделении 2-го департамента Министерства юстиции (1878–1894). Попад в 1894 г. в Департамент полиции, он прослужил еще 9 лет (1894–1903) до назначения вице-директором²¹³. Правоведами были вице-директор Департамента Г.К. Семякин, руководитель 3-го делопроизводства П.Н. Лемтюжников, начальник 5-го делопроизводства П.К. Лерхе, помощники делопроизводителей Н.А. Пешков, Н.Д. Зайцев и др.²¹⁴

Значительная часть чинов Департамента полиции (в частности, В.К. Плеве, Н.Н. Сабуров, П.Н. Дурново, С.Э. Зволянский, Э.И. Вуич, Г.К. Семякин, П.Н. Лемтюжников и др.) получила высшее образование (или начала учиться) в «либеральные» годы: вторую половину 1850-х – начало 1870-х гг.²¹⁵ Среди их преподавателей были такие столпы российского либерализма как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, воздействие которых на мировоззрение студентов не стоит недооценивать²¹⁶.

Так, один из сокурсников В.К. Плеве И.И. Янжул вспоминал: «Б.Н. Чичерин читал, начиная со 2-го курса, государственное право и политические учения... В то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертон... Так как Чичерин начинал читать со 2-го курса, а конституционное право Дмитриев лишь на 4-м, то, собственно, мы довольно рано в университете знакомимся тогда от Чичерина со всеми выгодными сторонами и важностью для государства представительных учреждений»²¹⁷. При этом речь идет о так называемом «умеренном либерализме», если пользоваться определением В.А. Китаева, популяризация которого пришлась как раз на 1860–1870-е гг.²¹⁸

Влияние теоретиков-родоначальников российского либерализма на будущих государственных служащих не ограничивалось студенческими годами. Как показывает в своем исследовании С.В. Куликов, «работы апостола “старого либерализма” Б.Н. Чичерина пользовались огромной популярностью у бюрократических деятелей»²¹⁹.

Служба в судебной системе также должна была способствовать формированию так называемого «либерального» настроения: по общему признанию современников и историков, пореформенная судебная система была воплощением либеральной бюрократической практики, которая понималась в первую очередь как законничество и приоритет права. Здесь уместно определение «либерализма», данное В.В. Ведерниковым, В.А. Китаевым, А.В. Луночкиным: «Либерализм видит гарантию хорошо устроенного общества... в институтах, действующих на основе закона»²²⁰.

глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 182–195.

²¹² *Переудова З.И.* Политический сыск России. С. 75.

²¹³ Во главе Департамента полиции (формулярные списки М.И. Трусевича и Н.П. Зуева) // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 167–179; Падение царского режима. Т. 3. Допрос С.П. Белецкого. С. 258.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 7. Л. 11, 29; Д. 111. Л. 1; *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 103.

²¹⁵ Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И.О. Велио, В.К. фон Плеве, П.Н. Дурново, Н.И. Петрова, Н.Н. Сабурова, А.Ф. Добржинского, С.Э. Зволянского, А.А. Лопухина, С.Г. Коваленского, П.И. Рачковского, Н.П. Гарина, Э.И. Вуича, М.И. Трусевича, Н.П. Зуева // Из глубины времен. Вып. 4–8. СПб., 1995–1997.

²¹⁶ Об этом см.: *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 52; *Щетикина Г.И.* Идейная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 59.

²¹⁷ *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном. С. 52.

²¹⁸ *Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997. С. 12–25.

²¹⁹ *Куликов С.В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 284.

²²⁰ *Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике. С. 3.

«Общелиберальный» настрой руководящего состава Департамента полиции был замечен и рядом современников, причем применительно к фигуре не только А.А. Лопухина²²¹, но и В.К. Плеве²²² и П.Н. Дурново²²³, и в целом подтверждается материалами данного исследования.

Выделялись на «юридическом» фоне Департамента руководители Особого отдела. Первый его заведующий Л.А. Ратаев (1894–1902) окончил Николаевское кавалерийское училище. После этого он практически сразу же попал в Департамент полиции, где работал с 1882 г. чиновником особых поручений, младшим, а затем старшим помощником делопроизводителя. С.В. Зубатов, заведующий Особым отделом в 1902–1903 гг., не только сам не был юристом, но и привел с собой в отдел жандармов, занимавшихся политическим розыском (Терещенков, М.С. Комиссаров, Мец), и бывших секретных агентов (М.И. Гурович и Панкратьев)²²⁴.

Стоит отметить, что в литературе о политической полиции из одной работы в другую кочует неправильно понятое утверждение о кадровом составе Особого отдела, сделанное на допросе Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. М.С. Комиссаровым, в 1900-е гг. – руководителя нескольких ГЖУ, а в 1915–1916 гг. – помощника начальника Петербургского охранного отделения. Например, исследователь Е.Е. Гладышева пишет: «Культурный, профессиональный и образовательный уровень работников Особого отдела представлял предмет гордости не только руководства, но и других подразделений Департамента полиции. Вместо традиционной предвзятости сослуживцы отмечали, что собранные там “интеллигентные люди, все с университетским образованием, придавали необычный своеобразный характер деятельности учреждения”»²²⁵. Ссылка при этом дается на протокол допроса Комиссарова («Падение царского режима. Стенографические отчеты». М., 1927. Т. 3. С. 145). В действительности, на этой странице Комиссаров говорит об Особом отделе прямо противоположное: «Насколько в Департаменте полиции делопроизводители, помощники и младшие были народ интеллигентный, все с высшим образованием, универсанты и правоведа, настолько Особый отдел имел странный, специфический вид... Там был совершенно иной подбор лиц. Туда попадала публика из бывших охранников или из новых сотрудников. Там был при мне Меньщиков, человек полуинтеллигентный, Трутков – человек совершенно неинтеллигентный, Квицинский – это уж бог знает что»²²⁶.

При этом бывшие судьи и прокуроры служили не только в Департаменте полиции, но и в других подразделениях Министерства внутренних дел. По подсчетам Д.И. Раскина, в Министерстве внутренних дел в конце XIX – начале XX вв. «80 % высших чинов имели опыт работы на судебных (прокурорских) должностях»²²⁷. Иначе говоря, чины Департамента полиции по своему образованию и карьерному пути вполне вписывались в ряды министерства, являясь органичной частью центрального бюрократического аппарата того времени.

Совершенно иным выглядит облик второй группы служащих политической полиции, составлявших основной контингент местных отделений – жандармов. Это были люди с воен-

²²¹ О «либерализме» А.А. Лопухина см. 3-й параграф.

²²² О пользе либеральных реформ в представлениях В.К. Плеве см.: *Любимов Д.Н.* Отрывки из воспоминаний (1902–1904 гг.) // Исторический архив. 1962. № 6. С. 82.

²²³ См. об этом: *Бородин А.П.* Дурново П.Н.: Портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 58, 61.

²²⁴ *Переудова З.И.* Политический сыск России. С. 75; *Жандармы России.* М., 2004. С. 286. Инициалы Терещенкова, Меца и Панкратьева неизвестны.

²²⁵ *Гладышева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 71. Также см.: *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 269; *Реев Ю.А.* Общая и политическая полиция России. С. 52.

²²⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты. М., 1927. Т. 3. С. 145.

²²⁷ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 57, 77, 85; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 26–28, 323; *Он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 32–33; *Раскин Д.И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – нач. XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 35; *Он же.* Империя столоначальников // Родина. 2003. № 1. С. 63–64.

ным образованием, прослужившие в войсках до перевода в Отдельный корпус жандармов не менее 5 лет²²⁸.

Правда, по данным исследователей, не все чины Отдельного корпуса жандармов имели среднее образование. Так, П.А. Зайончковский пишет: «По образовательному цензу состав офицеров ГЖУ... был не очень высок», высшее образование имели 4,56 %, при этом 35,35 % офицеров ГЖУ не получили даже среднего образования²²⁹. Схожие данные приводит Ф.М. Лурье: на 1873 г. из 486 генералов и офицеров Корпуса среднее образование было у 277 человек, 17 человек имели высшее образование, а оставшиеся 192 – неполное среднее, начальное или домашнее²³⁰.

Военное образование в большинстве случаев состояло из двух последовательных стадий: 1. кадетский корпус (до 1882 г. – военная гимназия) или военная прогимназия; 2. военное училище или юнкерское училище соответственно. В юнкерских училищах могли обучаться также выпускники некоторых гражданских учебных заведений. Чаще всего обучение занимало 9 лет: 7 лет в кадетском корпусе, 2 года в военном училище. О роли военного образования в формировании мировоззрения вспоминал выпускник Пажеского корпуса В. Градский: «Войдя в корпус мальчиком 10 лет, после 9-летнего пребывания мы выходили в жизнь с офицерскими погонами на плечах. Ведь это те 9 лет жизни, когда создается молодая душа, когда закладывается фундамент того человека, который будет строить и свою, и общественную жизнь»²³¹. Важно, что первым критерием успешной учебы считалось поведение и знание строевой службы, затем знание военных предметов, и только на третьем месте стояли все остальные дисциплины, которые принято называть «общеобразовательными»²³².

Довершала становление личности служба в войсках. Типичной представляется карьера генерала В.Д. Новицкого, окончившего Константинопольский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище²³³, 15 лет прослужившего в штабе Харьковского военного округа, затем принятого в Отдельный корпус жандармов и вскоре назначенного начальником Тамбовского ГЖУ.

Социализация будущих жандармов в рамках сугубо военной культуры²³⁴ естественным образом накладывала заметный отпечаток на их мировоззрение и психологию. Как отмечает исследователь российской дореволюционной армии С.В. Волков, догмой офицерского мировоззрения был патриотизм, основанный на триединой формуле «за Веру, Царя и Отечество». Кроме того, «в офицерской среде пользовалось величайшим презрением... доноительство... Начиная с кадетского корпуса, правило “не фискаль” считалось краеугольным камнем поведения будущего офицера»²³⁵. В довершение офицерская культура отличалась абсолютной аполитичностью²³⁶. Характерно признание того же генерала В.Д. Новицкого о своем переводе из

²²⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 5; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 338; *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 50; *Гладышева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. С. 70, 72.

²²⁹ *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия. С. 174.

²³⁰ *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 78.

²³¹ *Градский В.* На переломе жизни. Воспоминания 1905 г. // *Былое.* 1924. № 27–28. С. 145.

²³² *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 117, 118.

²³³ *Новицкий В.Д.* Воспоминания тяжелых дней моей службы в Корпусе жандармов // *Былое.* 1917. № 5–6. С. 95.

²³⁴ Об этом см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 168–169; *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // *Охранка.* Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 22–23.

²³⁵ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 286, 291.

²³⁶ *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 18; *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. С. 21; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия. С. 238; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 286, 291. Правда, В.Р. Лейкина-Свирская утверждает, что именно офицерство создавало революционные кружки 1860–1870-х гг. (*Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 97).

армии в Отдельный корпус жандармов: «В то время я решительно не имел никакого представления о политике»²³⁷.

Для поступления в Корпус жандармов нужно было пройти предварительные испытания. В случае успеха кандидатов ждал 3–6-месячный курс обучения²³⁸. Ставшие впоследствии видными деятелями политического сыска жандармы А.И. Спиридович и А.П. Мартынов критически оценивали подготовку, даваемую на курсах, так как в программе отсутствовало изучение общественно-политической ситуации в Российской империи. В результате узкий политический кругозор будущих жандармов оставался таким же²³⁹. Характерно и признание одного из жандармов, А. Полякова, посредственно учившегося на курсах. В своих воспоминаниях он отмечал: «Те знания, которые я получил на курсах, оказались такими же, по крайней мере, у меня, как и знания, полученные в кадетском корпусе, т.е. такими, которые улетучились навсегда сейчас же по сдаче выпускных экзаменов»²⁴⁰.

В целом и образование, и карьерная социализация определяли верноподданническое мировоззрение жандармов в широком смысле слова, без выраженных идейно-идеологических пристрастий, а слабая эрудиция в политических вопросах дополнялась отрицательным отношением к сути политического розыска – то есть вербовке и «ведению» секретной агентуры.

Особенно негативное отношение к политическому розыску отличало «пожилых» начальников ГЖУ²⁴¹. Стоит согласиться с выводом историка А.М. Буюкова применительно к периоду начала XX в.: «Старослужащие были более консервативно настроены, не желали иметь дело с агентурой из разных слоев общества, скептически относились к новым методам ведения оперативно-розыскной работы и т.п.»²⁴²

Этот фактор сыграл свою роль в начале XX в.: при создании охранных отделений в ряде крупных российских городов Департамент полиции стал определять в эти новые структуры молодых жандармских офицеров. Так, по подсчетам А.М. Буюкова, на должности начальников Владивостокского охранного и розыскного отделений назначались «офицеры-ротмистры Отдельного корпуса жандармов... в пределах 38–43 лет... почти все... до назначения успели прослужить в органах политического сыска России в среднем 5–6 лет»²⁴³.

Помимо возраста, одним из критериев отбора жандармов в охранные отделения, которые создавались для планомерной работы с секретной агентурой и организации наружного наблюдения, были способности к политическому розыску. Наделенные таковыми способностями жандармы считались «лучшими»²⁴⁴.

Однако в охранных отделениях служили не только жандармы. К созданию самой системы российского политического розыска, выработке его основных принципов непосредственное отношение имели бывшие секретные агенты, ставшие чинами политической полиции, преиму-

²³⁷ Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы. С. 107. Об этом же см.: Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. М., 1907. С. 32; Падение царского режима. М.–Л., 1924. Т. 3. Допрос А.И. Спиридовича. С. 29; Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М., 2004. С. 483; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 31, 35, 38–43, 49.

²³⁸ Подробнее о правилах приема в Отдельный корпус жандармов, ограничениях на прием, программе курсов см.: Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. (1826–1880). М., 1982. С. 155; Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 31–37; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 44–48; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 339–340; Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 2012.

²³⁹ Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 31–37; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 57.

²⁴⁰ Поляков А. Записки жандармского офицера. С. 491.

²⁴¹ Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 91; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 136, 268–270.

²⁴² Буюков А.М. Владивостокское охранное отделение: структура и кадровый состав // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 57.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 92; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 126.

щественно охранных отделений или различных подразделений Заграничной агентуры Департамента полиции, функционал которой, как было отмечено выше, во многом совпадал с компетенцией охранных отделений.

В исторической литературе распространена точка зрения, что лидирующие позиции в политическом сыске занимали жандармы – именно офицерами Отдельного корпуса жандармов были укомплектованы ГЖУ (полностью), охранные отделения (полностью) и Департамент полиции (частично)²⁴⁵.

Между тем заметную группу чинов политической полиции составляли бывшие секретные сотрудники. Случаи перехода из секретных агентов на штатные должности «охранников» имели характер системности, поэтому представляется оправданным выделить таких людей в третий социально-профессиональный типаж в рамках политического сыска. О популярности самой практики перехода говорит специальный пункт в «Положении об охранных отделениях» 1907 г., разработанном и принятом при директоре Департамента полиции М.И. Трусевиче, согласно которому допуск секретных сотрудников «к занятию должностей в охранных отделениях» был запрещен²⁴⁶.

Среди бывших секретных агентов, ставших «охранниками», стоит назвать в первую очередь таких звезд политического сыска, как начальник Московского охранного отделения (1896–1902), а затем Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатов (1902–1903), заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский (1884 – июнь 1902) и его ученик А.М. Гардинг (1905–1909), чиновник Департамента полиции Л.П. Меньщиков (1903–1907), заведующий Галицийской и Румынской агентурой, сотрудник Департамента полиции М.И. Гурович (1903– 1904) и ряд других лиц²⁴⁷.

Чаще всего уровень образования у таких людей был невысоким. С.В. Зубатов, например, не закончил гимназии²⁴⁸. П.И. Рачковский получил домашнее образование²⁴⁹. Но отсутствие среднего и высшего образования с лихвой компенсировалось личным опытом знакомства с революционным движением изнутри и начитанностью. Так, А.И. Спиридович отмечал, что по инициативе Зубатова в Московском охранном отделении «была заведена библиотека с соответствующим подбором книг: Вэбб, Геркнер, Прокопович, Зомбарт», был и «новый труд Бердяева²⁵⁰ “Поворот к идеализму”»²⁵¹. Сам Зубатов позднее вспоминал, что он привлек на свою сторону в рабочем вопросе известного монархиста, консервативного публициста, бывшего народовольца Л.А. Тихомирова, назвав ему «Бернштейна и только что тогда вышедших авторов по профессиональному рабочему движению (Рузье, Вигур, Геркнер, Метен, Зомбарт²⁵² и др.)»²⁵³.

²⁴⁵ Иванов А.В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. С. 84; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии. С. 93; Гладышева Е.Е. Политический сыск в России в начале XX в. С. 74; Лавренова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917. С. 56–63; и др.

²⁴⁶ Цит. по: Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 120.

²⁴⁷ Бывшими секретными сотрудниками были: заведующий Балканской агентурой А.М. Вейсман, сотрудники Санкт-Петербургского охранного отделения П. Статковский и И.В. Доброскок, чиновник Варшавского охранного отделения М.Е. Бакай (Санкт-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. Труд чиновника отделения П. Статковского // Былое. 1921. № 16. С. 108; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 144).

²⁴⁸ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 73.

²⁴⁹ Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи. С. 104.

²⁵⁰ Н.А. Бердяев – известный российский философ, в 1890-е гг. сторонник «легального марксизма», в 1901 г. написал работу «Борьба за идеализм», заложившую основы идеализма как интеллектуального течения, выступавшего с критикой мировоззрения революционной интеллигенции.

²⁵¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 106.

²⁵² С. Вебб и Б. Вебб, В. Зомбарт, Г. Геркнер, П. Рузье, Л. Вигур – европейские теоретики тред-юнионизма, писавшие о важности постепенного роста кооперативной и муниципальной собственности, активизации профсоюзного движения и развитии местного самоуправления. А. Метен – участник движения «христианского социализма» в Англии в конце XIX в. С.Н. Прокопович – российский общественный деятель, экономист, сторонник Э. Бернштейна и разработанной им концепции «эко-

П.И. Рачковский – секретный агент Департамента полиции на рубеже 1870–1880-х гг., назначенный заведующим Заграничной агентурой вскоре после успешного раскрытия в ходе заграничной поездки в 1883 г. народовольческой группы С.П. Дегаева²⁵⁴ – также был эрудитом в своей сфере деятельности. Он не только разбирался в хитросплетениях европейской политики, организуя во французской прессе публикации в защиту России²⁵⁵, но и успешно ссорил между собой представителей русской революционной эмиграции, основываясь на хорошем знании разнообразных течений внутри нее, в том числе путем издания пасквильных брошюр, как анонимных, так и за «подписью» известных революционеров (скажем, Г.В. Плеханова), в действительности написанных самим заведующим Заграничной агентурой²⁵⁶.

Аналитические записки по заданию Департамента полиции писал М.И. Гурович, причем еще будучи секретным сотрудником, до поступления в штатные чины подразделений политической полиции²⁵⁷.

Биографии других секретных сотрудников, ставших служащими политического сыска, практически не исследованы²⁵⁸. Однако можно утверждать, что выделенный мной третий социально-профессиональный типаж в целом отличался политическим кругозором, гибкостью, необходимой для успешного ведения политического розыска, хорошим знанием противоположительного движения, а также психологическим подходом к объектам полицейского внимания. Не случайно в Департаменте полиции к бывшим секретным агентам относились с уважением, а служащие ГЖУ нередко завидовали их успеху.

Помимо названных отличий в образовании и карьерах чинов политической полиции, которые во многом определяли их видение общественно-политических процессов того времени, представляется возможным говорить и об общих чертах в их мировоззрении. Начальная социализация будущих работников политической полиции (воспитание, круг общения, получение азов образования) проходила в рамках единой общественно-культурной среды, которую лучше всего определить термином «образованное общество».

Это понятие здесь используется в трактовке, данной Я. Коцонисом в его книге «Как крестьян делали отсталыми» (М., 2006). Приведу полное определение «общества» из работы Коцониса. «Термин "общество" в значении, распространенном к 1914 г., редко обозначал население России в целом (как позже), но предполагал принадлежность к образованной и состоятельной элите, являвшейся "культурной" и "цивилизованной". Данный термин противопоставлялся "народу" или лишенным индивидуальности "массам". По крайней мере, в знак отличия от масс "общество" было сопоставимо с интеллигенцией, которая – в минималистской версии термина – подразумевала формальную образованность, умение обобщать и абстрагировать и

номизма», согласно которой социал-демократия должна ориентироваться на борьбу за экономические и социальные интересы рабочего класса.

²⁵³ Письмо С.В. Зубатова В.Л. Бурцеву. 8 декабря 1906 г. // *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 85. Б.П. Козьмин писал про Зубатова, что «его начитанность и наличность у него интереса к книге... стоят вне всякого сомнения. Несмотря на перегруженность розыскной работой, Зубатов находил время для того, чтобы знакомиться с русской и иностранной литературой по интересовавшим его вопросам» (*Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. С. 3). Также см.: *Овченко Ю.Ф.* С.В. Зубатов // *Вопросы истории.* 2005. № 8. С. 47.

²⁵⁴ *Переудова З.И.* Политический сыск России. С. 144.

²⁵⁵ Подробнее об этой стороне деятельности П.И. Рачковского, а также его роли в сближении России и Франции, закончившемся заключением русско-французского союза в 1890 г. см.: *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 300–303; *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

²⁵⁶ Эти брошюры П.И. Рачковского были частично проанализированы эмигрантским историком С.Г. Сватиковым в 1921 г.: *Сватиков С.* Рачковский и его подлоги // *Общее дело.* 1921. № 393. С. 2. Сватиков пытался так доказать причастность заведующего Заграничной агентурой к фабрикациям «Протоколов сионских мудрецов», однако концепция Сватикова была сконструирована им произвольно. См.: *Бибикова (Ульянова) Л.В.* С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // *Российская история.* 2018. № 5. С. 141–157.

²⁵⁷ Подробнее о деятельности М.И. Гуровича см. 2-й параграф 4-й главы.

²⁵⁸ Некоторое исключение представляет фигура заведующего Заграничной агентурой А.М. Гартинга, которому В.С. Брачев посвятил одну из глав своей книги: *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

обладание критическими способностями, которыми обделены другие. Ссылки на "сознательного" фабричного рабочего или, гораздо реже, на "сознательного" крестьянина недвусмысленно намекали на многих других, которые были "несознательными" или "стихийными". ... Относящиеся к образованным группам термины – такие как "интеллигент", "общество", "дворянство", "чиновник", "партийность" – должны фигурировать в любом нарративе о той эпохе (включая настоящий), ибо они помогают объяснить очевидную фрагментацию политического влияния в Российской империи. В то же время эти признаки различия перекрывались общими для всего русского образованного общества исходными посылками: различные группы связывал уже тот факт, что они могли обсуждать одни и те же вопросы внутри общей для них структуры воззрений, несмотря на разницу в выводах, к которым они могли прийти»²⁵⁹.

Деятели политической полиции через родственников и личные связи были с детства включены в пространство образованного общества Российской империи второй половины XIX в. Так, последний начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов писал в воспоминаниях, что в гости к его родителям часто приходили люди, которых было принято называть «прогрессивными»: «Это Иван Ильич Барышев, он же известный Мясницкий, популярный поставщик бойких водевилей, идущих “у Корша”, он же неутомимый фельетонист местной “желтой” прессы... Другой посетитель – Михаил Александрович Саблин из “Русских ведомостей”, старый русский либерал; его внук докатился ко времени революции до анархизма... Помню и известного издателя календаря Гатцука, типографа Родзевича, присяжного поверенного Павла Михайловича Бельского, постоянно баловавшего нас, детей, подарками. В разговоре упоминаются имена других знакомых отца: Козьмы Терентьевича Солдатенкова... Плевако²⁶⁰»²⁶¹. Родственник директора Департамента полиции А.А. Лопухина С.Д. Урусов был женат на родственнице идеолога народничества П.Н. Лаврова, две его сестры были участницами революционного движения²⁶², а родственные связи с общественными деятелями самого Лопухина были настолько обширными, что с трудом поместились в одну статью историка А.В. Островского²⁶³.

Примеры можно множить. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев был однокашником П.А. Кропоткина по Пажескому корпусу и лично был знаком с М.А. Бакуниным. Следующий за ним министр – Д.А. Толстой – учился в лицее вместе с М.Е. Салтыковым-Щедринным и был дальним родственником Л.Н. Толстого²⁶⁴. Управляющий канцелярией Министерства внутренних дел Д.Н. Любимов отмечал в воспоминаниях о деятелях «общественного движения», которые считались людьми «неправительственного образа мыслей»: «Со многими... я лично был знаком и близко их знал, а с некоторыми связан родством (Дорре был мужем моей сестры, Туган-Барановский – брат моей жены...). Других знал с детства по Москве (Головин, Перелешин, Долгоруковы) или по прежней службе (Набоков)»²⁶⁵.

Чины политического сыска читали ту же литературу и те же периодические издания, посещали те же театры, что и провинциальная и столичная городская интеллигенция²⁶⁶.

²⁵⁹ Коцюбинский Я. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006. С. 18.

²⁶⁰ Ф.Н. Плевако – один из известнейших адвокатов 1870–1900-х гг., умеренный либерал по политическим взглядам, после Первой русской революции был членом партии «Союз 17 октября».

²⁶¹ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 298.

²⁶² Жандармы России. Политический розыск XV–XX в. М., 2002. С. 256.

²⁶³ Островский А.В. Родственные связи А.А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996.

²⁶⁴ Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб., 2001. С. 136, 150.

²⁶⁵ Любимов Д.Н. Отрывки из воспоминаний. С. 74, 76.

²⁶⁶ Театральный досуг вообще нередко фигурирует в воспоминаниях жандармов (отчасти, впрочем, это было связано с их служебными обязанностями). См. об этом: Мартынов А.М. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 41–42. О включенности деятелей политического сыска в общую городскую культурную среду пишет А.М. Лавренова: Лавренова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 101–116.

Поэтому работники политической полиции не могли избежать общих для образованного общества второй половины XIX в. идейных веяний, имевших корни в европейском Просвещении. В данном случае речь идет не о либеральной политической доктрине и связанных с ней концепциях парламентаризма, конституционного строя, разделения властей и т.д., а об общих мировоззренческих установках, повлиявших на становление современного общества, таких как рациональность, позитивизм, утилитаризм, ценности прогресса и эволюции и т.п.

Отражение принятых в обществе идей и представлений в делопроизводственной переписке служащих политического сыска не стоит считать уникальным российским явлением. Так, французский историк Р. Дарнтон, проанализировав отчеты инспектора французской полиции о литераторах и общественном мнении середины XVIII в., писал: «Полицейский инспектор... разделял предрассудки тогдашнего общества» – часто он оперировал теми же терминами с той же смысловой нагрузкой, что были в ходу у столичной образованной публики²⁶⁷.

Приведу некоторое количество примеров общего плана, дающих необходимый контекст для изучения восприятия «либерализма» чинами политического сыска. Так, начальник Воронежского ГЖУ Н.В. Васильев не сомневался в том, что идейная эволюция является нормальным состоянием общества: «Убить идею нельзя. Эволюция человеческой мысли совершается безостановочно, неудержимо трансформируя взгляды, убеждения, а затем и социальный строй жизни народов»²⁶⁸. Ограничение срока негласного надзора двумя годами предполагало признание того факта, что политическая неблагонадежность может носить временный характер, а убеждения людей со временем меняются, в том числе и в сторону большей лояльности власти. Эволюционный принцип лежал в основе и такого определения, как «преждевременность» разрешения бывшим гласноподнадзорным поступления на государственную службу: сама формулировка предполагала возможным развитие ситуации до такого момента, когда это разрешение в том или ином конкретном случае станет оправданным²⁶⁹.

Представление об эволюции сочеталось и с определенным «прогрессизмом» чинов политической полиции. Категория «прогресса» периодически встречается в их делопроизводственной переписке как критерий для оценки эффективности деятельности как власти, так и представителей общественного движения (насколько те или иные действия являлись «прогрессивными»). Иначе говоря, служащие политического сыска совпадали с объектами собственного наблюдения в признании неизбежности прогресса, различаясь лишь в представлении о том, кто является его «двигателем». Если «общественность» приписывала эту функцию себе, то деятели политической полиции носителем прогресса считали государство. Так, С.В. Зубатов полагал, что самодержавная царская власть дала «России величие, прогресс и цивилизацию»²⁷⁰.

Дихотомия вредно-полезно (принцип утилитаризма) также использовалась чинами политического сыска для оценки эффективности деятельности, причем как общественных деятелей, так и бюрократов²⁷¹.

Служащим политической полиции оказались близки некоторые основополагающие принципы марксизма. Представляется, что дело было не только в том, что распространение

²⁶⁷ Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 204.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2580. Л. 232. Цит. по: Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 111.

²⁶⁹ См., например: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1883. Д. 1563. Л. 2; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. С. 97.

²⁷⁰ Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 48. Также см.: Айизафит С. Зубатов и студенчество // Каторга и ссылка. М., 1927. № 5 (34). С. 67; Мартышов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 34; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. С. 34.

²⁷¹ См., например: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 3–4; 1887. Д. 9. Ч. 40. Л. 2 об., 6; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1900. Д. 1886. Л. 54–55; 1901. Д. 1. Ч. 27. Лит. А. Л. 13–13 об.; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. В. Л. 192–193; Д. 9. Ч. 2. Л. 15–18; 1905. 2 отделение. Д. 13. Ч. 3. Л. 3; Д. 1000. Ч. 1. Л. 32; и др.

марксизма в России снижало популярность народолюбия²⁷², в связи с чем первоначально даже была оказана определенная поддержка, в том числе финансовая, изданию марксистского журнала «Начало»²⁷³. Но дело также было и в совпадении идей. Так, чины политического сыска критиковали либералов за личный «эгоизм», полагая более важными нужды населения, «общественную пользу» в целом²⁷⁴. Они также полагали, что политическая позиция зависит от социального и экономического статуса определенной группы людей, периодически называя эти группы «классами»²⁷⁵. «Убежденным материалистом» был директор Департамента полиции П.Н. Дурново, считавший, «что бессмысленно создавать институты до того, как социально-экономические условия созреют для них»²⁷⁶.

Идейная компонента в мировоззрении деятелей политического сыска, которую в общем и целом можно назвать «просветительской», дополнялась морально-этической составляющей. Различные общественно-политические явления нередко оценивались категориями, имевшими отношение не к политике, а, скорее, к сфере нравственности – «добро», «благо» или, напротив, «зло». Самое общее понятие, зафиксированное в циркулярах еще со времен III отделения, – «неблагонадежный», имело корнем слово «благо». Однако этим термином дело не ограничивалось. Делопроизводственная переписка работников политической полиции наполнена такими определениями, как «благочестивый», «благосклонный», «благотворный», «благие цели», «добросовестный», «доброжелательный», а также их антонимами (посредством добавления приставки «не-» – «неблагонадежный» и т.п.). Популярными были и слова с корнем «зло»: «зловредный», «злонамеренный», «злоупотребления» и др. Особенно часто использовали такие морально-этические определения чины ГЖУ, что отражает специфику их восприятия общественно-политического пространства, описанную выше, и стало для автора этих строк одним из важных критериев для выделения жандармов в отдельную социально-профессиональную группу, не только не совпадающую в своих мировоззренческих ориентирах со служащими Департамента полиции, но и нередко им (ориентирам) противоречивую.

Итак, в среде чинов политической полиции корректным представляется выделить три социально-профессиональных типажа. 1. Департамент полиции наполняли законники-юристы, основы мировоззрения которых определялись юридическим образованием вкупе с большим опытом службы в рамках судебной системы, бывшей в России, по мнению их современников, наиболее последовательным воплощением «законничества» как бюрократической практики. В такой кадровой политике, вполне возможно, отразилось представление, что политическая полиция хотя бы в руководящем звене должна уметь отстаивать государственные интересы в борьбе с противоправительственным движением в правовом поле²⁷⁷. Этот тезис подтверждается проведенным исследованием²⁷⁸ и в заметной степени противоречит популярному в литературе утверждению²⁷⁹, что российская власть в целом боролась с оппозицией внеправовыми

²⁷² *Стиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1930. С. 67–68.

²⁷³ Подробнее об этом см. 4-ю главу.

²⁷⁴ См., например: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 29. Л. 3; 1891. Д. 44. Ч. 27. Л. 4; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. М., 2004. С. 48.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 6. Л. 3, 5; 1887. Д. 9. Ч. 5. Л. 10; 1903. Д. 1. Ч. 48. Лит. А. Л. 2; и др.

²⁷⁶ *Lieven D.* Russia's Rulers Under The Old Regime. New Haven and London. P. 222–223. Цит. по: *Бородин А.П.* Дурново П.Н.: Портрет царского сановника. С. 62.

²⁷⁷ Подробнее об этом см. 4-ю главу.

²⁷⁸ Подробнее об этом см. 3-ю и 4-ю главы.

²⁷⁹ См., например: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. М., 1986; *Правовой механизм преодоления бюрократизма.* М., 1991; *Шпакова Р.П.* Макс Вебер о демократических реформах в России начала XX в. // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997; *Красильников С.А.* Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX в. // Интеллигенция России в конце XX в. Екатеринбург, 1998; *Макариш А.В.* Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000; *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001; и др.

способами, а ее представители нередко обходили закон в своих партикулярных интересах. 2. Служащие ГЖУ в силу специфики своего образования и жизненного опыта были плохо приспособлены к осуществлению политического розыска, в том числе к вербовке секретной агентуры. Постановка политического розыска в ГЖУ, в том числе в тех губерниях, где эта функция осталась за жандармами и после создания сети охранных отделений, вызывала постоянные нарекания Департамента полиции. Представления жандармов об общественно-политическом пространстве, революционных течениях были, скорее, обывательскими и морально-нравственными, чем профессионально-политическими. В то же время именно из донесений чинов ГЖУ Департамент полиции черпал основную информацию о настроениях в губерниях; и если слабость ГЖУ в борьбе с откровенно революционным противоправительственным движением была очевидна для руководящей инстанции политического сыска, то, как представляется, включенность жандармов в губернскую жизнь могла быть их преимуществом в глазах Департамента, позволяя оценивать состояние публичного пространства на территории всей Российской империи. Так как в этом пространстве действовали преимущественно местные либеральные деятели, то это позволяло Департаменту полиции быть в курсе провинциальных и центральных общественных настроений. Делопроизводственная переписка политической полиции – это в высшей степени интересный и множественный «диалог» между представителями двух столь разных социально-профессиональных типажей по поводу того, что такое «либерализм» и насколько он является «угрозой» для «существующего порядка» в губернском и общероссийском масштабах. 3. В отличие и от служащих Департамента полиции, и от чинов ГЖУ третья выделенная здесь группа – бывшие секретные агенты, перешедшие на службу в политический сыск, – смотрели на все спектры противоправительственного движения, как откровенно революционного, так и более умеренного, «изнутри». Это задавало не только высокий фактографический уровень в их служебной деятельности, за что таких людей высоко ценили в Департаменте полиции, но и сугубо политические, современные, трактовки общественных процессов, что отличало бывших секретных агентов и от аналитически-юридического подхода Департамента, и от традиционалистского, моралистского и обывательского видения жандармов.

Обозначенное здесь социально-профессиональное разделение нужно иметь в виду в дальнейшем, оно пригодится при погружении в образы «либерального», которые удалось реконструировать по делопроизводственной переписке политической полиции.

1.3. Индивидуальные контексты: межличностные отношения

Важные для эффективной работы всего государственного аппарата Российской империи личные взаимоотношения²⁸⁰ приобретали особое значение внутри системы политического сыска – в силу специфики деятельности доверие людей к получаемой друг от друга информации часто оказывалось ключевым фактором коммуникации, в процессе которой вырабатывалось и единое восприятие, и общий язык для описания объектов наблюдения. В то же время это не означает какого-либо единства в этом языке – коммуникативная сеть (точнее – сети) была достаточно множественной, при этом многие знали друг друга лично по совместной учебе, работе, через родственные связи либо по рассказам сослуживцев²⁸¹.

В немалой степени формированию и функционированию разветвленной и в то же время ограниченной коммуникативной сети способствовала кадровая политика применительно к ГЖУ и охранным отделениям, с характерной для нее постоянной географической ротацией кадров. Стандартную карьеру жандармского офицера можно представить на примере служебной биографии И.Д. Волкова: адъютанта Виленского управления (1882–1888), помощника начальников Витебского и Санкт-Петербургского ГЖУ (1888–1898), начальника Тверского (1899), Витебского (1900–1901), Екатеринославского (1902), Лифляндского (1903–1914) и Петроградского (1915–1917) ГЖУ. Типично в этом плане Томское ГЖУ: за 36 лет его возглавляло 13 человек, из них только один (С.А. Романов, 1903–1908) руководил им в течение 5 лет²⁸². В целом жандарм, опекаемый Отдельным корпусом жандармов, уходил со службы преимущественно в пожилом возрасте, на пенсию (увольнения были редкостью, обычно неспособных жандармов «ссылали» в более далекие от центра губернии²⁸³), прослужив во многих губерниях и проработав с различными людьми.

Схожие вертикально-горизонтальные связи пронизывали и уровень Департамента полиции. Нередко его чины были знакомы друг с другом еще по службе в прокуратуре. Будущие директор Департамента В.К. Плева, делопроизводитель Г.К. Семякин, секретарь одного из делопроизводств С.Э. Зволянский познакомились в ходе анализа судебными инстанциями дела 1 марта 1881 г. (убийство Александра II)²⁸⁴. Вице-директор Департамента полиции в 1912 г. В.Д. Кафафов был знаком с заведующим Особым отделом С.Е. Виссарионовым и товарищем министра внутренних дел П.Г. Курловым с рубежа веков. А.П. Мартынов писал о вице-директоре Департамента полиции Н.П. Зуеве: «Зуев был типичным петербургским чиновником-бюрократом, искусственным во всяких сплетнях, интригах и пересудах. Его знали все, и он

²⁸⁰ Типичная цитата – бессарабский губернатор С.Д. Урусов писал о своих отношениях с прокурором местного суда В.Н. Горемыкиным: «Мы действовали с ним всегда дружно, часто сходясь для переговоров по тем вопросам, в которых губернатор и прокурор имеют какое-либо соприкосновение. Не знаю, обменялись ли мы с ним за время совместной службы тремя бумагами, но зато редко проходило три дня без того, чтобы мы не обсуждали вдвоем какого-нибудь служебного вопроса». *Урусов С.Д.* Записки губернатора. Кишинев, 1903–1904 гг. С. 171. О роли каналов коммуникаций в формальной организации, каковой была политическая полиция, см.: *Пригожин А.И.* Организация формальная // Социология. Словарь-справочник. Т. 1. М., 1990. С. 78; *Резит Ю.А.* Общая и политическая полиция России. С. 26.

²⁸¹ См., например: *Урусов С.Д.* Записки губернатора. С. 372; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 62, 72, 116, 120, 134, 186, 194, 205, 221, 276–277, 281, 284, 289–292, 295, 303–305, 363 и др.; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 141; Из истории либерализма на Ярославской земле. М.–Ярославль, 2007. С. 43.

²⁸² *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии. С. 51.

²⁸³ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 174–176, 213, 233.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 111. Л. 1–2, 22–23, 121 и др.

знал всех»²⁸⁵. С чиновниками Департамента полиции по их предыдущей службе в прокуратуре были знакомы и жандармы, которые занимались дознаниями²⁸⁶.

Кадровая политика в отношении Департамента полиции, прежде всего в отношении его директора, зависела от кадровой политики применительно к Министерству внутренних дел в целом – нередко смена министра вела к назначению и нового руководителя Департамента. В.Д. Кафафов так писал об этом в своих воспоминаниях: «Почти всегда со сменой министра сменялся и директор Департамента полиции, ибо каждый министр, естественно, хотел иметь на таком серьезном и ответственном посту лично ему известного и преданного человека»²⁸⁷.

В действительности, так случалось далеко не всегда. П.Н. Дурново был директором Департамента полиции при двух министрах – Д.А. Толстом (1882–1889) и И.Н. Дурново (1889–1895). Причем увольнение П.Н. Дурново в 1893 г. было связано не со сменой руководителя министерства, а с решением Александра III, т.к. до императора дошла информация об использовании директором Департамента полиции служебного положения для перлюстрации писем любовницы²⁸⁸. Назначенный после этого директором бывший военный Н.И. Петров проработал на этой должности два года, до назначения министром И.Л. Горемыкина (1895–1899)²⁸⁹. Юрист-Горемыкин поставил руководить Департаментом юриста Н.Н. Сабурова, после его смерти – юриста А.Ф. Добржинского, сменив его по причине болезни также юристом С.Э. Зволянским. Замена Горемыкина на Д.С. Сипягина (1899–1902)²⁹⁰ на посту министра внутренних дел не привела к отставке Зволянского. Последний был заменен только следующим министром В.К. Плеве (1902–1904)²⁹¹ – на А.А. Лопухина. Лопухин также возглавлял политическую полицию при двух министрах: Плеве и П.Д. Святополк-Мирском (1904–1905). Увольнение Лопухина было связано не с отставкой Святополк-Мирского, а с убийством в феврале 1905 г. московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича – буквально накануне этого Лопухин отказался увеличить финансирование охраны князя. Затем в течение революционного 1905 г. сменилось 5 директоров Департамента полиции²⁹².

²⁸⁵ Падение царского режима. Т. 4. Показания С.П. Белецкого; *Иванов А.Е.* В.К. Плеве – министр внутренних дел (1902–1904 гг.). Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 2000. С. 122; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 242; *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 103, 107.

²⁸⁶ См., например: Падение царского режима. Т. 3. Допрос А.И. Спиридовича. С. 45; *Островский А.В.* Родственные связи А.А. Лопухина (1864–1928) / Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 205; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 52, 90–101, 292.

²⁸⁷ *Кафафов В.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 82.

²⁸⁸ Об этой истории и о личности П.Н. Дурново см.: *Обнинский В.П.* 90 дней в тюремном заключении. М., 1917. С. 67; *Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. № 7 (68); *Фигнер В.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 158–159; *Урусов С.Д.* Не переоцените моих сил и способностей. Из воспоминаний князя С.Д. Урусова о 1905 г. // Исторический архив. 2004. № 1. С. 126. Например, А.И. Иванчин-Писарев характеризовал П.Н. Дурново как «прямого, резкого и упорного человека... врага всяких обнадеживаний, обещаний и либеральных заигрываний, чем любят щеголять иные администраторы» (*Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново. С. 55).

²⁸⁹ О И.Л. Горемыкине см.: *Краснопевцев Е.М.* Иван Логгинович Горемыкин // Новгородский архивный вестник. 1999, Великий Новгород. № 1; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 75–84.

²⁹⁰ О Д.С. Сипягине см.: *Головков Г., Буриш С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 305–306; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 84–91; *Борисов А.В.* Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб., 2001.

²⁹¹ О В.К. Плеве см.: Памяти В.К. Плеве. СПб. 1904; *Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. № 2. С. 82; *Спиридович А.И.* Записки жандарма. С. 110, 118–119; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 164; *Овченко Ю.Ф.* Полицейская реформа В.К. Плеве // Вопросы истории. 1993. № 8; *Чукарев А.Г.* Тонкий и беспринципный деятель (Подробности из личной и политической жизни В.К. Плеве) // Российский исторический журнал. 2003. № 1, 2; *Симонова М.С.* В.К. Плеве // Российские консерваторы. М., 1997. С. 323–387; *Иванов А.Е.* В.К. Плеве – министр внутренних дел; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 129–303; *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном; *Galai Sh.* The liberation movement in Russia. Cambridge, 1973. P. 184; *Judge E.H.* Plevé: repression and reform in imperial Russia.

²⁹² О параличе власти в 1905 г. см: *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 85, 105–106, 162–163; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. С. 154–155; *Пережудова З.И.* Политический сыск России. С. 78; Жандармы России. С. 288.

Бывшие секретные агенты, перешедшие на штатные должности «охранников», контактировали в основном с Департаментом полиции напрямую. Горизонтальные связи, явно заметные в случаях с жандармами, здесь отсутствовали.

В итоге у каждого более-менее видного деятеля политической полиции была своя репутация в этой среде и круг знакомств, который влиял на формирование представлений этих деятелей об общественно-политических процессах и на язык описания этих процессов.

Комплексного исследования взаимоотношений деятелей политической полиции не существует, однако есть наиболее известные и «больные» по разным причинам сюжеты, в рамках которых затрагивался данный вопрос. Этот вопрос приобретает особую важность при исследовании языка, а точнее – языков, которыми описывались «либералы» и «либерализм», т.к. в делопроизводственной переписке отражались не только личные и коллективные образы, но и межличностные отношения и представления того или иного автора текста о позиции адресата, т.е. другой стороны заочного «диалога».

В первую очередь тематика личных отношений рассматривалась в литературе в связи с историей так называемой «зубатовщины», а также с историей политической полиции накануне Первой русской революции. Это в чем-то пересекающиеся сюжеты, и персонально, и хронологически, речь идет прежде всего о фигурах С.В. Зубатова и А.А. Лопухина. В отношении остальных деятелей политической полиции сложно говорить о сложившейся историографической репутации, однако в назывном порядке можно отметить некоторые узкие места историографического восприятия отдельных видных чинов сыска.

А.А. Лопухин чаще всего описывается в литературе как выраженный «либерал-законник», связанный обширными родственными и дружескими связями с известными деятелями либерального движения (В.А. Бобринский, П.А. Гейден, Н.Н. Львов, Ю.А. Новосильцев, Д.А. Олсуфьев, В.М. Петрово-Соловово, П.Б. Струве; братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие – кузены Лопухина и его друзья)²⁹³. При этом исследователи сильно разнятся в оценках деятельности Лопухина. Так, А.В. Островский, вопреки распространенному в литературе восторженному мнению, по сути, возложил персонально на этого директора Департамента полиции ответственность за Первую русскую революцию: «Еще предстоит выяснить, было ли это простым совпадением, но пребывание А.А. Лопухина на этом посту ознаменовалось быстрым складыванием политического кризиса в стране»²⁹⁴.

Запутана в литературе история отношений «либерала» А.А. Лопухина с «реакционером» В.К. Плеве. Ряд современников исходил из предположения, что, выбрав на «директорство» «либерала», Плеве пытался «примирить себя с либеральными кругами»²⁹⁵. В свою очередь, принимая предложение Плеве, Лопухин поставил ему ряд условий: ввести деятельность политической полиции в «строгие рамки законности» и бороться с провокацией²⁹⁶.

В воспоминаниях либеральных деятелей и в литературе бытует мнение, что А.А. Лопухин не смог реализовать свою программу, так как В.К. Плеве «предал» его буквально через

²⁹³ Небезынтересна дальнейшая биография Лопухина. После увольнения из Департамента Лопухин пытался вступить в Конституционно-демократическую партию, его позиция 1907 г. выглядит типично кадетской. Так, он писал: «Господство демократического принципа может быть обеспечено только взаимодействием участия всего населения, а не одного “мыслящего” общества в законодательстве, распоряжении народными деньгами и контролю над исполнительной властью... Теперь, когда гипноз, в котором мы жили, рассеивается, необходимо признать негодность довода об отсутствии у общественных деятелей административного опыта, и все дела местного управления передать в их руки» (*Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта*. М., 1907. С. 52, 57). В 1908 г. Лопухин выдал В.Л. Бурцеву как секретного сотрудника политического сыска Е. Азефа. Подробнее см.: *Островский А.В. Родственные связи А.А. Лопухина; Миндлин А. «Чужие среди своих»: А.А. Лопухин и С.Д. Урусов против государственного антисемитизма*. М., 1997. С. 4.

²⁹⁴ *Островский А.В. Родственные связи А.А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен*. Вып. 6. СПб., 1996. С. 206.

²⁹⁵ *Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив*. 1922. № 2. С. 82; *Спиридович А.И. Записки жандарма*. С. 110, 118–119; *Богданович А.В. Три последних самодержца*. С. 164.

²⁹⁶ *Рудд Ч., Степанов С. Фонтанка*, 16. С. 201, 203; *Головков Г., Буриш С. Канцелярия непроницаемой тьмы*. С. 312; *Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы*. С. 205; *Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917*. М., 2000. С. 72.

несколько месяцев после назначения, то есть еще в течение 1902 г.²⁹⁷ Однако два документа, очевидно, близких к позиции Лопухина, были подписаны Плеве в 1904 г.: в январе – Положение об отмене негласного надзора, а в июне – «Закон о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных», передававший все такие дела из ведения Особого совещания в судебные инстанции²⁹⁸ (в литературе этот закон известен как «закон о постановке всех политических дел на суд» – и здесь опять же стоит отметить некорректное смешение терминов «государственные преступления» и «политические преступления»). Иначе говоря, «реакционер» Плеве был в согласии с «либералом» Лопухиным практически вплоть до собственной гибели в результате теракта в июле 1904 г.

Попутно замечу, что в политической полиции закон от 7 июня 1904 г. вызвал нарекания. Не прошло и двух лет, как директор Департамента полиции Э.И. Вуич жаловался министру внутренних дел П.А. Столыпину на атмосферу разнузданности и безнаказанности, которую этот закон спровоцировал в революционной среде: «До издания помянутого закона политические дознания²⁹⁹, производимые хотя и при участии прокурорского надзора, разрешались в порядке административном и постановка таковых на суд была явлением исключительным, и имела место большею частью в тех случаях, когда при дознаниях имелись солидные вещественные доказательства и другие формальные улики для суда или когда виновность была настолько очевидна (каковы террористические покушения), что доказывать ее и не приходилось. В настоящее время члены революционных организаций, в особенности наиболее видные из них, ведут себя настолько конспиративно, что результаты обысков обыкновенно бывают незначительны. В революционных сферах имеются в обращении даже отдельные руководства о том, как вести себя с точки зрения конспирации, а равно и при допросах. Наконец, к услугам революционеров всегда лучшие силы либеральной адвокатуры. При таких условиях единственным почти (кроме поличного) средством доказательств виновности являются свидетельские показания, и в этом-то отношении в настоящее время замечается печальное явление: насколько охотно и подробно давались свидетельские показания при старом порядке административного решения дознаний, настолько трудно получить таковые теперь. Причиной этого служит оглашение свидетельских показаний на суде и боязнь свидетелей пострадать от революционеров за свои откровенные уличающие показания. И если прежнее дознание, вчиняемое при наличности одного лишь обвиняемого, развивалось и приводило к привлечению иногда целого ряда других обвиняемых, то ныне нередки случаи, когда дело, возбужденное о нескольких лицах, сводится к преданию суду одного лица, а часто и вовсе прекращается. Наличие терроризации свидетелей не подлежит сомнению; известны случаи жестокой мести им за данные показания. Несколько донесений о таких случаях при сем представляются»³⁰⁰.

Вызывает удивление утверждение ряда историков, что в программу «борьбы» А.А. Лопухина с «провокацией» входило упразднение охранных отделений³⁰¹. Напротив, именно при Лопухине и под его руководством создается целая сеть охранных отделений – Лопухин был назначен директором Департамента полиции в мае 1902 г., а охранные отделения появились в

²⁹⁷ Урусов С.Д. Записки губернатора. С. 156; Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 202–203; Куканов А. А.А. Лопухин – жертва обстоятельств или сознательный диссидент? // Жандармы России. М., 2002. С. 439.

²⁹⁸ Закон 7 июня 1904 г. и 16 июня 1905 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения. Неофиц. изд. М., 1905.

²⁹⁹ Интересно, что Э.И. Вуич использует термин «политические дознания», а не «дознания по делам о государственных преступлениях», как сформулировано в самом законе 1904 г., о котором Вуич пишет, что опять же говорит о вторжении «политики» в делопроизводственный язык после 17 октября 1905 г.

³⁰⁰ Записка директора Департамента полиции Э.И. Вуича (министру внутренних дел П.А.Столыпину) о проблемах привлечения к ответственности лиц, обвиняемых в государственных преступлениях // Политическая полиция и политический терроризм. Сб. док. М., 2000. С. 231–232.

³⁰¹ Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. С. 200–209; Миндлин А. «Чужие среди своих». С. 2; А.А. Лопухин – жертва обстоятельств или сознательный диссидент? // С. 439–440.

крупнейших городах России в августе–октябре 1902 г. Кроме того, именно при Лопухине во главе ключевой аналитической структуры Департамента – его Особого отдела – стал видный «охранник» С.В. Зубатов, признанный в литературе лучшим деятелем политического сыска, во многом определявшим его развитие с конца 1880-х до осени 1903 г.³⁰²

Стоит внести некоторые коррективы и в историографические трактовки отношений С.В. Зубатова и А.А. Лопухина. По распространенному в литературе мнению, они тесно сотрудничали на рубеже веков, когда Зубатов был начальником Московского охранного отделения, а Лопухин – прокурором Московского окружного суда (июнь 1899 – апрель 1900 гг.), отвечавшим за проведение дознаний по делам о государственных преступлениях³⁰³. Однако в 1899 г. Зубатов весьма критически отзывался о деятельности московской прокуратуры: «Прокуроры без всякого стеснения заявляют, что с моей стороны является совершенно непростительным, раз я их не осведомляю накануне арестов об означенных следственных действиях, так как им необходимо немедленно давать (по телеграфу) об этом знать министру юстиции... я, конечно, отругнулся и впредь этого делать не намерен»³⁰⁴.

Так или иначе, став директором Департамента полиции, А.А. Лопухин пригласил заведовать Особым отделом именно С.В. Зубатова, «рабочий эксперимент» которого находился в самом разгаре³⁰⁵. Ближайший помощник Зубатова, «главный филёр страны» Е.П. Медников³⁰⁶ надеялся именно на Лопухина, когда Зубатов был неожиданно уволен Плеве в августе 1903 г.³⁰⁷

Несколькими годами ранее С.В. Зубатов инициировал обучение политическому розыску наиболее талантливых молодых жандармов при Московском охранном отделении и позднее писал об этом: «Прикомандировав лучших из вновь поступивших в Корпус жандармов офицеров к названным охранным отделениям для практического изучения приемов розыска, в виду предположенного затем назначения их на самостоятельные и ответственные должности, Департамент полиции тем самым официально признал... преимущества службы этих отделений по сравнению их с общежандармской... Среди довольно многочисленного состава офицеров Корпуса жандармов, офицеры-охранники, систематически прошедшие школу охранной службы в течении нескольких лет, подобно тому, как это можно сказать относительно ротмистра Сазонова, резко выделяются, как в этом убеждает меня служебная практика, над общим уровнем своей среды: и богатством служебного опыта, и широким знанием дела, и наконец благодаря непосредственному участию в самых разнообразных случаях деятельности охранных отделений и беспрестанному сношению с живой личностью самого различного типа, характера, положения»³⁰⁸.

Жандармы-ученики С.В. Зубатова при А.А. Лопухине стали руководителями вновь созданных и уже существовавших охранных отделений. Так, Я.Г. Сазонов стал начальником Санкт-Петербургского охранного отделения (1903–1905), В.В. Ратко – Московского (1902–

³⁰² *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. Париж. 1927. С. 69; *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. С. 3; *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 44; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 64, 75; *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи. С. 109.

³⁰³ *Руд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. С. 201, 203; *Головков Г., Буриш С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 312; *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 205; *Перегудова З.И.* Политический сыск России. С. 72.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. Б. Л. 6.

³⁰⁵ Первоначально поддержку С.В. Зубатову в «рабочем вопросе» оказывал и министр внутренних дел В.К. Плеве: с его санкции политика «полицейского социализма», опробованная в Москве, была распространена на другие заводские районы России. *Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. № 2. С. 81; *Головков Г., Буриш С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 310–313.

³⁰⁶ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 117–118, 278; *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. С. 33.

³⁰⁷ Письма Е.П. Медникова А.И. Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 200; *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. С. 112.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. Б. Л. 37. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1898. Д. 245. Ч. 1. Л. 7, 16; Оп. 295. Д. 111. Л. 33–34.

1905), А.И. Спиридович – Таврического, а впоследствии Киевского (1903–1906). Б.А. Герарди был назначен помощником начальника Сибирского охранного отделения (1903–1905)³⁰⁹. Когда у начальника Киевского охранного отделения Спиридовича возник конфликт с руководителем местного ГЖУ В.Д. Новицким, Лопухин встал на сторону воспитанника Зубатова (при этом Новицкий подал в отставку)³¹⁰.

Все это дает основание для внесения определенных корректив в историографический образ А.А. Лопухина, а возможно, и для пересмотра некоторых устоявшихся историографических оценок, исходящих из разделения высшего чиновничества на «реакционеров» и «либералов»³¹¹.

В необходимости такого пересмотра убеждает и история взаимоотношений С.В. Зубатова с московским обер-полицмейстером Д.Ф. Треповым. В 1906 г. Зубатов так вспоминал о Трепове: «Для меня он очень дорог. Он – мой политический ученик, мой алтер эго, мой стойкий и верный друг... мы вместе всячески старались сочетать свободу и порядок»³¹². Слова «свобода и порядок», которыми Зубатов охарактеризовал деятельность Трепова, слабо сочетаются с историографической репутацией последнего как «махрового» реакционера³¹³. Изначально их отношения не были столь идиллическими, как это представлялось Зубатову позже, в 1899 г. в письмах в Департамент полиции Зубатов отзывался о московском обер-полицмейстере как «любителе лизнуть у набольших» и критиковал за финансовую политику в части распределения наградных денег³¹⁴. Однако в дальнейшем Трепов в целом поддержал гибкую и умелую политику Зубатова в рабочем и в студенческом вопросах. Хорошие отношения начальника Московского охранного отделения и московского обер-полицмейстера отмечал А.И. Спиридович. Как и Зубатов, Спиридович защищал политику Трепова 1905 г. в своих воспоминаниях: «То, что не пришло своевременно в голову общепризнанному за гуманного и либерального князю Святополк-Мирскому, ясно предстало новому генерал-губернатору, которого политические враги называли всякими нелестными эпитетами. Именно ему, генералу Трепову, принадлежала инициатива представить его величеству депутацию от петербургских рабочих разных фабрик и заводов»³¹⁵.

Несколько слов стоит сказать и о других деятелях политического сыска, которым в исследованиях «охранных структур» Российской империи уделено меньше внимания. В частности, далее часто будут цитироваться документы, автором которых был заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский. Существует большой корпус литературы, посвященный его участию в фабрикациях «Протоколов сионских мудрецов»³¹⁶. Однако мой анализ этого сюжета показал, что причастность Рачковского к написанию данной исторической фальшивки – историографический миф³¹⁷. В контексте данного исследования это означает, что всё, написан-

³⁰⁹ Головкин Г., Бурич С. Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 270; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 73.

³¹⁰ Письма Е.П. Медникова А.И. Спиридовичу. С. 200; Головкин Г., Бурич С. Канцелярия непроницаемой тьмы. С. 268.

³¹¹ Об условности такого разделения см., например: Иванов А.Е. В.К. Плеве – министр внутренних дел. С. 30–34, 118 и др.

³¹² Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. С. 69–71.

³¹³ В литературе Д.Ф. Трепову, назначенному в январе 1905 г. петербургским генерал-губернатором, чаще всего «припоминают» фразу из обращения властей к населению 14 октября 1905 г., в котором утверждалось, что полиции дан приказ: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать».

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. В. Л. 34. С.В. Медведев в монографии, посвященной Зубатову и «рабочему вопросу», полагает, что отношения Зубатова и Трепова были напряженными и недоброжелательными в целом: Медведев С.В. Эксперимент Зубатова. С. 96–97.

³¹⁵ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 176.

³¹⁶ Милоков П.Н. Правда о сионских протоколах. Литературный подлог. Париж, 1922; Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов (История одного подлога). Берлин, 1923; Бурич В.Л. Протоколы сионских мудрецов: доказанный подлог. Париж, 1938; Cohn N. Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish world-Conspirace and the Protocols of the Elders of Zion. L., 1967; Rollin H. L'Аpocalypse de notre temps. P., 1991; Дудаков С. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993; Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба на «еврейском фронте» / Евреи и русская революция. М., 1999. С. 24–26.

³¹⁷ Библикова (Ульянова) Л.В. С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов». С. 141–157.

ное о Рачковском в связи с фабрикацией «Протоколов», не имеет значения для исследования деятельности этого служащего политической полиции. Большее значение имеет репутация Рачковского в историографии политического сыска, а в ней он характеризуется как «человек хитрый, умный, беспардонный», насаждавший «свои методы сыска, не гнушаясь и провокацией»³¹⁸. Вместе с тем стоит отметить, что еще в 1886 г. ревизия Департаментом полиции Заграничной агентуры показала, что «это лучшая из русских политических агентур», а в дальнейшем, несмотря на физическую удаленность Рачковского от России, Департамент нередко обращался именно к нему с заданием проанализировать общественно-политическую обстановку в стране³¹⁹. Следовательно, и трактовки Рачковским «либерализма» и «либералов» были востребованы в центральном органе политического сыска.

Не менее часто в следующих главах будут упоминаться директор Департамента полиции в 1896–1902 гг. С.Э. Зволянский и заведующий Особым отделом в 1898–1902 гг. Л.А. Ратаев – ведь именно на рубеж XIX–XX вв. приходится активизация общественного движения в Российской империи. Несмотря на принципиальную важность этих двух фигур с точки зрения понимания того, как реагировал Департамент на начавшийся бурный рост всего «противоправительственного» в последние годы XIX в., и о Зволянском, и о Ратаеве известно крайне мало. Они оба служили в Департаменте полиции с 1882 г., вместе прошли по карьерной лестнице с низших должностей до руководящих. С приходом в 1902 г. в Министерство внутренних дел В.К. Плеве Зволянский был отправлен в отставку, а Ратаев – в Париж, заведовать Заграничной агентурой вместо П.И. Рачковского. Сложно сказать, насколько удачным было такое решение, – одни из лучших жандармов-«охранников» начала XX в. А.И. Спиридович и А.П. Мартынов отзывались о Ратаеве как о человеке, не подходящем для руководства политическим сыском³²⁰; встречается такое мнение и в литературе, в которой Ратаев характеризуется как светский человек, франт, театрал, легкомысленный и необязательный донжуан³²¹. Правда, как замечает В.С. Брачев, «относиться к такого рода заключениям следует осторожно: едва ли человек такого склада смог бы продержаться в Департаменте полиции на протяжении более чем двух десятилетий»³²². Вероятно, истина где-то посередине – как возможно предположить, Ратаев был хорошим аналитиком и в кресле руководителя Особого отдела был вполне на своем месте, однако работать в самой гуще революционной жизни за границей, в том числе с секретной агентурой, он не умел³²³.

Нет ясности и в отношении Л.А. Ратаева к новому директору Департамента полиции А.А. Лопухину. В октябре 1902 г. Ратаев писал С.В. Зубатову из Парижа: «Здесь кем-то распускаются слухи, будто бы Алексей Александрович (Лопухин. – Л.У.) начинает не ладить с министром... без А.А. я здесь ни минуты не останусь и немедленно возбужу вопрос об отставке и о пенсии, отклонив, безусловно, всякое другое назначение»³²⁴. Но, скажем, А.П. Мартынов считал, что Ратаев воспринял назначение на должность заведующего Заграничной агентурой как ссылку «и затаил обиду против Лопухина и Зубатова»³²⁵. Так или иначе это не имеет принципиального значения для данного исследования, т.к. Ратаев на посту заведующего Заграничной агентурой о «либералах» не писал (в отличие от его предшественника П.И. Рачковского).

³¹⁸ Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 117.

³¹⁹ Агафонов В.К. Заграничная охранка (составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). Пг., 1918. С. 18, 27–28, 30, 32 и др.

³²⁰ Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 81; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 78.

³²¹ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. С. 260, 306; Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи. С. 107.

³²² Брачев В.С. Мастера политического сыска. С. 47.

³²³ См., например, о деятельности ближайшего помощника Л.А. Ратаева в Заграничной агентуре А. Бинта: Бибикина (Ульянова) Л.В. С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов». С. 148–149.

³²⁴ Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. С. 33.

³²⁵ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 78.

Совсем не введены в научный оборот сведения о руководителях Санкт-Петербургского охранного отделения – П.В. Секеринском (1885–1897), В.М. Пирамидове (1897–1901), Л.Н. Кременецком (1903–1905). Некоторую информацию о них можно почерпнуть из воспоминаний последующих начальников этой структуры политической полиции А.В. Герасимова (1905–1909)³²⁶ и К.И. Глобачева (1915–1917)³²⁷. Другие руководители этого отделения менялись чуть ли не каждый год и не успели оставить заметного следа в деятельности столичного охранного отделения³²⁸. «Белым пятном» остается и биография начальника Московского охранного отделения ротмистра Н.С. Бердяева, а ведь именно благодаря ему С.В. Зубатов после «провала» в качестве секретного агента стал штатным сотрудником политической полиции.

Из деятелей губернских жандармских управлений в литературе наиболее известен начальник Киевского ГЖУ В.Д. Новицкий³²⁹, однако для данного исследования недостаток информации о жандармах личного плана не столь существенен – как будет показано ниже, жандармы со всех концов Российской империи описывали «либералов» и «либерализм» очень схожим языком и характеристиками. И этот язык часто не находил отклика ни у чинов охраненных отделений, ни у служащих Департамента полиции³³⁰.

Таким образом, анализ взаимоотношений внутри политического сыска позволяет несколько скорректировать историографические представления о ряде ее видных деятелей. Помимо социально-профессиональных критериев, коммуникации в этой системе зависели от личных отношений руководителей в первую очередь Департамента полиции и охраненных отделений. Во многом именно они определяли развитие политического сыска: кадровые перемещения, выработку методик наблюдения и других стратегий поведения по отношению к объектам наблюдения, в том числе по отношению к «либералам».

---

³²⁶ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

³²⁷ Глобачев К.И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

³²⁸ Исключение – уже названный выше «ученик» С.В. Зубатова Я.Г. Сазонов.

³²⁹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929.

³³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. Г. Л. 12; Д. 2. Ч. 1. Лит. В. Л. 6; Д. 9. Ч. 1; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 54, 60, 65–67, 123, 211, 233, 261 и др.; Поляков А. Записки жандармского офицера. С. 490.

Глава II

Что такое «либерализм»? Неотрефлексированные образы делопроизводственной переписки

Что такое «либерализм», «либералы», «либеральное движение» для деятелей политического сыска? В их переписке нет соответствующих определений; более того, эти термины и однокоренные с ними слова в основном встречаются в делопроизводственной документации как бы мимоходом, словно автор того или иного текста не рефлексировал по их поводу и уверен, что найдет в этом понимание у своего адресата (независимо от того, является ли адресат вышестоящим или нижестоящим по отношению к автору документа). Видимо, такое умолчание было следствием определенного внутреннего консенсуса в политической полиции о данном общественно-политическом явлении, несмотря на тот факт, что – как будет показано ниже – восприятие этого явления, его образы были множественными, а границы «либерализма» – весьма и весьма подвижными.

Тем интереснее исследовательская процедура выявления сущностных, общих и различных, черт «либералов» и «либерализма» в представлениях чинов политического сыска – процедура, напоминающая поиск улик и дальнейшую реконструкцию целостной картины посредством собирания их в «пазл», как в методологии «уликовой парадигмы», предложенной итальянским историком К. Гинзбургом (воссоздание целого, недоступного прямому наблюдению, по частностям – «через посредство следов, симптомов, улик»³³¹).

Итак, сформулированные в этой главе параметры – результат исследовательской реконструкции, разложения автором этих строк «по полочкам» основных черт многообразного явления, которое в делопроизводственной переписке присутствовало по умолчанию, в неотрефлексированном виде и не было предметом собственного анализа героев этого исследования.

---

³³¹ Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сб. ст. М., 2004. С. 189– 241.

2.1. «Либерализм» позитивный и деструктивный

В переписке чинов политического сыска в неявном виде присутствует целый набор характеристик «либерального», которые были выявлены автором этих строк в качестве базовых и систематизированы по двум группам – условно позитивная составляющая либерализма (не в смысле того, что эти черты вызывали одобрение в политической полиции и положительную реакцию, а в смысле того, за что борются либералы) и условно негативная, отрицательная составляющая (т.е. против чего борются либералы). При этом второе занимало деятелей политического сыска в большей степени, но пока можно только предположить, что это было связано с профессиональными задачами авторов тех или иных документов, а не воспроизводством стереотипов, популярных в обществе и в среде бюрократии.

Со второй составляющей – условно негативной – и начну. «Недовольство существующими порядками» – одна из наиболее часто встречающихся формулировок для характеристики позиции либеральных деятелей³³². При этом чаще всего «либералы» были «недовольны» «формой правления», но не только – их также могла не устраивать государственная система в целом, император, отдельные государственные деятели и отдельные государственные решения.

В 1885 г. в Уфимском ГЖУ «либеральные» идеи связывались с темой изменения «основных положений государственного порядка»³³³. В 1889 г. начальник Тверского ГЖУ писал о тверском земстве как о «кружке лиц», который «смело выступает с суждениями об иных началах государственного строя»³³⁴. В Чернигове в 1904 г. руководитель местного отделения под «либеральным направлением» «Киевской газеты» имел в виду «систематическое воспитание» в читателе «чувства недовольства существующим государственным и общественным строем»³³⁵. Начальник Тульского ГЖУ в 1904 г. выстраивал консервативную антитезу подобному либеральному настрою: «Население Тульской губернии является твердо консервативным, проникнутым желанием сохранить существующий порядок», в то время как немногочисленная «либеральная партия» стремится к его коренному преобразованию³³⁶.

Партия «недовольных» «либералов» была отмечена служащими ГЖУ в Екатеринославской (1888–1889), Тверской (1900–1901), Черниговской губерниях и в Донской области (1903–1904)³³⁷.

Из ГЖУ в Департамент полиции сообщали о «либералах», критикующих как персонально фигуру императора³³⁸, так и «высочайшие», т.е. подписанные им, документы. Так, в 1883 г. московский обер-полицмейстер писал о выступлении С.А. Муромцева на встрече редакции «Русского курьера» с некой «румынско-болгарской депутацией»: Муромцев указал «между прочим на то, что обнародованный 15 мая высочайший манифест даровал свободу разбойникам и грабителям»³³⁹. В Тамбовском ГЖУ в ноябре 1901 г. обращали внимание на «либералов», которые пытались «сломать... высочайше утвержденный устав» общества народных

³³² Об этом см., например: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 3; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 11.

³³³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 28. Л. 1.

³³⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 6.

³³⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 32; 1894. Д. 1. Л. 289; 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об.

³³⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 10 об.; 1905. Д. 1. Ч. 30. Лит. А. Л. 4.

³³⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1889. Д. 43. Ч. 13. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.–3 об.; 1903. Д. 1. Ч. 48. Лит. А. Л. 2; 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.–8; Ч. 39. Лит. А. Л. 7; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 22. Лит. В. Л. 26.

³³⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 423; 1895. Д. 640. Л. 4; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 94–95.

³³⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 118.

чтений, разработав собственный устав³⁴⁰. В том же 1901 г. начальник Саратовского ГЖУ писал о выступлении бывшего Вольского уездного предводителя дворянства графа А.Д. Нессельроде в дворянском собрании: «Вся записка, составленная в крайне либеральном тоне, подрывает всякое значение дворянства как сословия, признанного в государстве высшим, отрицает всякие установления, подтвержденные законодательным порядком и волею высшей власти»³⁴¹.

Чины ГЖУ обычно не уточняли, что такое «существующий государственный порядок» и как именно и почему «либералы» хотели бы его изменить. В их переписке с Департаментом полиции это – фигура умолчания. Документы, исходившие из охранных отделений, касались и данного сюжета. Так, в 1883 г. из Московского охранного отделения сообщали в Департамент полиции о встрече В.А. Гольцева и редакции «Русского курьера» всё с той же «румынско-болгарской депутацией», на которой участники говорили, «что Россия... составляет разлагающийся организм, находится она на ступени революции и ничего общего не имеет со свободною странюю, управляемою народным представительством»³⁴². Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения так комментировал публикации в одном из номеров «Вестника Европы» в 1902 г.: «Вся последняя книжка “Вестника Европы” проникнута конституционными вожделениями, которые довольно систематично и очень осторожно выражены в статье Л.З. Слонимского “Современные задачи”. “Первостепенная практическая задача нашего времени установить способы, которыми обеспечивалось бы целесообразное и последовательное обсуждение текущих законодательных потребностей”. Отсюда логически вытекает, что в теперешнем порядке обсуждения законопроектов нет ни целесообразности, ни последовательности... Даже автор статьи “Моя поездка в Шотландию” при описании международной выставки в Глазго... находит возможность сделать вылазку против русского государственного строя, указывая на недостатки русского отдела на выставке, он видит причину этих недостатков в том, что у нас нет конституции»³⁴³.

Заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский формулировал категоричнее чинов охранных отделений: «либералы» борются за «полное уничтожение самодержавия»³⁴⁴.

Отмеченная разница в трактовке «либерализма» между чинами ГЖУ и охранных структур (включая Заграничную агентуру) – от абстрактного «недовольства существующими порядками» в первом случае до конкретно-политического устремления изменить форму правления во втором, – как представляется, хорошо иллюстрирует описанные в предыдущей главе различия между двумя данными социально-профессиональными типажам служащих политической полиции.

Однако «либералы» трактовались как не просто «недовольные формой правления», но и как отрицавшие полезность российской государственной власти в принципе – и местной, и центральной.

«Осмеянием и опошлением всех правительственных мер» руководитель Московского ГЖУ назвал рефераты, читавшиеся в Московском юридическом обществе в октябре 1889 г.³⁴⁵ «Постоянным порицателем распоряжений и действий администрации» был, с точки зрения начальника Ярославского ГЖУ, «либерал», мировой судья Чистяков³⁴⁶. «Либерал» из Новгородской губернии А.М. Тютрюмов не только критиковал распоряжения местных властей, но и

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 988. Л. 4.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 33. Лит. А. Л. 14–15.

³⁴² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 121.

³⁴³ ГА РФ. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 50–51.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 87. Д. 503. Л.1. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 8. Л. 4.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 26. Л. 1 об.

стремился «всегда идти против мероприятий правительства»³⁴⁷. О «крайне демонстративном отношении к распоряжениям правительства» «либеральной партии» Тверской губернии писал руководитель местного отделения политической полиции в 1894 г.³⁴⁸ «Либералы» Черниговской губернии, отправившие литератору В.В. Лесевичу в 1900 г. сочувственное письмо из-за «гонений» власти, были расценены в местном ГЖУ как «порицающие» действия и распоряжения правительства в «наглой форме», доходящей до «неслыханной дерзости»³⁴⁹. Руководитель столичного охранного отделения в качестве главной цели кружка «лиц либерального образа мыслей» называл «противодействие мероприятиям правительства»³⁵⁰.

Резкий всплеск недовольства властью со стороны «либералов» был зафиксирован жандармами в связи с так называемой земской контрреформой³⁵¹. Особенно оживились «либеральные» деятели Екатеринославской, Московской, Полтавской, Тамбовской, Тверской, Черниговской губерний. Где-то они предсказывали «полную неудачу» при реализации реформы, злорадствовали «всякой малой неудаче»³⁵². В Чернигове некий «либерал Садовский», став земским начальником, «глумился над введением» этого института, «критиковал его цель и называл дурацкой выдумкой»³⁵³. В Твери же «либералы» попытались распространить свое влияние на новый институт: «одни через предводителя дворянства, а иные через правителя канцелярии губернатора В.И. Плетнева старались проводить на должности земских начальников лиц своего лагеря, а когда это не удавалось, то стали подсовывать людей ни к какому делу неспособных»³⁵⁴.

Земское движение было во многом источником консолидации либеральных сил в России того периода. Поэтому неудивительно, что в ежегодных политических обзорах ГЖУ отношения земств с губернаторами занимали немало места. Типична характеристика «либеральных» земских собраний начальником Калужского ГЖУ в 1883 г.: они «только критикуют со злорадством действия административной власти и становятся в полнейшую оппозицию против всякого протеста со стороны губернатора»³⁵⁵. Если же земские служащие шли на контакт с представителями полиции, в частности – жандармерии, тогда «либеральные» председатели земских управ их увольняли³⁵⁶.

Из делопроизводственной переписки начала XX в. складывается впечатление, что непосредственно накануне революции имела место уже полноценная «война» «либералов» с губернаторами. Например, во время ужина «в память 40-летия судебных уставов» в ноябре 1904 г. в Чернигове один из видных местных «либералов» В.В. Хижняков произнес речь: он «всегда... наталкивался на губернаторов, так сказать, лиц, долженствующих стоять на страже закона, совершенно не признававших такого, а он пережил 7 губернаторов и хорошо их знает и даже один из них на каком-то заседании, в коем Хижняков отстаивал какой-то проект, объясняя, что он опирается на закон, заносчиво прервал его, что вы все тычете нам законом... у нас еще есть выше закона циркуляры и предписания». Подводя итог, начальник ГЖУ писал: «Вся

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 14. Л. 10 об.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 104. Ч. 30. Л. 1.

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 1886. Л. 26–28 об.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 3; 1893. Д. 1199. Л. 6; Д. 1200. Л. 2 об.; 1899. Д. 1055. Л. 5.

³⁵¹ О самой реформе см.: *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Он же.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

³⁵² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1889. Д. 43. Ч. 13. Л. 4–7; Ч. 14. Л. 2; 1891. Д. 44. Ч. 4. Л. 2 об.; Ч. 7. Л. 1–6; Ч. 49. Л. 2–9; 1893. Д. 152. Ч. 9. Л. 3; Ч. 11. Л. 13; Ч. 40. Л. 3 об.; Ч. 56. Л. 1; 1901. Оп. 99. Д. 672. Л. 21; Особый отдел. 1899. Д. 250. Л. 1 об.

³⁵³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Ч. 56. Л. 1.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3 об.

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 30. Л. 3. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1889. Л. 5 об.

речь Хижнякова дышала желчью, раздражением, при этом ясно было выражено желание поглумиться и высмеять деятельность губернаторов, с которыми, по его словам, он, Хижняков, всегда находился в самых враждебных отношениях, “зуб за зуб”, увлекшись в речи, Хижняков, как говорят некоторые из гостей, забылся до того, что будто бы произнес уже “эти губернаторы хер.....”. Но тут толкнул его сосед и Хижняков остановился, но далее также горячо продолжал говорить и клеймить всю бюрократию»³⁵⁷.

В целом «либералы» в документах, в первую очередь из ГЖУ, представляли этакими отрицателями всего, связанного с властью в Российской империи, что проявлялось в том числе терминологически – эпитеты «отрицательный», «отрицающий» (наряду с «недовольный») можно назвать одними из самых популярных характеристик в их адрес. Так, в «либеральной» «Самарской газете», по мнению начальника местного ГЖУ, «сообщаются, ... факты только отрицательного характера, ... нападкам подвергаются администрация вообще, чиновничество и в особенности земские начальники и полиция»³⁵⁸.

В результате и позитивная составляющая либерализма (в смысле, указанном в начале параграфа) описывалась через негативное целеполагание. Один из наиболее частых «спутников» термина «либерал» (и однокоренных с ним) в переписке чинов политического сыска – понятие «свобода» – чаще всего употреблялось в смысле независимости, самостоятельности, освобождения от государства³⁵⁹, вплоть до освобождения на уровне «мыслей» («свободомыслие»³⁶⁰). Причем это «освобождение» проецировалась в самые разные области жизнедеятельности: печать³⁶¹, образование и преподавание³⁶², торговля³⁶³, жизнь крестьян³⁶⁴.

Такая позитивная характеристика, как свобода печати, представляла в качестве инструмента достижения базовой негативной цели – изменения или разрушения самодержавия. В Московском охранном отделении следующим образом описывали кружок, состоявший из двух фракций – «либерально-прогрессивной» (С.А. Муромцев, А.И. Чупров, И.И. Янжул, Г.И. Успенский, Д.А. Дриль) и «радикальной» (В.А. Гольцев, А.Н. Соколов, М.М. Ковалевский): их объединяло стремление добиться свободы печати и изменения «существующего государственного порядка, но первая из них имела конечной целью введение представительных учреждений и неременное сохранение монархии, вторая же – введение социального строя»³⁶⁵. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения в октябре 1897 г. писал о «либеральной партии» Вольно-экономического общества: она стремилась «во что бы то ни стало добиться большей свободы печати... в целях пропаганды идей о неудовлетворительности современного государственного строя России и приготовления умов к замене монархического образа правления, на первое время, конституционным»³⁶⁶. К этому же ряду (позитивное требование ради деструктивной цели) можно отнести упоминания о «свободе слова»³⁶⁷ и вообще «политической» свободе, о которой чаще всего писал заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский³⁶⁸.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 126–127.

³⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 2 об. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 26. Лит. А. Л. 5; Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 64; Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике «Материалы к истории нашего хозяйственного развития» // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 316.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 15. Л. 7; 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3 об.; Особый отдел. 1898. Д. 215. Л. 2 об.

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 49. Л. 2; 1893. Д. 152. Ч. 11. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 32. Лит. А. Л. 1.

³⁶¹ О свободе печати также см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об.; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 19 об.–20, 35; Лит. Д. Л. 37; 1902. Д. 500. Л. 98–101.

³⁶² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1.

³⁶³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 30. Л. 12.

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2.

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 123.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18, 19 об.–20 об., 22, 23–24.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1881. Д. 1567. Л. 3; Особый отдел. 1904. Д. 2385. Л. 4 об.

«Либеральными» и одновременно «освободительными» деятели политической полиции называли реформы 1860-х гг.³⁶⁹

Стремление избавиться от государственного контроля в сфере самоуправления также соотносилось в политическом сыске с «освободительным» «либеральным» дискурсом. В политическом обзоре Тульской губернии за 1894 г. тяга земства «к расширению круга предмета своего ведомства» напрямую увязывалась с «освобождением от административного контроля губернской власти»³⁷⁰. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения в 1903 г. сообщал в Департамент полиции о стремлении гласных городской думы «уничтожить контроль» за самоуправлением и принятом ими решении, «что для России необходим конституционно-парламентарный образ правления»³⁷¹. Спустя год, в разгар «правительственной весны» П.Д. Святотопolk-Мирского, осенью 1904 г. эта характеристика, по сути, повторилась: гласные столичной городской думы собирались «воспользоваться настоящим либеральным настроением для того, чтобы добиться от правительства уничтожения установленного контроля за городским самоуправлением»³⁷².

Важно отметить специфическое наполнение термина «парламентаризм» – в делопроизводственной переписке о «либералах» практически отсутствует прямая связь этого термина с темой конституции, он обычно возникает в связи всё с той же темой освобождения от контроля власти за самоуправлением, с такими характеристиками самоуправления, как право выборности, возможность «прений» и «дебатов»³⁷³. Начальник Тверского ГЖУ в политическом обзоре за 1893 г. писал: «Характер земских собраний, не отличаясь особенною плодотворностью, сводится к пустому парламентаризму, дающему возможность каждому порисоваться своими либерально-гуманными идеями, исключительно бьющими на дешевую популярность»³⁷⁴. Директор Департамента полиции С.Э. Зволянский отмечал в записке министру внутренних дел о тверском земстве в 1896 г.: «Земство... чрезмерно увлекаясь идеями выборного начала и самоуправления... задалось целью образовать из себя род парламента, с независимым правом не только хозяйничать у себя в губернии, но и критически обсуждать действия правительства»³⁷⁵.

И еще одна позитивная составляющая «либерализма» в делопроизводственной переписке представляла как имеющая в действительности деструктивную основу. Идея равноправия сословий, «всословность», хотя эпизодически и упоминалась чинами политической полиции в смысле равенства экономических возможностей³⁷⁶, прежде всего, по их мнению, была направлена против продворянской политики государства: сословие, облеченное высшей властью особыми привилегиями³⁷⁷, вызывало у «либералов» «несочувствие», «озлобление», «ненависть»³⁷⁸.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 1. Л. 97; 1894. Д. 1. Л. 268–273; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 3 об.

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 3; 1893. Д. 152. Ч. 11. Л. 2; Д. 1199. Л. 6; Д. 1200. Л. 2 об; 1899. Д. 1055. Л. 5.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 215. Л. 3.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9.

³⁷² ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 26. Лит. А. Л. 2; 1906. Д. 1. Ч. 19. Лит. А. Л. 2.

³⁷³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 33. Л. 1; 1891. Д. 44. Ч. 25. Л. 3–4.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3.

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Л. 3; 1895. Д. 1719. Л. 3, 9 об.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 31. Л. 1.

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 3–10; 1900. Д. 1. Ч. 33. Лит. А. Л. 14–15; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 15–18; 1902. Д. 1889. Л. 5; 1904. Д. 1192. Л. 5–8.

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 2; 1888. Оп. 84. Д. 235. Л. 116; 1900. Д. 1. Ч. 33. Лит. А. Л. 14–15; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 8. Л. 4.

Пожалуй, «либерализм» имел только одну непосредственно позитивную коннотацию в документах, прежде всего, местных отделений – гуманистический пафос. В 1903 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения вспоминал о 1897 г.: «Если на... собраниях (годовщины основания Санкт-Петербургского университета – Л.У.) приглашенными почетными гостями из лагеря либеральных профессоров и литераторов и произносились речи возбуждающего характера, то ораторы не осмеливались еще в этих речах идти дальше общих идеалов гуманизма»³⁷⁹. Мимоходом упоминал о «гуманности» начальник Екатеринославского ГЖУ в 1885 г.: «Состоящие под наблюдением учителя... продолжают по-прежнему особенно гуманно (либерально) относиться к воспитанникам и воспитанницам»³⁸⁰. Год спустя в этом же ГЖУ писали о гуманизме более развернуто: «Публика молодая охотнее читает газеты и вообще общепериодические издания в духе либеральном, гуманном со статьями и повествованиями, описывающими, например, безвыходное положение, угнетенность лиц бедных, не имевших протекции, напрасное и неудовлетворившееся их стремление быть полезными обществу, затем их отчаяние и смерть»³⁸¹.

В целом описание деятелями политического сыска условно позитивных составляющих либеральной идеологии (гуманизм, свобода, расширение компетенции самоуправления, парламентаризм, равенство сословий) соответствует тому образу либерализма, который присутствовал у современников, позднее был зафиксирован в мемуаристике, в том числе либеральной, а затем и в научной литературе³⁸². Однако приоритетной (если судить по частотности тех или иных упоминаний) для чинов политической полиции была деструктивная, отрицательная составляющая либерализма. И, как представляется, только отчасти такая специфика восприятия героев данного исследования, в первую очередь чинов ГЖУ, была связана с задачами «охраны» существовавшего государственного строя.

---

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 1100. Л. 68–70 об.

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 11; 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 11.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 11.

³⁸² *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. 1855–1881. Исторические очерки. СПб., 1909; *Веселовский Б.* История земства за 40 лет. Т. 2. СПб., 1909; *Он же.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии. 1864–1913. Тверь, 1914; *Белокопский И.П.* Земское движение. М., 1914; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997; и др.

2.2. «Революционные» истоки «либерализма»

Доминирование деструктивных составляющих в том образе «либерализма», который преобладал в делопроизводственной переписке, было связано, скорее всего, с еще одним обстоятельством. «Либерализм» воспринимался как течение, имевшее непосредственную связь с анархизмом, нигилизмом (в меньшей степени) и социализмом. В историографии тема взаимоотношений либерализма с этими «революционными» идеологиями только намечается, причем исследовательский интерес сосредоточен на идейных основах Конституционно-демократической партии, а не либерализма в целом³⁸³.

Анархизм с его идеей разрушения государства, по мнению чинов политического сыска, оказал сильное воздействие на все спектры противоправительственного движения Российской империи. Это было не в последнюю очередь связано с его сравнительно ранним появлением в России. Заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский, нередко делавший в донесениях «экскурсы» о различных политических течениях, писал, что русский анархизм положил начало и анархическому движению европейских стран. Влияние анархизма сказалось в том, что «все русские революционеры» (Рачковский относил к ним и «либералов») «фанатически руководствуются одной общей программой, которая требует повсеместного разрушения государственного и общественного строя разрывными снарядами и другими способами, какими бы преступными с точки зрения существующей морали они не были»³⁸⁴. В трактовке Рачковского цели «либералов» выглядели вполне анархическими. Так, в конце 1894 г. они «обратились за содействием к подпольным революционерам, чтобы совместно с ними приступить к действительному разрушению государственного строя России»³⁸⁵.

Неоднократно упоминали о взаимопроникновении либерализма и анархизма служащие Тверского ГЖУ. В политическом обзоре за 1884 г. руководитель ГЖУ так характеризовал известного общественного деятеля Ф.И. Родичева: «Крайне вредный и опасный пропагандист, ибо в деле преступной деятельности Русской анархической партии принимает активное участие, что вполне выяснилось дознанием, так как в 1879 г. ... Софья Перовская, Вера Филипова, урожденная Фигнер, и другие участники взрыва полотна... проживали в имени Родичева»³⁸⁶. Вторил начальнику его помощник в Новоторжском уезде, описывая участников местной «либеральной партии»: «Линд, обязанный всем Бакуниным, не только усвоил себе их взгляды, но и опередил своих руководителей в слепом озлоблении своем к единодержавной власти... если бы не природная трусость Линда и не влияние Бакуниных, благодаря которым Линд в данное время не принимает активного участия в злодеяниях Русской анархически-террористической партии, то Линд явился бы в рядах террористов-исполнителей»³⁸⁷.

Акцентирование П.И. Рачковским и чинами политической полиции в Твери связи либерализма с анархизмом, конечно, не было случайным. Рачковский, с 1884 г. живший в Париже, в буквальном смысле слова наблюдал за развитием анархизма, в том числе русского, в Европе. Тверь же, как известно, была родиной одного из столпов и теоретиков анархизма М.А. Бакунина. Его родные братья Александр, Алексей, Николай и Павел Александровичи во второй половине XIX в. стали основоположниками тверского либерализма – одной из самых ранних и

³⁸³ См., например: *Соболев А.В.* О двух типах либерализма в России в начале XX в. // *Либерализм в России.* М., 1996; *Куликов С.В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.).* Мат. научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004; *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 11–12.

³⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 4.

³⁸⁷ Там же. Л. 32.

наиболее радикальной версии российского либерализма³⁸⁸, причем Александр и Павел Бакунины фактически «воспитали» таких видных деятелей общероссийского либерального движения, как М.И. и И.И. Петрункевичи, Ф.И. Родичев и др. Даже в 1890-е гг., когда братья Бакунины перестали вести активную общественно-политическую жизнь, начальник Тверского ГЖУ писал о том, что местные «либералы» действуют в «бакунинском духе»³⁸⁹.

Однако о тесной взаимосвязи анархизма и либерализма в Департамент полиции писали не только из Заграничной агентуры и Тверского ГЖУ. В первой половине 1880-х гг. о «либеральных» деятелях, укрывавших анархистов-террористов (упомянув имя той же Софьи Перовской), сообщал начальник Таврического ГЖУ³⁹⁰. В политическом обзоре Нижегородской губернии за 1897 г. говорилось о «симпатиях к анархии» газеты «Нижегородский листок»: «Местная пресса не мало способствует развращению юношества, в особенности этим отличается орган либеральной партии “Нижегородский листок”, в котором с конца прошлого года начал печататься частями роман Эмиля Золя “Париж”... Читая отрывками роман “Париж” может заражаться безверием, симпатиями к анархии, вызываемой будто бы только нищетой рабочего класса и справедливой расплатой последнего за свои страдания»³⁹¹. Начальник Владимирского ГЖУ в 1902 г. упоминал о «либералах» как «принципиальных противниках всякой подчиненности» и их негативном отношении к власти имущему только потому, что он является представителем власти³⁹².

По мнению жандармов, «либерализм» рос под влиянием не только анархизма, но и так называемой «социально-революционной идеологии»³⁹³. Эта тема всплывала в делопроизводственной переписке дважды: в 1880-е гг. и в начале XX в., по нарастающей к 1905 г. Как можно заметить, оба этих периода совпадают с моментами, когда террористическая угроза считалась главной для стабильности в стране: в 1880-е гг. еще были сильны отголоски испуга от деятельности народолюбцев, а в первые годы XX в. активизировалась террористическая деятельность эсеров. Говоря иначе, «социально-революционный» акцент в делопроизводственной переписке о «либералах» возникал не вследствие «террористической сущности» последних, а, скорее, в результате расширения списка «угроз» в политической полиции, которое, в свою очередь, было связано с ростом количества террористических актов против представителей власти.

В 1880-е гг. роль социализма в развитии «либеральных» идей неоднократно подчеркивал в своих донесениях в Департамент полиции начальник Тверского ГЖУ, описывая местную «либеральную партию» и социально-революционное движение как частное по отношению к общему. Так, в политическом обзоре за 1888 г. руководитель ГЖУ сообщал о сплоченном круге единомышленников вокруг М.И. Петрункевича – одного «из наиболее вредных деятелей в смысле распространения социально-революционного движения по Тверской губернии». Участников кружка начальник ГЖУ назвал «проповедниками социально-революцион-

³⁸⁸ Подробнее о тверских «либералах» и братьях Бакуниных см.: Ульянова Л.В. «Колыбель» российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880–1905) // Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Серия 8. История. 2008. № 6. С. 53–62; Она же. Бакунин Александр Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 40–41; Она же. Бакунин Павел Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 41–43.

³⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.

³⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6–8.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 18.

³⁹² ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 64.

³⁹³ В историографии политической полиции упоминается о связи либерализма с утопическим социализмом Ф. Фурье: Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 55. О самой «социально-революционной идеологии» и ее воздействии на широкие слои русского общества см. подробное исследование О.В. Будницкого: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000.

ного движения», которые, «к каким бы фракциям они ни принадлежали, поддерживают живые сношения с целой империей»³⁹⁴. Через полгода, в июне 1889 г., специальная записка, посвященная тверскому земству, написанная тем же жандармом, относилась к «социалистам» активных участников местного либерального движения – П.А. и А.А. Бакуниных, М.П. Литвинова, Д.Н. Квашнина-Самарина, М.И. и И.И. Петрункевичей, В.И. Покровского, Ф.И. Родичева³⁹⁵.

Заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский на протяжении всех 1880-х – первой половины 1890-х гг. неоднократно сообщал в Департамент полиции о положительном отношении, покровительстве и даже финансировании «либералами» террористической деятельности, которую вели социал-революционеры. В начале 1890-х гг. он отмечал по поводу контактов «либералов» с эмигрантами-народовольцами: «Либералы... которые раньше относились пренебрежительно или с боязнью к террористическому образу действия народовольческой партии... сознавая будто бы важность минуты, обратились за содействием к подпольным революционерам»³⁹⁶. По мнению Рачковского, противоправительственное движение основывалось на трех взаимосвязанных идеях: конституция («идея фикс» «либералов»), социализм и террор. Сообщая в 1894 г. в Департамент полиции о совместных издательских планах неких «либералов» и народовольцев, он подчеркивал: «Основой программы этого издания» («Земский собор») являются «конституционные стремления, социализму будет отведено второстепенное значение, что же касается террора, то этот последний... не исключен совершенно, но перестает быть строжайшим борбей»³⁹⁷.

Неоднократно тема взаимосвязи «либерализма» и социализма террористического толка всплывала в донесениях жандармов в первые годы XX в.³⁹⁸ Так, в политическом обзоре за 1904 г. начальник Черниговского ГЖУ напрямую связывал деятельность «либералов» с угрозой терактов в губернии: «Ненависть к губернатору постоянно подогревается со стороны вожаков либеральной партии всех оттенков... По имеющимся агентурным сведениям, против губернатора и вице-губернатора можно ожидать каких-либо террористических актов»³⁹⁹.

Эпизодически в делопроизводственной документации в качестве предтечи «либеральных» настроений фигурировал нигилизм. Так, сотрудники Департамента полиции Н.Д. Зайцев и Н.А. Пешков отмечали увлечение нигилизмом в молодости С.А. Муромцева и М.Я. Герценштейна⁴⁰⁰.

В ряду идейных вдохновителей «либерализма» стоит упомянуть и толстовство – чины политического сыска периодически фиксировали хорошее знакомство некоторых «либералов» с Л.Н. Толстым и его последователями⁴⁰¹. Такой известный общественный деятель, как Д.И. Шаховской, продолжительное время, в течение 1880-х – начала 1890-х гг., характеризовался как «последователь учения графа Толстого», превратившись в «либерала» к середине 1890-х гг.⁴⁰²

Таким образом, возможно предположить, что повышенное внимание чинов политического сыска к «либеральной» критике российского государства и власти как таковой (нега-

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 11, 12.

³⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 235. Л. 87–89.

³⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об. См. также: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 1. Л. 58–58 об., 61 а, 111; 1889. Д. 403. Л. 34–36; 1894. Д. 1. Л. 146–148, 268–273, 283–287, 289–293; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 4.

³⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 111.

³⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6; 1888. Д. 89. Ч. 51. Л. 6; Д. 131. Л. 2; Д. 1563. Л. 1 об.; 1895. Д. 516. Л. 2–9 об.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 11. Л. 15.

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 116; Особый отдел. 1906. 2 отделение. Д. 254. Л. 4.

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 283–287; Д. 853. Л. 55–66; Особый отдел. 1902. Д. 1555. Л. 7–8.

⁴⁰² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 3–16.

тивная составляющая «либерализма») во многом было следствием их представления о социалистических, в первую очередь анархических, корнях «либеральной» идеологии. Подобное представление должно было помещать «либерализм» в один ряд с прочими «антиправительственными» явлениями, однако, как будет показано ниже, такого однозначного соотнесения в политической полиции, прежде всего в его головной структуре – Департаменте полиции, – сделано не было. Не было названное представление и специфически «полицейским», «охранным», скорее, его стоит считать свойственным самым разным общественно-политическим течениям: и консервативная, и социалистическая публицистика конца XIX – начала XX в. также описывала «либерализм» как ответвление различных социалистических идеологий – в первую очередь анархизма⁴⁰³. Поэтому с определенной долей условности можно утверждать, что переписка чинов политического сыска отражала общественные стереотипы о месте либеральной доктрины и либеральных деятелей в общей политической палитре.

---

⁴⁰³ Подробнее об этом см.: Бибилова (Ульянова) Л.В. Политическая полиция, консерваторы и социалисты: игра либерализмами в публичном и непубличном политическом пространстве Российской империи в конце XIX – начале XX века / «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 516–518.

2.3. Организационные параметры: институты, социальные и профессиональные группы (статика)

Итак, чины политической полиции воспринимали «либерализм» как явление, антигосударственное по своему содержанию и имеющее революционные идеологические корни. Однако какое положение занимали носители «либерализма» – «либеральные» деятели – в общественно-политической системе Российской империи, какие общности – институциональные, профессиональные, социальные – были «либеральными» или могли стать таковыми?

Институциональными основами «либерального» движения для служащих политической полиции были самоуправление, периодическая печать и общественные организации.

Самоуправление, реформированное в годы правления Александра II, интересовало деятелей политического сыска как «либеральный» институт преимущественно в его земском варианте. Упоминание о городском самоуправлении в связи с «либерализмом» в делопроизводственной переписке было, скорее, исключением, чем правилом⁴⁰⁴, в то время как о «либеральном» земстве в Департамент полиции сообщали из ГЖУ значительной части губерний Российской империи.

Эпизодически о «либеральном земстве» писали в Новгородском (1881 и 1891)⁴⁰⁵, Казанском (1883)⁴⁰⁶, Калужском (1884 и 1905)⁴⁰⁷, Полтавском (1887 и 1889)⁴⁰⁸, Херсонском (1889)⁴⁰⁹, Тамбовском (1889 и 1900)⁴¹⁰, Пермском (1889 и 1891)⁴¹¹, Вятском (1891)⁴¹², Смоленском (1900)⁴¹³, Владимирском⁴¹⁴, Самарском⁴¹⁵, Саратовском (1902)⁴¹⁶ и Симбирском (1904–1905)⁴¹⁷ ГЖУ. Более устойчивым был «либерализм» в земствах Екатеринославской (первая половина 1880-х – 1893, 1900)⁴¹⁸, Тверской (1887– 1903)⁴¹⁹, Ярославской (первая половина 1890- х)⁴²⁰, Тульской (1895–1898)⁴²¹, Нижегородской (1897–1901)⁴²², Черниговской (1901–1904)⁴²³ губерний. При этом первое упоминание «либерального» земства в Тверском, Тульском, Нижегород-

⁴⁰⁴ Городское самоуправление как проводник «либеральных» идей см.: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 45. Л. 2–3; 1888. Оп. 84. Д. 235. Л. 87– 89; 1895. Д. 1719. Л. 3–16; Особый отдел. 1903. Д. 1372. Л. 3–4; 1904. Д. 2025. Л. 8.

⁴⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1881. Д. 1567. Л. 3–6; 1891. Д. 44. Ч. 25. Л. 4–4 об.

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1883. Д. 128. Л. 3–3 об.

⁴⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 30. Л. 3; 1905. Д. 1. Ч. 39. Лит. А. Л. 37 об.

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 49. Л. 1–2 об.; 1889. Д. 43. Ч. 14. Л. 1–2.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 45. Л. 4–5.

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 6. Л. 2; 1900. Д. 1. Ч. 21. Лит. А. Л. 2 об.

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 43. Л. 5; 1891. Д. 44. Ч. 2. Л. 7.

⁴¹² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 43. Л. 4 об.

⁴¹³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 55. Лит. А. Л. 7 об.

⁴¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 65.

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 2 об.–5.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Ч. 55. Л. 11–12.

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 41. Лит. А. Л. 3 об.; Особый отдел. 1904. Д. 1192. Л. 5–8.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 3–4; 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 2; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1889. Д. 43. Ч. 13. Л. 1; 1891. Д. 44. Ч. 7. Л. 1–6; 1893. Д. 152. Ч. 11. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 38. Лит. А. Л. 5, 10 об.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 39. Л. 5; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 32. Л. 3, 5, 7 об., 8; Д. 235. Л. 114–115, 116; 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 6; 1891. Д. 44. Ч. 49. Л. 2–9, 21–22 об.; 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3 об.; 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.; 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.–3; 1899. Д. 3957. Л. 12; 1901. Д. 672. Л. 21; Особый отдел. 1903. Д. 141. Т. 2. Л. 85.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 26. Л. 1 об.; 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 99; 1893. Д. 152. Ч. 7. Л. 2 об.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 215. Л. 2 об.; Д. 599. Л. 3–3 об., 19.

⁴²² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1897. Д. 1544. Л. 2–3, 6–7, 17–17 об.; 1900. Д. 1. Ч. 42. Лит. А. Л. 3, 11–11 об.; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 15–18.

⁴²³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.–8; Лит. Б. Л. 11–12; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 22. Лит. В. Л. 15, 19, 20–21, 25, 26, 27; 1901. Д. 28. Л. 18.

ском и Черниговском ГЖУ сопровождалось утверждением о давнем существовании самого явления и наличии организованных групп соответствующих взглядов внутри самоуправления, а в предыдущие годы в политических обзорах этих же губерний упоминались другие «либеральные» институты (периодическая печать, общества, библиотеки), социальные или профессиональные группы.

Вполне возможно, что «либеральные партии» внезапно «появлялись» в документах о земствах названных губерний вследствие ряда причин, начиная от смены начальника ГЖУ и заканчивая активизацией самих земцев. Например, «либеральная партия», «руководившая» политическим направлением земства Тульской губернии, впервые упоминается в политическом обзоре местного ГЖУ за 1894 г.⁴²⁴ Скорее всего, эта характеристика возникла в жандармском документе вследствие кампании, прокатившейся по земствам Российской империи в связи с восшествием на престол Николая II и выразившейся в подаче новому императору адресов с требованиями разной степени радикальности. На этой же странице политического обзора в обтекаемых формулировках говорится о всеподданнейшем адресе Тульского губернского земского собрания: он был «почти тождественным по своему содержанию с адресом тверского земства»⁴²⁵. Говоря иначе, «либеральная партия» тульского земства поддержала требование тверского земства о введении народного представительства, и этим и объяснялось ее («партии») упоминание в ежегодном отчетном жандармском документе.

Служащие охранных отделений и Департамента полиции писали о «земском либерализме» существенно реже ГЖУ и без привязки к конкретному региону. Соответствующие характеристики встречаются в переписке Санкт-Петербургского (1893)⁴²⁶, Харьковского (1904)⁴²⁷ и Московского (1905)⁴²⁸ отделений, а также документах за подписью директоров Департамента полиции С.Э. Зволянского (1896 и 1901)⁴²⁹ и А.А. Лопухина (1904)⁴³⁰ и сотрудника Особого отдела Департамента Н.Д. Зайцева (1904)⁴³¹.

Следующий «либеральный» институт, о котором писали в политической полиции, – это периодическая печать, причем здесь можно говорить об общей для всех ее чинов и довольно устойчивой терминологии. В Департаменте полиции, Санкт-Петербургском и Московском охранных отделениях в конце XIX – начале XX в. речь шла о «либеральных органах печати», «либеральной печати», «либеральной прессе»⁴³², ГЖУ на пространстве всей империи добавляли к этим формулировкам эпитеты «столичный»/«столичная»⁴³³, причем из сохранившихся и просмотренных мной политических обзоров расшифровка содержания самого термина была сделана только однажды в Финляндском ГЖУ в 1900 г.: понятие «столичная либеральная пресса» включало в себя газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости», «Россия» и «Петербургскую газету»⁴³⁴.

К этому добавлялись «либеральные» издания собственно каждой губернии. Чины Санкт-Петербургского ГЖУ и Санкт-Петербургского охранного отделения писали в этом контексте

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 215. Л. 2 об.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1199. Л. 6.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1000. Т. 2. Л. 33.

⁴²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 999. Ч. 43. Л. 24.

⁴²⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 3–16; 1901. Д. 682. Л. 89.

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1192. Л. 19.

⁴³¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 1000. Л. 162 а 1–7 об.

⁴³² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 933. Л. 2; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18, 19 об.–20 об., 22, 23–24; Лит. Д. Л. 37.

⁴³³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 1; 1889. Д. 43. Ч. 13. Л. 13.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 25. Лит. А. Л. 54.

о газете «Новости», журналах «Вестник Европы»⁴³⁵, «Русское обозрение», «Новое слово»⁴³⁶. В первой половине 1880-х гг. начальник Московского ГЖУ относил к «либеральной» печати «Русские Ведомости» под редакцией В.М. Соболевского, «Русский Курьер», издаваемый Н.П. Ланиным, «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова, еженедельные газеты «Русь» И.С. Аксакова и ежемесячные журналы «Русский Вестник» М.Н. Каткова и «Русская Мысль» С.А. Юрьева»⁴³⁷. В дальнейшем в этот список были добавлены газета «Жизнь» Д.М. и Е.М. Погодиных, «Юридический вестник» С.А. Муромцева и В.М. Пржевальского, но вычеркнута газета «Русь», определенная как орган партии «ярких славянофилов»⁴³⁸. В конце 1880-х гг. в Московском ГЖУ «либеральные» настроения связывались только с газетой «Русские ведомости», и эта репутация сохранилась за ней и позднее⁴³⁹. В Департаменте полиции лишь одно московское периодическое издание было названо «либеральным» – журнал «Русская мысль»⁴⁴⁰.

В других губерниях чины местных ГЖУ считали «либеральными» газеты «Нижегородский листок» (1898–1900)⁴⁴¹, «Северный край» (в Ярославле в начале XX в.)⁴⁴², «Саратовский дневник» (1902)⁴⁴³, «Самарскую газету» (1902)⁴⁴⁴, «Киевскую газету» (в Чернигове, 1904)⁴⁴⁵, «Харьковские губернские ведомости» (1904)⁴⁴⁶, «Бессарабскую жизнь» (1905)⁴⁴⁷.

Заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский в 1888–1889 гг. сообщал в Департамент полиции о «либеральной газете» «Самоуправление», которую печатали за границей народовольцы В.Л. Бурцев и В.Н. Фигнер, но финансировала и редактировала «либеральная группа», находящаяся в России, во главе с профессором В.А. Гольцевым и литератором В.В. Головачевым. Имя главного редактора, который проживал в Санкт-Петербурге, Рачковскому установить не удалось⁴⁴⁸. В течение 1890-х гг. Рачковский трижды докладывал в Департамент о попытках «либералов» издавать за границей периодический орган (1890, 1894, 1896). В результате в 1896 г. возникло издание «Земский собор», вскоре, летом 1897 г., прекратившее существование из-за внутреннего раскола⁴⁴⁹

⁴³⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 33. Лит. А. Л. 14–15.

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1791. Л. 28 об.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 35. Л. 3.

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 45. Л. 9, 10, 11.

⁴³⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 89. Ч. 19. Л. 10 об.; 1889. Д. 43. Ч. 30. Л. 12; 1891. Д. 44. Ч. 27. Л. 13; 1893. Д. 152. Ч. 35. Л. 18; 1894. Д. 104. Ч. 44. Л. 76; 1901. Д. 933. Л. 2.

⁴⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 13. Л. 16.

⁴⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1897. Д. 1544. Л. 17; 1900. Д. 1. Ч. 42. Лит. А. Л. 3, 11–11 об.

⁴⁴² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 85. Лит. А. Л. 17 об.

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 29. Л. 1; 1902. Д. 1889. Л. 5.

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 5.

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 6.

⁴⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1902. Д. 2087. Л. 18.

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 23. Лит. А. Л. 5.

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 1. Л. 61 а, 97; 1889. Д. 403. Л. 34–36.

⁴⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 1. Л. 69–69 об.; 1894. Д. 1. Л. 268–273, 289–293, 384, 423; Особый отдел. 1898. Д. 6. Ч. 47. Л. 39, 91; Д. 14. Ч. 6. Л. 1–2, 4, 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.